от автора бестселлера
«ДЕВУШКА В ПОЕЗДЕ»

ПОЛА ХОКИНС

ТЛЕЮЩИЙ ОГОНЬ

Роман удивительной, прямо-таки взрывоопасной силы — он не отпустит до последней фразы.
Кейт Мосс

Тлеющий огонь
Пола Хокинс

Аннотация
Пола Хокинс. Тлеющий огонь
1
2
3
4
5
6
7
8
Сумевшая спастись
9
Сумевшая спастись
10
11
Сумевшая спастись
12
Сумевшая спастись
13
Сумевшая спастись
14
15

16
17
18
19
20
Сумевшая спастись
21
22
23
Сумевшая спастись
24
Сумевшая спастись
25
Сумевшая спастись
26
27
28
29
30
31
32
Сумевшая спастись
Сумевшая спастись
33
34
35

36
37
38
39
Эпилог
Примечание автора
От автора

Аннотация

Когда в плавучем доме находят тело молодого художника Дэниела, у полиции есть все основания предполагать, что это жестокое убийство совершила женщина.

Но кто она?

Лора, его симпатичная подружка, подверженная вспышкам ярости?

Карла, тетя Дэниела, много лет считающая его мать виновной в гибели своего сына?

Или Мириам, живущая на соседней барже? И кажется, ей явно есть что скрывать…

Три женщины, так или иначе связанные с убитым.

Три женщины, в душе которых горит желание исправить причиненное им зло.

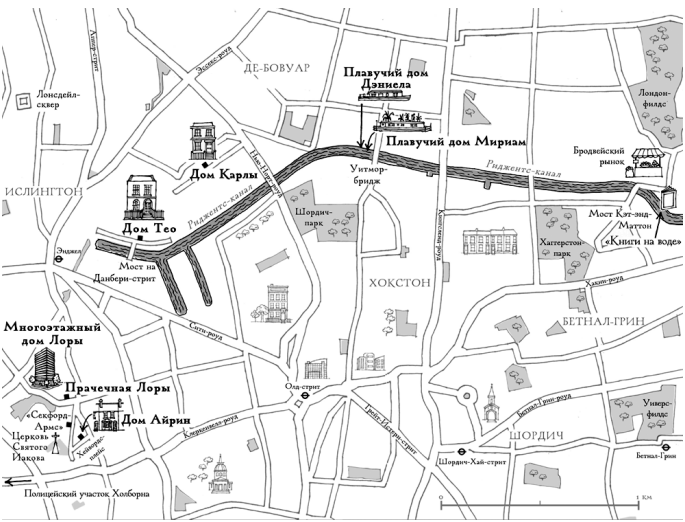
Но как далеко могла зайти каждая из них, чтобы обрести покой? И как долго могут тлеть секреты, прежде чем они превратятся в настоящий огонь?..

Пола Хокинс
Тлеющий огонь

Paula Hawkins
A slow fire burning
© Paula Hawkins Ltd, 2021
© Map design. Liane Payne, 2021
© Перевод. В. Антонов, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Эта книга посвящается
памяти Лиз Гохенадель Скотт,
чье сияние делало мир теплее.
Нам всегда будет ее не хватать.
Кто-то из нас рожден быть падальщиком,
а кто-то — его добычей.

Эмили Скайя. Моя история…



Перепачканная кровью девушка шатаясь бредет в темноте. Сквозь разодранную одежду тут

и там виднеются участки бледной кожи. Одной туфли нет, и нога сбита в кровь. Она испытывает страшные муки, но боль отступила на второй план, заглушенная другими страданиями.

Лицо ее искажено страхом, сердце бешено колотится, дыхание прерывистое, как у загнанного зверя.

Ночную тишину разрывает низкий гул. Самолет? Стерев кровь с глаз, девушка смотрит в небо, но на нем только звезды.

Гул становится громче и ниже. В машине переключили передачу? Ей удалось добраться до шоссе? Окрыленная надеждой, она находит в себе силы вновь броситься бежать.

Она скорее чувствует, чем видит свет позади. Чувствует, как свет фар выхватывает из темноты ее фигуру, и понимает, что машина приближается сзади. Едет с фермы. Девушка оборачивается.

Еще не видя его, она знает, что он ее нашел. Знает, что за рулем окажется именно он. Она замирает. Мгновение поколебавшись, прыгает в сторону от дороги, в канаву, перелезает через деревянный забор и оказывается на соседнем поле. Она бежит наугад, падает, поднимается и снова бежит, не издавая ни звука. Что толку кричать?

Поймав ее, он наматывает ее волосы на руку и

тянет вниз. Она чувствует запах его дыхания. Она знает, что он собирается с ней сделать. Знает, что будет дальше, потому что уже видела, как он это делал, делал с ее подругой, как яростно…

«Боже милостивый, — пробормотала Айрин, закрывая книгу и отправляя ее к другим, приготовленным для отправки в благотворительный магазин. — Что за чушь!»

1

В голове у Лоры раздался голос Дейдры. *Твоя проблема, Лора, в том*, сказала она, *что ты всегда делаешь неправильный выбор*.

В самую гребаную точку, Дейдра! Сама Лора не собиралась говорить или даже подумать нечто подобное, но, стоя в ванной, не в силах унять бившую ее дрожь и видя, как горячая кровь продолжает струиться из глубокого пореза на руке, вынуждена была признать, что воображаемая Дейдра абсолютно права. Чтобы не встречаться с собой взглядом, она наклонилась вперед и прижалась к зеркалу лбом. Однако смотреть вниз оказалось еще хуже — ей было видно, как из раны сочится кровь, отчего голова начала кружиться и ее затошнило. Сколько же крови! Порез оказался глубже, чем она думала, и — по-хорошему — ей бы следовало обратиться в отделение травматологии. Однако туда она ни за что пойдет.

Неправильный выбор.

Дождавшись, когда кровь наконец стала течь не так сильно, Лора сняла и швырнула на пол футболку, стянула джинсы, сбросила трусики и

вывернулась из бюстгальтера. Почувствовав, как металлическая застежка зацепилась за порез, резко втянула воздух сквозь зубы и, сморщившись, прошипела:

— Твою мать!

Отправив бюстгальтер тоже на пол, Лора включила душ и встала под него, то и дело вздрагивая под струйкой обжигающей воды (ее душ предлагал на выбор либо очень горячую, либо очень холодную воду — смешивать потоки было нельзя). Кожа на кончиках пальцев сморщилась, и она осторожно потрогала ровные белесые шрамы на бедрах, плечах и затылке. *А вот и я*, тихо сказала она себе. *А вот и я.*

Неуклюже замотав предплечье туалетной бумагой, Лора обернулась стареньким полотенцем и, устроившись на уродливом сером кожаном диване в гостиной, позвонила матери. Попав на голосовую почту, она повесила трубку. Нет смысла тратить на нее деньги. Затем Лора позвонила отцу.

— С тобой все в порядке, цыпленок?

Было слышно, что в комнате работает радио. Станция «5 Лайв».

— Папа. — Она почувствовала, как к горлу подкатил комок, и проглотила его.

— Что случилось?

— Папа, ты не мог бы приехать? Я… у меня была очень непростая ночь, и мне бы хотелось, чтобы ты ненадолго приехал. Я понимаю, что отрываю тебя и на машине путь неблизкий, но…

— *Нет, Филип!* — прошипела сквозь зубы Дейдра на заднем плане. — *У нас игра в бридж!*

— Папа? Ты не мог бы выключить громкую связь?

— Милая, я…

— Серьезно, ты можешь выключить громкую связь? Я не хочу слышать ее голос, мне сразу хочется устроить пожар…

— Ну что ты, Лора, перестань…

— Ладно, забудь об этом, папа, все это не важно.

— Ты уверена?

Нет, нет и нет, ни черта я не уверена.

— Да, конечно. Я в порядке. Со мной все хорошо.

По пути в спальню Лора наступила на куртку, которую бросила в коридоре, когда спешила в ванную. Наклонилась и подняла ее. Один рукав был разорван, часы Дэниела по-прежнему лежали в кармане. Она вынула их и, перевернув, надела на запястье. Туалетная бумага вокруг

предплечья пропиталась кровью, а рука тихонько пульсировала, отзываясь на выброс крови из раны. Голова у нее закружилась. В ванной часы соскользнули с запястья и упали в раковину. Лора разорвала бумагу, сбросила на пол полотенце и забралась обратно под душ.

С помощью ножниц она старалась убрать грязь из-под ногтей и смотрела, как стекавшая вода становилась розовой от крови. Она закрыла глаза. В голове звучал вопрос Дэниела: *Что с тобой?*, а еще слова Дейдры: *Нет, Филип, у нас игра в бридж*, — и ее собственные: *Все сжечь! Сжечь! Сжечь… сжечь… сжечь…*

2

Каждое второе воскресенье Мириам чистила туалет. Ей приходилось вытаскивать бак (на удивление, неприятно тяжелый) из маленького клозета в задней части баржи, нести его через каюту, а потом еще целых сто ярдов по тропе до основного накопителя, в который его следовало опорожнить, после чего ополоснуть, чтобы удалить все, что осталось. Это было одним из самых существенных неудобств жизни в плавучем доме, и она старалась разделаться с этим пораньше, пока рядом никого не было. Нести бак с дерьмом на глазах у незнакомцев, собачников и бегунов было очень унизительно.

Мириам вышла на заднюю палубу, чтобы проверить, нет ли на тропе людей или других препятствий в виде брошенных велосипедов или бутылок (люди могут вести себя крайне антисоциально, особенно поздним вечером в субботу). Утро было ясное, слишком свежее для марта, хотя белые бутоны на глянцевых молодых ветвях платана и березы намекали на весну.

Март выдался холодным, и ее удивило, что

двери каюты соседнего плавучего дома были открыты так же, как и накануне вечером. Это показалось ей странным. К тому же она хотела поговорить с жившим в нем молодым человеком о нарушении сроков швартовки. Он занимал причал целых шестнадцать дней, на два полных дня дольше, чем имел право, и она собиралась посоветовать ему подыскать себе другое место. Вообще-то это было не ее дело и не входило в круг ее обязанностей, но она, в отличие от большинства других людей, жила здесь постоянно, и это наполняло ее чувством особой ответственности.

Как бы то ни было, именно так Мириам объяснила инспектору Баркеру свое решение заглянуть в каюту пришвартованного рядом плавучего дома, когда он спросил ее об этом. Детектив сидел напротив нее сгорбившись и почти упираясь коленями в колени Мириам. Каюта плавучего дома — не самое удобное место для высокого человека, а инспектор был очень высоким мужчиной, с головой, похожей на бильярдный шар. На его лице была написана досада, как если бы он рассчитывал провести день, занимаясь чем-то приятным, например сходить с детьми в парк, а вместо этого вынужден был сидеть с ней, и ему это не нравилось.

— Вы что-нибудь трогали? — поинтересовался он.

Трогала ли она? Мириам закрыла глаза и представила, как осторожно стучит в окно бело-голубой баржи и ждет ответной реакции — голоса или подергивания занавески. Ничего не дождавшись, она наклонилась, чтобы заглянуть в каюту, но из-за сетчатой занавески и осевшей на стекле многолетней городской и речной грязи ничего не увидела. Она постучала еще раз и, не получив ответа, перебралась на заднюю палубу и громко спросила: *Эй! Есть кто-нибудь дома?*

Затем очень осторожно приоткрыла дверь каюты и сразу почувствовала какой-то запах — железа, мяса, чего-то, пробуждающего ощущение голода. *Эй?* Распахнув дверь полностью, она спустилась по паре ступенек в каюту, и от увиденного слова застряли у нее в горле: мальчик — вообще-то не мальчик, а молодой человек — лежал на полу. Все вокруг залито кровью, а на горле вырезан широкий смайлик.

Мириам вспомнила, как пошатнулась, прикрыла рот рукой и замерла. Почувствовав головокружение, наклонилась вперед, протянула руку и ухватилась за стойку. *О боже!*

— Я коснулась стойки, — сказала она детекти-

ву. — Мне кажется, я держалась за нее, как раз там, с левой стороны, при входе в каюту. Я увидела его и подумала… ну, я почувствовала… меня затошнило. — Она покраснела. — Но тогда меня не вырвало. А вот снаружи… Мне жаль, что я…

— Не переживайте из-за этого, — сказал Баркер, глядя ей в глаза. — Из-за этого не надо переживать. А что вы сделали потом? Вы увидели тело, оперлись на стойку… И?…

Ее поразил запах. К запаху всей этой крови примешивалось что-то еще, запах чего-то старого, сладкого и затхлого — так пахнут лилии, слишком долго простоявшие в вазе. Сочетание запаха и привлекательной внешности молодого человека производило сильное впечатление: красивое мертвое лицо, остекленевшие глаза, обрамленные длинными ресницами, между приоткрытыми пухлыми губами ряд ровных белых зубов. Его тело, руки и кисти были залиты кровью, а кончики пальцев прижаты к полу. Как будто он за него держался. Мириам повернулась и уже собиралась уйти, как вдруг ее взгляд привлек какой-то странный серебристый предмет, блеснувший в начинавшей чернеть крови.

Спотыкаясь, она вскарабкалась по ступенькам и выскочила из каюты, глотая воздух и задыха-

ясь. На тропинке ее вырвало, и она, вытерев рот, истошно закричала: «На помощь! Кто-нибудь, вызовите полицию!» Но в полвосьмого утра в воскресенье никого рядом не оказалось. На тропе было безлюдно, на дорогах наверху тоже никакого движения, и тишину нарушали лишь мерное потрескивание работавшего где-то генератора да недовольные крики пролетавших мимо чаек. Мириам бросила взгляд на мост через канал, и на мгновение ей показалось, что по нему кто-то шел, но потом и там уже никого не было, и она осталась одна, охваченная парализующим страхом.

— Я ушла, — сказала Мириам детективу. — Я сразу ушла с баржи… я позвонила в полицию. Меня стошнило, а затем я побежала к своей барже и вызвала полицию.

— Хорошо, хорошо.

Она подняла на него глаза и увидела, что он с любопытством разглядывает убранство аккуратной крохотной каюты. Книги над раковиной («Рецепты блюд в одной посуде», «Об овощах по-новому»), травы на подоконнике, базилик и кориандр в пластиковых контейнерах, саженец розмарина в горшочке, покрытом голубой глазурью. Он взглянул на книжный шкаф, заполненный книгами в бумажных обложках. На нем

стоял горшок с покрытым пылью вечнозеленым спатифиллумом. На фотографии в рамке — семейная пара с крепким малышом посредине.

— Вы живете здесь одна? — поинтересовался он, но на самом деле вопрос был чисто риторическим.

Она знала, о чем он думал: толстая старая дева, защитница природы, любительница вязания, йогурта и сплетен, которая сует нос в чужие дела. Для Мириам не было секретом, какой ее видят люди.

— А вы… вы знаете своих… соседей? Хотя какие они соседи? Не думаю, что их можно так назвать, раз они останавливаются здесь всего на пару недель.

Мириам пожала плечами:

— Есть те, кто приезжает сюда регулярно, у них имеется свой причал, на котором они любят останавливаться, так что какие-то знакомства вполне возможны. Если есть такое желание. Но можно и держаться от всех подальше, как предпочитаю я.

Детектив никак не отреагировал на ее слова и промолчал, устремив на нее изучающий взгляд. Она поняла, что он пытается решить для себя, что она собой представляет, поскольку на слово никому не верит и не принимает за чистую монету

все, что она ему говорит.

— А как насчет него? Человека, которого вы нашли сегодня утром?

Мириам покачала головой:

— Мы не были знакомы. Я видела его несколько раз, поздоровалась, пожелала доброго утра или что-то в этом роде, и он ответил. Вот и все. Больше никаких разговоров, даже простого обмена любезностями.

(Все было *не совсем* так: после того, как он пришвартовался, она действительно видела его всего пару раз и сразу угадала в нем новичка. Баржа была в ужасном состоянии: краска отслаивалась, перемычки покрылись ржавчиной, дымоход покосился, да и сам он выглядел слишком ухоженным для жизни на канале. Чистая одежда, белые зубы, никакого пирсинга или татуировок. Во всяком случае, их не было видно. Привлекательный молодой человек, довольно высокий, темноволосый, темноглазый, черты лица резкие. Увидев его в первый раз, она поздоровалась, а он взглянул на нее, улыбнулся, и она почувствовала, как по коже у нее пробежали мурашки.)

Тогда она обратила на это внимание. Но рассказывать об этом детективу Мириам не собиралась. *Когда я впервые увидела его, у меня возникло*

странное ощущение… Он точно решит, что она ненормальная. Но только сейчас она поняла, что именно тогда почувствовала. Это не было предчувствием или еще какой подобной глупостью, это было *узнаванием*.

Это открывало новые возможности. Такая мысль возникла у нее сразу же, как только она поняла, кем был этот молодой человек, но она не знала, как воспользоваться этим наилучшим образом. Однако теперь, когда он был мертв, казалось, что все случилось именно так, как и должно было произойти. Интуиция.

— Миссис Льюис? — обратился к ней детектив Баркер.

— Мисс, — поправила Мириам.

Он на мгновение закрыл глаза.

— Мисс Льюис. Вы не видели его с кем-нибудь? Он с кем-нибудь разговаривал?

Поколебавшись, она кивнула:

— К нему приходили. Думаю, пару раз. Может, был еще кто-то, но я видела только женщину, старше его, ближе к моему возрасту, лет за пятьдесят. Серебристые волосы, очень короткая стрижка. Худенькая, по-моему, довольно высокая, ростом пять футов восемь, может, девять дюймов, черты лица угловатые…

Бейкер удивленно приподнял бровь.

— Вы так хорошо ее разглядели?

Мириам снова пожала плечами:

— Ну да. Я довольно наблюдательна. Мне нравится быть в курсе событий. — Можно и подыграть его суждениям. — Но она относится к тем женщинам, которых при всем желании невозможно не заметить, она просто бросалась в глаза. Стрижка, одежда… она выглядела *дорого*.

Детектив снова кивнул, беря это на заметку, и Мириам не сомневалась: чтобы понять, о ком она говорит, много времени ему не понадобится.

Как только детектив ушел, полицейские оцепили тропу между Де-Бовуаром и Шеппертоном, двигаясь по берегу канала вдоль пришвартованных судов. Неоцепленными остались только место преступления и баржа Мириам. Сначала полицейские пытались уговорить ее переехать в другое место, но она четко дала им понять, что ночевать ей больше негде. Где они собираются ее разместить? Молодому полицейскому в форме, с писклявым голосом и прыщами, было явно не по себе от этой попытки переложить на него ответственность. Посмотрев сначала вверх, на небо, а потом вниз, на воду, он окинул взглядом канал и остановил его на Мириам — маленькой, толстой,

безобидной женщине средних лет, — после чего сдался. Он переговорил с кем-то по рации, а затем вернулся к ней и разрешил остаться.

— Вы можете беспрепятственно покидать свою… хм… *резиденцию* и возвращаться в нее, но только не гулять вдоль канала, — сообщил он.

В тот день Мириам сидела на задней палубе своего плавучего дома под тусклым солнцем, наслаждаясь необычной тишиной закрытого для посещения канала. В накинутом на плечи одеяле и с чашкой чая под рукой, она наблюдала, как полицейские и эксперты сновали туда-сюда, приводили собак, проплывали на катерах, обыскивали тропу и землю рядом с ней, обшаривали дно в мутной воде.

Если учесть, каким непростым для нее выдался день, она чувствовала себя на редкость умиротворенной, а при мыслях об открывающихся перед ней новых возможностях ощущала прилив оптимизма. В кармане кардигана она нащупала маленький ключик на брелоке, все еще липком от крови. Она подобрала его с пола и скрыла это от детектива, даже не задумываясь о том, почему так делает.

Чутье.

Это он, этот ключ, тогда поблескивал рядом с

телом молодого человека. Ключ был на небольшом деревянном брелоке в форме птички. Она сразу узнала его, поскольку не раз видела пристегнутым к поясу джинсов, которые носила Лора из прачечной самообслуживания. За глаза ее называли «шальной Лорой», но Мириам всегда находила ее довольно дружелюбной и вовсе не злой. Мириам видела, как Лору, которая была, судя по всему, здорово навеселе, привел на свою обшарпанную баржу тот красивый молодой человек. Когда это было? Два дня назад? Три? Она наверняка записала это в блокнот — все интересные посещения Мириам обязательно фиксировала в блокноте.

Когда спустились сумерки, полицейские вынесли тело, поднялись по ступенькам и вышли на дорогу, где их ждала машина «Скорой помощи», чтобы увезти тело в морг. Когда они проходили мимо Мириам, она поднялась, почтительно склонила голову и тихо произнесла, все еще не до конца веря в случившееся: *Покойся с миром*.

И еще она прошептала слова благодарности. Потому что, пришвартовав свой плавучий дом рядом, а потом став жертвой жестокого убийства, Дэниел Сазерленд предоставил Мириам возможность, которую она просто не могла упустить:

возможность отомстить за все причиненные ей обиды.

В наступившей темноте и непривычной тишине Мириам стало немного не по себе, и она ушла в каюту, тщательно заперев за собой дверь. Вынув из кармана ключ Лоры, положила его в деревянную шкатулку для безделушек, которую хранила на верхней книжной полке. Четверг был днем стирки. Тогда она и вернет его Лоре.

А может, и не вернет.

Разве можно заранее знать, что именно окажется полезным?

3

— Миссис Майерсон? Может, вам лучше присесть? Вот так. Постарайтесь дышать глубже. Нужно кому-нибудь позвонить, миссис Майерсон?

Карла опустилась на диван и, согнувшись пополам, уткнулась лицом в колени, скуля, будто собака.

— Тео, — сумела она выдавить из себя. — Позвоните, пожалуйста, Тео. Это мой муж. Бывший муж. Он есть у меня в телефоне. — Она подняла голову, осматривая комнату, но телефона не увидела. — Я не знаю, где он, я не знаю, куда…

— Он у вас в руке, миссис Майерсон, — мягко произнесла женщина-детектив. — Вы держите телефон в руке.

Карла посмотрела вниз и увидела, что крепко сжимает в дрожащей руке свой мобильный телефон. Покачав головой, она передала его детективу.

— Я схожу с ума, — сказала она.

Женщина растянула губы в легкой улыбке и на мгновение ободряюще положила руку Карле на

плечо. Потом забрала телефон и вышла на улицу, чтобы позвонить.

Другой детектив, инспектор Баркер, откашлявшись, спросил:

— Я так понимаю, что мать Дэниела умерла, верно?

Карла кивнула.

— Шесть… нет, восемь недель назад, — ответила она и увидела, как брови детектива взлетели вверх от удивления. — Моя сестра упала дома, — пояснила Карла. — Это не было… это был несчастный случай.

— А у вас есть контакты отца Дэниела?

Карла покачала головой:

— Вряд ли. Он живет в Америке, и уже давно. Он не интересовался, он никогда не принимал участия в жизни Дэниела. Просто… — Голос Карлы дрогнул, она глубоко вздохнула и медленно выдохнула. — Были только Анджела и Дэниел. И я.

Баркер кивнул. Он молча стоял перед камином, выпрямившись во весь рост, и ждал, пока Карла успокоится.

— Вы недавно здесь живете? — спросил он, решив, как показалось Карле, что подождал достаточно долго для соблюдения приличий.

Она ошеломленно посмотрела на него. Инспек-

тор показал длинным указательным пальцем на ящики и картины, прислоненные к стене столовой.

Карла громко высморкалась.

— Я собираюсь повесить эти картины почти шесть лет, — ответила она. — Когда-нибудь займусь крючками для них. А эти ящики из дома моей сестры. Понимаете, письма, фотографии. Вещи, которые мне не хочется выбрасывать.

Баркер кивнул. Он скрестил руки на груди, переступил с одной ноги на другую, открыл рот, чтобы что-то сказать, но ему помешал громкий стук захлопнувшейся входной двери. От неожиданности Карла вздрогнула. В комнату с виноватым видом вошла детектив-констебль Чалмерс.

— Мистер Майерсон уже в пути. Он сказал, что скоро будет.

— Он живет в пяти минутах отсюда, — уточнила Карла. — На Ноэль-роуд. Вы знаете это место? Там в шестидесятые годы жил Джо Ортон. Драматург. Там его убили. Кажется, забили до смерти или зарезали.

Детективы непонимающе смотрели на нее.

— Но все это… *не важно*, — сказала Карла. И с ужасом поймала себя на мысли, что едва не рас-

хохоталась. Почему она вообще это вспомнила? Почему заговорила о Джо Ортоне, о людях, которых избивают? Она *действительно* сходит с ума. Детективы, казалось, не придали этому значения или посчитали обычной реакцией. Возможно, все люди ведут себя как сумасшедшие, узнав об убийстве члена своей семьи.

— Когда вы в последний раз видели своего племянника, миссис Майерсон? — спросил у нее Баркер.

Карла никак не могла сосредоточиться и вспомнить.

— Я… Господи, я его видела… в доме Анджелы. В доме моей сестры. Это недалеко, минут двадцать пешком, на другой стороне канала, на Хейвордс-плейс. Я разбирала ее вещи, и Дэниел приходил кое-что забрать. Он не жил там много лет, но некоторые его вещи по-прежнему хранились в старой спальне, в основном альбомы для рисования. Он был довольно талантливым художником. Знаете, он рисовал комиксы. Графические романы. — Она невольно вздрогнула. — Так когда это было? Неделю назад? Две недели? Господи, я не могу вспомнить, моя голова просто *отказывается соображать*, я… — Она с силой поскребла ногтями по голове, запустив пальцы в короткие

пряди волос.

— Все в порядке, миссис Майерсон, — сказала Чалмерс. — Мы можем уточнить подробности позже.

— Итак, как долго он жил там, на канале? — поинтересовался Баркер. — Вы случайно не знаете, когда…

Раздался громкий стук дверного молотка, и Карла снова вздрогнула.

— Тео, — выдохнула она, поднимаясь. — Слава богу!

Чалмерс оказалась у двери раньше Карлы и впустила в холл Тео, от волнения красного и покрытого потом.

— Господи, Си, — сказал он, хватая Карлу и крепко прижимая к себе. — Что, черт возьми, случилось?

Полицейские снова прошлись по всем фактам. Племянник Карлы, Дэниел Сазерленд, был найден тем утром мертвым в своем плавучем доме, пришвартованном у Де-Бовуар-роуд на Риджентс-канал. Его несколько раз ударили ножом. Вероятно, он был убит за двадцать четыре часа или за тридцать шесть часов до того, как его нашли; позже они смогут определить время точнее. Они задавали вопросы о работе и друзьях Дэние-

ла, о том, не было ли у него проблем с деньгами и не принимал ли он наркотики.

Они не знали.

— Вы не были близки? — предположила Чалмерс.

— Я его почти не знал, — ответил Тео. Он сидел рядом с Карлой, потирая лоб указательным пальцем, как делал всегда, когда его что-то беспокоило.

— Миссис Майерсон?

— Близки не были, нет. Нет… Ладно. Видите ли, мы с сестрой редко виделись…

— Хотя она жила прямо за каналом? — удивилась Чалмерс.

— Нет, — покачала головой Карла. — Мы… Я очень давно не общалась с Дэниелом. В самом деле. Со времени его детства. А снова его увидела, как я уже говорила, когда умерла моя сестра. Какое-то время он жил за границей. Кажется, в Испании.

— А когда он перебрался жить на баржу? — поинтересовался Баркер.

Карла сжала губы и покачала головой.

— Не знаю, — ответила она. — Правда, не знаю.

— Мы понятия не имели, что он там живет, — добавил Тео.

Баркер пристально посмотрел на него.

— Но ведь его баржа пришвартована довольно близко от вашего дома. Вы же живете на Ноэль-роуд, верно? Это примерно в миле от того места, где стоял его плавучий дом.

Тео пожал плечами и снова с силой потер лоб — кожа у линии роста волос заметно порозовела. Он выглядел так, будто сгорел на солнце.

— Вполне может быть, но я понятия не имел, что он там живет.

Детективы переглянулись.

— Миссис Майерсон? — Баркер повернулся к ней.

Карла покачала головой.

— Понятия не имею, — тихо сказала она.

После этого детективы надолго замолчали. Карле показалось, что они рассчитывали услышать от нее что-то еще. От нее или от Тео.

Тео оправдал их ожидания.

— Вы сказали… сутки, верно? От одних суток до полутора?

Чалмерс кивнула:

— По нашим оценкам, смерть наступила где-то между восемью часами вечера пятницы и восемью утра субботы.

— Понятно, — Тео снова потер лоб, глядя в

окно.

— Вы о чем-то подумали, мистер Майерсон?

— Я видел девушку, — сказал Тео. — В субботу утром. Было рано — может, часов шесть? Она шла по дороге вдоль канала мимо моего дома. Я стоял у окна в кабинете и увидел ее. Я ее запомнил, потому что на ней была кровь. На лице. Думаю, что и на одежде тоже. Она не была в крови с ног до головы, нет, но… перепачкана ею, точно.

Карла недоверчиво уставилась на него.

— Что ты такое говоришь? Почему ты не рассказал мне?

— Ты спала, — объяснил Тео. — Я встал, собирался сварить кофе и пошел за сигаретами в кабинет. Я увидел ее из окна. Она была молода, думаю, не больше двадцати лет, и шла по тропинке. Хромала. А может, просто шаталась? Я решил, что она пьяна. Я не сказал… просто не придал этому значения, ведь в Лондоне всегда полно странных или пьяных людей, разве не так? В такое время можно часто встретить кого-то, бредущего домой…

— В крови? — поинтересовался Баркер.

— Ну, это вряд ли. Вряд ли в крови. Вот почему я ее и запомнил. Я решил, что она упала или подралась. Я подумал…

— Но почему ты ничего не сказал? — не дав ему договорить, снова спросила Карла.

— Ты *спала*, Си, я не думал…

— Миссис Майерсон спала у вас дома? — нахмурившись, вмешалась Чалмерс. — Я правильно поняла? Вы ночевали у мистера Майерсона?

Карла смутилась и медленно кивнула.

— В пятницу мы вместе ужинали, и я осталась…

— Понимаете, хоть мы и разведены, но продолжаем поддерживать отношения и часто…

— Их это не интересует, Тео, — резко оборвала его Карла, и Тео вздрогнул.

Карла поднесла к носу салфетку.

— Извините. Прошу прощения. Но ведь это же не важно, верно?

— Никогда не знаешь, что окажется важным, — уклончиво отозвался Баркер и направился к выходу. Вручив Тео визитку, он что-то сказал о формальном опознании, родственных узах и необходимости оставаться на связи. Тео кивнул, сунул визитку в карман брюк и пожал детективу руку.

— А как вы узнали? — неожиданно спросила Карла. — Я имею в виду, кто сообщил об этом? Кто его нашел?

Чалмерс посмотрела на своего шефа и снова перевела взгляд на Карлу.

— Его нашла женщина, — сказала она.

— Женщина? — переспросил Тео. — Подруга? Молодая? Стройная? Я просто думаю о той, которую видел, на которой была кровь. Возможно, она…

Чалмерс покачала головой:

— Нет, это была женщина, живущая на соседней барже, и немолодая. Я бы сказала, средних лет. Она заметила, что на барже нет никакого движения, и пошла его проведать.

— Значит, она ничего не видела? — спросил Тео.

— Вообще-то она очень помогла, — сказал Баркер. — Она оказалась очень наблюдательной.

— Это хорошо, — сказал Тео, потирая лоб, — это очень хорошо.

— Некая миссис Льюис, — добавил Баркер, а Чалмерс его поправила:

— Мисс.

— Верно, — согласился он.

Карла заметила, как изменился в лице и побледнел Тео, когда Баркер добавил:

— Мисс Мириам Льюис.

4

— Он первый начал, слышите? Запомните! Он сам начал!

Они ждали, когда она вернется домой. Наверняка так и было, потому что они постучали в ее дверь буквально через тридцать секунд после того, как она вошла. Лора даже не успела отдышаться: она жила на седьмом этаже, а лифты опять не работали. И вот они вдруг заявились, отчего она лишь вышла из себя и занервничала. И, как долбаная идиотка, тут же начала выступать, хотя отлично знала, что этого делать не следовало. Тем более что в неприятности она попадала уже не в первый раз.

Правда, обычно неприятности были другими. Пьянство в общественном месте, мелкое воровство, вторжение в частное владение, вандализм, хулиганство. Один раз ее признали невиновной в простом нападении. А дело о нападении с нанесением телесных повреждений все еще было в суде.

Но сейчас они пришли *по другой причине*. Она поняла это почти сразу, потому что, пытаясь

отдышаться и возмущаясь вслух, сообразила, что на этот раз к ней пришли *детективы*. Они назвали свои фамилии, звания и все такое, что тут же вылетело у нее из головы, однако факт оставался фактом: перед ней стояли полицейские в штатском, а это означало совсем другой уровень неприятностей.

— Вы не возражаете, если мы войдем, мисс Килбрайд? — вежливо спросил мужчина. Он был высоким, худощавым и лысым, как яйцо. — Нам лучше поговорить с вами внутри. — Он не сводил взгляда с кухонного окна, которое она плохо закрыла.

Лора отрицательно замотала головой:

— Я возражаю, не думаю, что внутри будет лучше. Понимаете, мне необходим попечитель, вы можете меня допрашивать только в присутствии законного представителя… А вообще, в чем дело? Это из-за того парня в баре? Это дело уже рассматривается. Я получила повестку в суд, она пришпилена магнитом к холодильнику. Можете сами убедиться, если хотите… Нет, нет, нет, стойте! Подождите! Это не приглашение войти, это выражение такое…

— А зачем вам нужен попечитель, мисс Килбрайд? — Напарница Лысого, примерно на фут

ниже своего коллеги, с жесткими темными волосами, которые обрамляли большое круглое лицо с мелкими чертами, приподняла сросшиеся на переносице брови. — Разве вы несовершеннолетняя?

— Мне двадцать пять, и вам это отлично известно! — огрызнулась Лора.

Она не смогла их остановить: Лысый был уже в прихожей, а Бровастая протискивалась мимо, говоря:

— Откуда нам это знать?

— Так кто что начал, мисс Килбрайд? — поинтересовался Лысый с кухни.

Проследовав за ним, Лора увидела, как он наклонился, заложив руки за спину, и разглядывал повестку на холодильнике.

Лора громко фыркнула и подошла к раковине, чтобы налить себе воды. Ей нужно собраться. Посчитать. Когда она повернулась к Лысому, он посмотрел сначала на нее, а потом через ее плечо в окно.

— Были проблемы? — Он невинно приподнял брови.

— Не совсем.

Появилась его напарница со сросшимися бровями.

— Вы где-то поранилась, Лора? — спросила она.

Жадно глотая воду, Лора закашлялась и смерила женщину хмурым взглядом.

— Так что случилось с *мисс Килбрайд, а*? Мы ведь теперь друзья, верно? Лучшие друзья?

— Что с вашей ногой, Лора? — подключился Лысый. — Как вы ее повредили?

— В детстве меня сбила машина. Сложный перелом бедренной кости. У меня жуткий шрам, — сказала она, касаясь пальцами ширинки джинсов и пристально глядя на него. — Хотите посмотреть?

— Не особенно, — мягко ответил он. — А как насчет вашей руки? — Он указал пальцем на повязку вокруг ее правого запястья. — Эта рана явно не из детства.

Лора закусила губу.

— Я потеряла ключ, понимаете? Вечером в пятницу. Пришлось лезть в окно. — Она кивнула, указывая на кухонное окно, которое выходило на внешнюю дорожку, опоясывавшую весь жилой дом. — Получилось не очень удачно.

— Наложили швы?

Лора покачала головой:

— Я поранилась не так уж сильно.

— А ключ нашелся? — Повернувшись, он миновал проход, соединявший кухню с гостиной, и разглядывал все так, будто собирался купить квартиру. Ну, это вряд ли, квартира была в жутком состоянии. Лора знала, что ей следовало стыдиться дешевой мебели, голых стен, пепельницы на полу, которую кто-то задел ногой, и теперь по ковру был рассыпан пепел. И черт его знает, как давно это случилось, потому что сама она не курила и не могла вспомнить, когда в последний раз к ней кто-то приходил. Но заставить себя навести порядок было выше ее сил.

— Так как? — Бровастая презрительно поморщилась, оглядев Лору с ног до головы: обвисшие на коленках легинсы, грязную футболку, потрескавшийся лак на ногтях, сальные волосы.

Иногда Лора забывала принять душ, причем по нескольку дней подряд. Иногда вода обжигала, а иногда шла холодная, как сейчас, потому что бойлер действовал по своему разумению и работал когда хотел. Заплатить за вызов сантехника ей было нечем, и сколько бы она ни обращалась в совет, там все равно не чесались.

— Так как — что?

— Ключ нашелся? — повторила Бровастая с легкой улыбкой, будто поймала ее на лжи. — Вам

удалось отыскать ключ?

Лора допила воду, втянула сквозь зубы воздух и решила не отвечать.

— Вы не возражаете? — громко спросила она, отодвигая Бровастую локтем, чтобы пройти за Лысым.

— Ни в коей мере, — отозвался тот.

Теперь он стоял посреди гостиной и разглядывал единственное ее украшение — семейную фотографию в рамке. На ней были изображены родители и дочь. Кто-то потрудился над тем, чтобы испортить снимок, а уже потом вставить его в рамку и повесить на стену. К голове отца были подрисованы рога, изо рта матери высовывался раздвоенный язык, глаза девочки были перечеркнуты крестиками, а губы покрашены в кроваво-красный цвет. Лысый приподнял брови и повернулся к ней.

— Семейный портрет? — поинтересовался он.

Лора пожала плечами.

— Папа — это дьявол, верно?

Она покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза:

— Просто рогоносец.

Лысый поджал губы, медленно кивнул и повернулся, чтобы еще раз взглянуть на фотографию.

— Ладно, — произнес он, — ладно.

— Я взрослая, которая находится в уязвимом положении, — снова напомнила Лора, и детектив вздохнул.

— Нет, — устало возразил он, отвернулся от фотографии и тяжело опустился на диван. — Вы живете одна, подрабатываете в прачечной самообслуживания на Спенсер-стрит, и мы точно знаем, что вас несколько раз допрашивали в полиции без присутствия законного представителя, так что давайте больше не будем к этому возвращаться. Договорились?

Его голос звучал жестко, одежда была мятой, а сам он выглядел очень усталым, словно вернулся из долгого путешествия или почти не спал ночью.

— Присядьте, пожалуйста. Расскажите мне о Дэниеле Сазерленде.

Лора села за столик в углу комнаты, за которым обычно ужинала, когда смотрела телевизор. На мгновение она почувствовала облегчение и удивленно пожала плечами.

— А что с ним? — спросила она.

— Значит, вы с ним знакомы?

— Конечно, знакома. Наверное, он вам на меня пожаловался. Могу сказать, что это полная чушь,

потому что ничего не было и в любом случае он начал первым.

Лысый улыбнулся. Улыбка у него была удивительно теплой.

— Ничего не было, но он начал первым? — повторил он.

— Именно так.

— И когда было это ничего? — поинтересовалась Бровастая, входя в комнату из кухни. — И что именно он начал?

Она устроилась рядом с коллегой на уродливом двухместном диване из искусственной кожи. Рядом они смотрелись очень забавно: она — маленькая и полная, а он — высокий и худой, один в один Ларч и Фестер из «Семейки Аддамс». Лора хмыкнула.

Бровастой это не понравилось, ее лицо потемнело, и она резко спросила:

— Вам что-то показалось смешным? Вы считаете, что в этой ситуации есть что-то забавное?

Лора покачала головой.

— Фестер, — сказала она, улыбаясь. — Вы выли-тый дядя Фестер, только с волосами. Вам уже об этом говорили?

Женщина уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но в разговор вмешался сохранявший

хладнокровие Лысый.

— Дэниел Сазерленд, — повторил он снова, на этот раз громче, — ничего нам о вас не рассказывал. Мы пришли поговорить с вами, потому что сняли со стакана, который нашли на барже Дэниела, отпечатки пальцев двух человек, и те, что не принадлежат ему, оказались вашими.

Лора внезапно почувствовала озноб. Она потерла ключицу и закашлялась.

— Сняли… что? Вы сняли *отпечатки пальцев?!* Что происходит?!

— Не могли бы вы рассказать нам о своих отношениях с мистером Сазерлендом, Лора? — спросила Бровастая.

— Отношениях? — невольно рассмеялась та. — Это слишком сильно сказано. В пятницу вечером мы два раза трахнулись. Вряд ли это можно назвать *отношениями*.

Бровастая неодобрительно — или недоверчиво — покачала головой.

— А как вы с ним познакомились?

Лора с трудом сглотнула.

— Я познакомилась с ним, потому что иногда помогаю Айрин, которая живет на Хейвордс-плейс — знаете, прямо у церкви, по дороге к маленькому магазину. Мы начали общаться

несколько месяцев назад, и, как я уже сказала, время от времени я ей помогаю, потому что она старая, страдает артритом и забывчивостью, а недавно упала, вывихнула лодыжку или что-то в этом роде, и ей трудно ходить в магазин. Я делаю это не из-за денег или чего-то такого, хотя она время от времени и накидывает мне пятерку, просто чтобы отблагодарить за потраченное время. Она такая милая… Так вот. Да, Дэн — Дэниел Сазерленд — когда-то жил по соседству с Айрин. Он давно переехал, но его мать жила там до самой смерти, когда мы с ним и познакомились.

— Вы познакомились, когда умерла его мать?

— После, — уточнила Лора. — Меня там вообще не было, когда она сыграла в ящик.

Бровастая взглянула на своего коллегу, но тот не смотрел на нее: он снова разглядывал семейный портрет, и на его лице было грустное выражение.

— Хорошо, — сказала Бровастая. — Ладно. Так в пятницу вы были с мистером Сазерлендом, верно?

Лора кивнула.

— Мы пошли *на свидание*, — пояснила она, — что для него означало пропустить пару рюмок в баре в Шордиче, а затем вернуться на свою пар-

шивую баржу, чтобы трахнуться.

— И… и он причинил вам боль? Или… принуждал к чему-то? Что он *начал*? — спросил Лысый, подаваясь вперед. Теперь его внимание было полностью сосредоточено на Лоре. — Вы сказали, он что-то начал. Что это было?

Лора прикрыла глаза. Она в мельчайших подробностях помнила выражение удивления на лице Дэниела, когда она на него набросилась.

— Все было хорошо, — сказала она. — Мы отлично провели время. Мне казалось, что отлично. — Она вдруг покрылась румянцем, чувствуя, как из груди по шее поднимается волна жара и заливает щеки. — А потом он неожиданно стал… ну, вроде как холодным и грубым, будто бы даже не хотел, чтобы я там находилась. Он меня… оскорблял! — Она опустила взгляд на больную ногу и вздохнула. — А у меня непростое состояние. Я уязвимая взрослая. Я знаю, вы сказали, что нет, но это так. Уязвимая.

— Значит, вы с ним поругались? — спросила Бровастая.

Лора кивнула, опустив голову и глядя себе под ноги.

— Да, можно сказать и так.

— Вы подрались? В прямом смысле слова?

На ее кроссовке, прямо над мизинцем левой ноги, виднелось пятно. Темно-коричневое. Она убрала левую ногу за правую лодыжку.

— Нет, нет… Ну ладно, если только самую малость.

— Значит, насилие все же было, но серьезным вы бы его не назвали?

Лора заложила левую ногу за щиколотку правой.

— Ничего подобного, — сказала она. — Просто… выяснение отношений.

Она перевела взгляд на Лысого, потиравшего указательным пальцем тонкие губы, а тот, в свою очередь, посмотрел на Бровастую, которая встретилась с ним взглядом. Казалось, они поняли друг друга без слов. Достигли согласия.

— Мисс Килбрайд, в воскресенье утром тело Дэниела Сазерленда было обнаружено на его барже. Можете ли вы сказать нам, когда видели его в последний раз?

Во рту у Лоры внезапно пересохло, она не могла глотать, в ушах зашумело, и она крепко зажмурилась.

— Погодите… — Она поднялась на ноги, ухватилась за стол, чувствуя, как рушится мир вокруг. Потом снова села. — Погодите, — снова повтори-

ла она, — его тело? Вы хотите сказать?…

— Что мистер Сазерленд мертв, — произнес Лысый тихим, ровным голосом.

— Но… этого не может быть! — Лора услышала, как ее голос дрогнул.

Лысый медленно кивнул.

— В воскресенье утром? Вы сказали, в воскресенье утром?

— Да, — подтвердил Лысый. — Тело мистера Сазерленда было обнаружено в воскресенье утром.

— Но… — Лора чувствовала, как в горле у нее пульсирует кровь, — я видела его в пятницу вечером, а ушла в субботу утром. Я ушла в субботу утром. В семь часов, может, даже раньше. *В субботу утром*, — повторила она еще раз для убедительности.

Бровастая подхватила эстафету и заговорила легким, музыкальным голосом, как будто рассказывала забавную историю и собиралась перейти к кульминации.

— Мистер Сазерленд умер от обильной кровопотери, получив ножевые ранения в грудь и шею. Время его смерти еще точно не установлено, но наш эксперт полагает, что до обнаружения тела прошло от суток до полутора. Вы говорите, что были с мистером Сазерлендом в пятницу вече-

ром, верно?

Лицо Лоры пылало, в глазах защипало. Дура! Какая же она дура!

— Да, — тихо подтвердила она. — Я была с ним в пятницу вечером.

— В пятницу вечером. И вы пришли с ним в плавучий дом, да? Вы сказали, что занимались с ним сексом? Два раза, не так ли? И во сколько именно вы ушли от мистера Сазерленда в субботу утром?

Ловушка. Это была ловушка, и она угодила прямо в нее. Идиотка. Она сильно закусила нижнюю губу. Представила, как адвокат советует ей: *Ничего не говорите. Ни с кем не разговаривайте.* Она покачала головой и непроизвольно издала легкий звук, который вырвался помимо ее воли.

— Что это было? Лора? Вы что-то сказали, Лора?

— Мне жаль, что он мертв, и все такое, — сказала она, игнорируя совет, прозвучавший у нее в голове, — но я здесь ни при чем. Вы меня слышите? Я ничего не делала. Я никого не резала. Если кто-то говорит, что это сделала я, то это ложь! Он был… не знаю, он говорил мне всякие гадости. Но я *ничего не делала*. Может, я его ударила, не исключаю… — Почувствовав вкус крови во

рту, она с трудом сглотнула. — И не говорите… не говорите, что это сделала я, потому что я не имею к этому никакого отношения. Может, мы и толкнули друг друга пару раз, но не более того, понимаете, а потом он ушел, и больше ничего не было. Понимаете, это не моя вина, не моя вина, даже… если и была какая-то стычка или еще что-то в этом роде, то это не моя вина. — Лора слышала, как говорит все громче и громче, а ее голос звучит все пронзительнее, и понимала, что все больше начинает походить на тех сумасшедших, что стоят на углу улицы и кричат в пустоту. Она знала, как все это выглядело, но остановиться просто не могла.

— *Ушел?* — переспросила Бровастая. — Вы сказали: «Потом он ушел». Что вы имели в виду, Лора?

— Я имею в виду, что он ушел. Он ушел, вышел, что же еще? После того как мы подрались — на самом деле даже не дрались, а так… — после этого он просто надел джинсы, вышел и оставил меня там.

— В своем доме… на барже, одну?

— Ну да. Полагаю, он был из доверчивых, — сказала она и засмеялась, понимая, как это неуместно, но все же не сумев удержаться. Раз-

ве не смешно, что он проявил доверчивость? В таких-то обстоятельствах? Может, и не очень смешно, но все же. Начав смеяться, она поняла, что никак не может остановиться. Почувствовала, как лицо заливает краска, словно от удушья.

Детективы обменялись взглядами. Бровастая пожала плечами.

— Пойду принесу ей воды, — сказала она наконец.

Через мгновение Лора услышала ее крик, но не из кухни, а из ванной.

— Сэр, вы не подойдете сюда на минутку?

Лысый поднялся, и Лора почувствовала, что ее охватывает паника, и ей было уже не до смеха.

— Постойте, я не разрешала туда входить, — заявила она, но было уже слишком поздно.

Лора пошла за ним к ванной, у порога которой стояла Бровастая, указывая сначала на раковину, где она оставила часы (несомненно, принадлежавшие Дэниелу Сазерленду, поскольку на задней крышке были выгравированы его инициалы), а затем на ее валявшуюся в углу футболку, перепачканную кровью.

— Я порезалась, — объяснила Лора, чувствуя, что лицо ее пылает. — Я вам говорила. Я порезалась, когда лезла в окно.

— Об этом вы говорили, — подтвердила Бровастая. — А не хотите рассказать нам и о часах тоже?

— Я их взяла, — хмуро призналась Лора, — это ясно. Я действительно их забрала. Но это не то, что вы думаете. Я сделала это ему назло. Хотела… не знаю, бросить в канал и сказать, чтобы за ними нырял. Но потом я… Ну, я подумала, что эти часы могут для него что-то значить. Понимаете, когда я увидела гравировку на обратной стороне, то подумала: а что, если их перед смертью отдала ему мать или что-то в этом роде и они были особенными? Я собиралась вернуть их ему.

Лысый посмотрел на нее с грустью, как будто у него были очень плохие новости, что в общем-то так и было.

— Сейчас, — сказал он, — мы поступим следующим образом. Мы отвезем вас в полицейский участок, чтобы задать еще несколько вопросов. Вам придется отвечать на вопросы под присягой, вы понимаете, что это значит? А еще мы собираемся взять у вас образцы, которые сравним с найденными на месте преступления.

— Образцы? Какие образцы?

— В участке сотрудник возьмет у вас материал из-под ногтей, расчешет вам волосы, чтобы

получить их образец, вот так. В этом нет ничего страшного, так что беспокоиться не о чем…

— А если я буду против? — Голос Лоры дрожал, ей хотелось, чтобы кто-то ей помог, но она не знала кто. — Я могу отказаться?

— Все в порядке, Лора, — успокаивающе заверила Бровастая. — Все очень легко и просто, вам совершенно нечего бояться.

— Это неправда! — возразила Лора. — Вы знаете, что это неправда!

— Кроме того, — продолжал Лысый, — мы собираемся запросить ордер на обыск вашей квартиры, и вы наверняка понимаете, что в данной ситуации у нас не возникнет проблем с его получением. Поэтому, если, по вашему мнению, нам следует знать что-то еще, то сейчас самое время об этом рассказать. Договорились?

Лора пыталась сообразить, что еще должна им сообщить, но в голову ничего не приходило. Бровастая заговорила с ней, коснулась ее руки, и Лора вздрогнула.

— А ваша одежда, Лора? Вы можете показать нам, во что были одеты в пятницу вечером?

Подбирая с пола то, что попадалось под руку, Лора протянула им джинсы, которые, может, были на ней в тот день, а может, и нет, швырнула

лифчик. Потом отправилась в туалет, оставив детективов в коридоре. Лысый наклонился, чтобы лучше слышать, что ему говорила Бровастая. Задержавшись у двери в туалет, Лора разобрала лишь несколько слов: «гравировка», «странная», «не все дома» и «не так ли».

Сидя в туалете со спущенными к щиколоткам трусиками, Лора грустно улыбнулась самой себе. Ее обзывали и хуже. Не все дома? «Не все дома» было ерундой, «не все дома» было даже комплиментом по сравнению с тем, что ей приходилось слышать в свой адрес на протяжении многих лет: *идиотка, уродина, убожество, тупица, кретинка, психопатка.*

Дэниел Сазерленд назвал ее гребаной психопаткой, когда она набросилась на него и стала отчаянно пинать, бить и царапать. Он схватил ее за предплечья, так что его большие пальцы впились в ее плоть: «Гребаная психопатка… *сумасшедшая сука!*»

Как же быстро все произошло! В один миг она лежала на его кровати и курила сигарету, а уже в следующий оказалась на тропинке с перепачканным кровью лицом и его часами в кармане.

Спускаясь с детективами по лестнице, Лора задавалась вопросом, как она могла сказать им

правду. Да, она на самом деле взяла часы из-за злости, но, как ни странно, и из-за надежды тоже. Ей хотелось наказать его, но при этом иметь повод вернуться, чтобы еще раз с ним увидеться.

Но теперь это уже невозможно.

5

В полицейском участке эксперт — молодая женщина с доброй улыбкой — поскребла под ногтями Лоры, взяла мазок с внутренней стороны щеки, а потом медленно, осторожно расчесала ей волосы. Это оказало на Лору такое умиротворяющее воздействие и так сильно напомнило детство, что на глаза невольно навернулись слезы.

В голове у нее снова зазвучал голос Дейдры. *У тебя нет чувства собственного достоинства — вот в чем твоя проблема, Лора.* Дейдра, художественная женщина с суровым лицом, в объятиях которой отец Лоры искал утешения после ухода матери, разбившей ему сердце, могла при необходимости перечислить целый ворох проблем Лоры. Но особое значение она придавала ее низкой самооценке, считая это главным недостатком. *Ты недостаточно себя ценишь, Лора. По сути, твоя проблема именно в этом. Если бы ты ценила себя хоть немного больше, то не пошла бы с первым встречным, обратившим на тебя внимание.*

Через несколько дней после того, как Лоре ис-

полнилось тринадцать, она пошла на вечеринку к подруге. Отец поймал ее, когда она тайком пробиралась домой в шесть утра. Он схватил ее за плечи и принялся с силой трясти: «Где тебя носило? Я с ума сходил, думал, что-то случилось! Ты не можешь со мной так поступать, цыпленок. Пожалуйста, никогда больше так не делай!» Он прижал ее к себе, а она, прижавшись головой к его широкой груди, снова почувствовала себя ребенком, снова почувствовала себя нормальной.

«Прости меня, папа, — тихо сказала она. — Мне правда очень жаль».

«Ей ни капельки не жаль, — заявила Дейдра примерно через час, когда они сидели за столом и завтракали. — Посмотри на нее. Просто посмотри на нее, Филип. Совсем как кошка, полакомившаяся сливками».

Лора с вызовом улыбнулась ей и склонилась над тарелкой с хлопьями.

«Ты только посмотри на выражение ее лица, — не успокаивалась Дейдра, скривившись от отвращения. — Разве не похожа? С кем ты была вчера вечером?»

Позже она слышала, как отец и мачеха спорили.

«У нее нет чувства собственного достоинства, —

говорила Дейдра. — И в этом ее проблема. Говорю тебе, Фил, что она забеременеет еще до того, как ей стукнет пятнадцать. Ты должен что-то сделать. Должен на нее повлиять».

Голос ее отца звучал умоляюще: «Но это не ее вина, Дейдра, и ты это знаешь. Это не ее вина».

«О, это не ее вина! Верно. Лора никогда ни в чем не виновата!»

Позже, поднявшись наверх в комнату падчерицы, чтобы позвать ее на ужин, Дейдра спросила: «Ты хотя бы предохранялась? Пожалуйста, скажи мне, что ты не настолько глупа, чтобы делать это без презерватива».

Лора лежала на кровати, уставившись в потолок. Не глядя, она взяла с прикроватной тумбочки расческу и швырнула ее в сторону мачехи.

«Отвали, Дейдра!» — огрызнулась она.

«Просто чудесно! Держу пари, что твой поганый язык тоже не твоя вина. — Она повернулась, чтобы уйти, но задержалась: — Ты знаешь, Лора, в чем твоя проблема? Ты недостаточно себя ценишь».

Низкая самооценка действительно была одной из проблем Лоры, но не единственной. У нее имелось множество других, включая гиперсексуальность, неумение себя контролировать, ан-

тиобщественное поведение, приступы агрессии, кратковременные провалы памяти и выраженную хромоту.

— Ну вот, — сказала эксперт, закончив. — Теперь все. — Увидев, что Лора плачет, она сжала ей руку. — Все будет хорошо, милая.

— Я хочу позвонить маме, — сказала Лора. — Можно мне позвонить маме?

Мать на ее звонок не ответила.

— А можно мне позвонить еще раз? — спросила Лора.

Сидевшая рядом женщина-полицейский покачала головой, но, увидев ее отчаяние, сжалилась и, оглянувшись по сторонам, кивнула:

— Давай, только быстро.

Лора позвонила отцу. После нескольких гудков трубку взяли, и она было обрадовалась, но тут же сникла, услышав голос Дейдры:

— Алло? Алло? Кто это?

Лора повесила трубку и, отвечая на вопросительный взгляд женщины-полицейского, пояснила:

— Ошиблась номером.

Женщина-полицейский отвела Лору в крохотную душную комнату со столом посередине. Там

она дала ей стакан воды и сказала, что через минуту кто-нибудь принесет чаю, но чай так и не появился. В комнате было жарко и пахло чем-то странным, химическим; кожа у Лоры начала чесаться, а голова от усталости плохо соображала. Положив руки на стол и опустив на них голову, Лора попыталась заснуть, но в ушах зазвучали голоса матери, Дейдры, Дэниела. Она сглотнула и почувствовала во рту привкус металла и гниения.

— Чего мы ждем? — не выдержав, спросила она у сопровождающей. Та наклонила голову и пожала плечами.

— Думаю, дежурного адвоката. Иногда на это требуется время.

Лора подумала о продуктах — замороженной пицце и полуфабрикатах с карри, на которые потратила последнюю десятку. Сейчас они благополучно размораживались у нее на кухне.

Минут через десять, которые показались ей долгими часами, наконец-то появились детективы, но без адвоката.

— Как вы думаете, сколько на это потребуется времени? — поинтересовалась Лора. — Мне завтра целый день работать, а я измоталась вусмерть.

Лысый долго и пристально смотрел на нее, потом вздохнул, будто она его разочаровала.

— Быстро вряд ли получится, Лора, — сказал он. — Дело в том… что все выглядит не лучшим образом, правда? И к тому же у вас уже были похожие прецеденты, не так ли?

— Ни черта подобного! Какие еще прецеденты? О чем вы говорите? Я не разгуливаю, тыкая в людей ножом, я…

— Вы нанесли рану Уоррену Лейси, — вмешалась Бровастая.

— *Вилкой. В руку.* Черт возьми, это совсем не одно и то же, — сказала Лора и засмеялась, потому что, если честно, это действительно было смеху подобно. Это как яблоко и апельсин: при одинаковой форме между ними нет ничего общего. Но вообще-то ей было не до смеха и хотелось плакать.

— Интересно, — произнесла Бровастая, — мне бы очень хотелось знать, Лора, что именно вы находите столь забавным. Потому что большинству людей — я имею в виду, в вашей ситуации, — думаю, что большинству людей все это не показалось бы смешным…

— Мне тоже. Мне тоже не кажется это *забавным*. Я не… — Лора вздохнула в отчаянии. — У меня не

всегда получается, — пояснила она, — вести себя адекватно моему эмоциональному состоянию. Мне не кажется это забавным, — повторила она еще раз, но все же не могла сдержать улыбки, и Бровастая зловеще улыбнулась ей в ответ.

Она собиралась добавить что-то еще, но помешало появление долгожданного дежурного адвоката. Им оказался нервный на вид мужчина с серым лицом. От него пахло кофе. Доверия он точно не внушал. Когда все расселись и были представлены друг другу, когда все формальности были соблюдены, Бровастая продолжила:

— Минуту назад мы говорили о том, что вам трудно вести себя адекватно вашему эмоциональному состоянию. Это то, что вы сказали, верно?

Лора кивнула.

— Лора, ведется запись беседы, и вы должны отвечать вслух.

Лора что-то пробормотала, выражая согласие.

— Итак, справедливым ли будет утверждение, что вы не всегда можете себя контролировать? У вас бывают эмоциональные вспышки, которые вы не можете контролировать?

Лора ответила, что такое бывало.

— И это из-за аварии, в которую вы попали в детстве? Это так?

Лора снова ответила утвердительно.

— Не могли бы вы немного рассказать об этой аварии, Лора? — ласково попросила Бровастая, и Лора подложила руки под бедра, чтобы не влепить ей пощечину. — Не могли бы вы рассказать о том, как эта авария на вас повлияла? Я имею в виду физически.

Лора посмотрела на адвоката с немым вопросом, желая узнать, обязана ли она отвечать. Но тот, судя по всему, не понял ее взгляда, и она, тяжело вздохнув, принялась монотонно перечислять свои травмы:

— Перелом черепа, перелом таза, сложный перелом дистального отдела бедренной кости. Порезы, синяки. Двенадцать дней в коме. Три месяца в больнице.

— Вы получили черепно-мозговую травму, не так ли, Лора? Не могли бы вы немного рассказать нам об этом?

Лаура надула щеки и закатила глаза.

— А не проще, мать вашу, погуглить все это в Интернете? Господи! Скажите, мы здесь сидим, чтобы поговорить об этом? О том, что случилось со мной в десять лет? Думаю, мне лучше пойти домой, потому что, честно говоря, вы ни хрена не нарыли, не так ли? У вас на меня ничего нет.

Детективы бесстрастно наблюдали за ней — ее взрыв эмоций не произвел на них никакого впечатления.

— Не могли бы вы рассказать о характере вашей травмы головы? — нарочито вежливо попросил Лысый, что взбесило ее еще больше.

Лора снова вздохнула.

— Я получила черепно-мозговую травму. Это временно негативно повлияло на мою способность говорить и на мои воспоминания…

— Вашу память? — уточнила Бровастая.

— Да, мою память.

Бровастая выждала паузу — как показалось Лоре, для большего эффекта.

— У травм подобного рода имеются определенные эмоциональные и поведенческие последствия, не так ли?

Лора сильно закусила губу.

— Когда я была младше, я не всегда могла справиться с гневом, — сказала она, пристально глядя в глаза Бровастой: пусть попробует назвать ее лгуньей. — У меня была депрессия. И еще расторможенность, а это значит, что иногда я говорю неуместные или обидные вещи, как, например, в тот раз, когда я назвала вас уродиной.

Улыбнувшись, Бровастая пропустила это мимо

ушей и продолжила:

— У вас проблемы с контролем импульсного поведения, не так ли, Лора? Вы ничего не можете с собой поделать, набрасываетесь на людей, пытаетесь причинить им боль. Вы хотите это сказать, не так ли?

— Ну, я…

— Итак, на барже в пятницу вечером, когда мистер Сазерленд отверг вас — когда он стал, как вы выразились, «холодным и грубым», — вы вышли из себя, не так ли? Вы набросились на него, верно? Ранее вы сказали, что ударили его. Вы действительно хотели причинить ему боль?

— Мне хотелось перерезать ему его гребаное горло, — услышала себя Лора. И почувствовала, как вздрогнул сидевший рядом адвокат. Вот оно: она сказала, что полицейские «ни хрена не нарыли», а это было не так, потому что, конечно же, у них была она. У них была Лора. Им не нужно было оружие, не так ли? Им не нужен был дымящийся пистолет. У них имелся подозреваемый, у которого были и мотив, и возможность совершить преступление. Этим подозреваемым являлась Лора, которая, как они рассчитывали, рано или поздно обязательно ляпнет какую-нибудь глупость.

6

Айрин сидела в кресле в гостиной — своем излюбленном месте для чтения — и ждала Лору, которая опаздывала. Кресло, некогда являвшееся частью пары — второе уже давно отправилось на свалку, — было придвинуто к самому окну, через которое солнце в ясный день проникало большую часть утра и даже после полудня. Отсюда Айрин могла наблюдать за тем, что происходит в мире, а мир, в свою очередь, мог наблюдать за ней, оправдывая свои представления о пожилых людях: они должны сидеть в одиночестве в кресле, размышлять о прошлом, о былой славе, упущенных возможностях и о том, как все было раньше. О тех, кого уже нет в живых.

Но Айрин этим не занималась вообще. Во всяком случае, не занималась все время. Она в основном ждала, когда придет Лора с продуктами, которые покупала ей каждую неделю, а сейчас разбирала одну из трех коробок с пахнущими плесенью книгами, полученными от Карлы Майерсон. Книги принадлежали покойной Анджеле, сестре Карлы и соседке Айрин, бывшей ее самой

близкой подругой.

— Там нет ничего ценного, — сказала Карла Айрин, когда привезла их на прошлой неделе. — Одни дешевые издания в бумажных обложках. Я собиралась отнести их в благотворительный магазин, но потом подумала… — Окинув быстрым взглядом гостиную Айрин, она чуть поморщилась и сказала: — Я подумала, что они, возможно, в вашем вкусе.

Айрин решила, что это походило на завуалированное оскорбление. Не то чтобы это ее задевало. Карла была из тех женщин, которые знают цену всему и ничего не ценят. Нет ничего ценного? Этим она просто показала, что представляет собой сама.

Это правда, что, когда Айрин открывала некоторые из самых старых изданий с некогда ярко-оранжевыми, а теперь поблекшими и потрепанными обложками, страницы под ее пальцами начинали расползаться. Подобно медленному огню, окисление бумаги разъедает страницы и разрушает их изнутри, делая хрупкими и ломкими. Если подумать, ужасно обидно, что все эти слова, все эти сюжеты медленно уходят в небытие. Такие книги ей в любом случае придется выбросить. Но что касается остальных, то они

действительно были в ее вкусе, и многие из них она уже прочитала. Они с Анджелой постоянно обменивались книгами, у них было общее пристрастие к хорошим криминальным романам (не кровавым, а умным, вроде Барбары Вайн или Ф.Д. Джеймс) и беллетристике, от которой такие, как Карла Майерсон, конечно же, воротили нос.

То, что Айрин прочитала большинство из них, было совершенно неважным. А вот важным являлось то, что при обращении с книгами Анджела вела себя как настоящий вандал, о чем Карла, судя по всему, не имела понятия, хотя речь шла о ее *родной сестре*. Анджела повреждала корешки книг, загибала уголки страниц, делала заметки на полях. Если полистать принадлежавшую Анджеле Сазерленд книгу «Призрак дома на холме», можно было увидеть подчеркнутые строки (*бедную девушку ненавидели до смерти; она, кстати, повесилась*). А переворачивая страницы зачитанной Анджелой до дыр копии «Пятьдесят оттенков темноты», нетрудно было заметить, как хорошо она понимала чувства Веры к сестре. *В самую точку!* — нацарапала она на полях напротив строки, где говорилось: *Ничто не убивает так, как презрение, и презрение к ней захлестнуло меня горячей волной*. Время от времени можно

было даже наткнуться на какую-нибудь вещицу из прошлого Анджелы, например, закладку, или билет на поезд, или клочок бумаги со списком покупок: *сигареты, молоко, макароны*. В книге Кормака Маккарти «Старикам тут не место» обнаружилась открытка, купленная в лондонском музее Виктории и Альберта с фотографией дома, обнесенного белым частоколом. В книге «В лесной чаще» оказался рисунок: двое детей стоят в саду, держась за руки. В «Цементном саду» Айрин нашла сине-белую поздравительную открытку с изображением лодки. Открытка была мятой и от частого держания в руках истончилась. На ней было написано: *Дорогому Дэниелу с любовью в десятый день рождения. Целую, тетя Карла.*

В этих книгах нет ничего ценного? Зато они показывали, как плохо Карла знала свою сестру. Дело в том, что, читая книгу, которая ранее принадлежала Анджеле Сазерленд, вы словно с ней общались. А поскольку Айрин, к своему большому сожалению, поговорить с Анджелой больше не могла, то для нее это было очень важно. Это было *бесценно*.

Если бы не мучительное беспокойство о Лоре, Айрин была бы вполне довольна жизнью, нежась, как ящерица, в солнечном утреннем

свете, перебирая книги и наблюдая за офисными служащими и мамашами с детьми, которые спешили по своим делам. Скромное жилище Айрин, состоявшее из двух комнат внизу и двух спален на втором этаже, находилось на Хейвордс-плейс — узком пешеходном переулке в самом центре города, соединявшем две большие улицы. Одну сторону Хейвордс-плейс занимали пять одинаковых маленьких двухэтажных домиков (дом Айрин был вторым), а на другой когда-то располагался театр «Ред Булл» (который сгорел, а может, и нет, во время Великого лондонского пожара, и на его месте теперь стояло безликое офисное здание). Переулок Хейвордс-плейс позволял быстро перейти с одной большой улицы на другую и был оживленным в любое время суток. Во всяком случае по будням.

Так *куда же* запропастилась Лора? Ведь они договорились встретиться во вторник. Обычно она приходила по вторникам, потому что в этот день позже начинала работу в прачечной. Ведь сегодня вторник? Айрин считала, что да, но теперь начала сомневаться. Осторожно поднявшись с кресла — недавний вывих лодыжки послужил одной из причин, по которой ей понадобилась помощь с покупками, — и с трудом обойдя раз-

ложенные на полу стопки книг, прочитанных и непрочитанных, оставленных себе и отложенных для благотворительного магазина, она проковыляла через скромно обставленную гостиную. Из мебели в ней был стул, небольшой диванчик, комод со старым маленьким телевизором, который она смотрела крайне редко, и книжный шкаф, на котором стоял радиоприемник. Айрин включила радио.

В десятичасовых новостях диктор подтвердил, что сегодня действительно был вторник, а точнее — вторник, тринадцатое марта. Диктор рассказал, что премьер-министр Тереза Мэй дала российскому премьеру время до полуночи, чтобы объяснить, как в Солсбери был отравлен бывший шпион; что депутат от лейбористской партии отрицает, будто шлепал по ягодицам женщину-избирателя. И еще в новостях сообщили, что в связи с убийством двадцатитрехлетнего Дэниела Сазерленда, найденного в воскресенье мертвым в своем плавучем доме на Риджентс-канал, допросили молодую женщину. Диктор продолжал говорить, но Айрин уже ничего не слышала: от резкого прилива крови уши у нее заложило.

Ей показалось. *Наверняка*. Дэниел Сазерленд? Этого не может быть! Дрожащей рукой Айрин

выключила радио, потом снова включила, но в новостях уже рассказывали о погоде и приближающемся холодном фронте.

Может, это какой-то другой Дэниел Сазерленд? Сколько их всего на свете, Дэниелов Сазерлендов? В то утро она не покупала газету — она их вообще покупала редко, — поэтому не могла проверить. Айрин слышала, что в мобильном телефоне можно найти что угодно, но не совсем понимала, как это сделать, да и к тому же не могла вспомнить, где в последний раз видела свой телефон. Скорее всего, где-нибудь наверху. Батарея, наверное, приказала долго жить, как вымершая птица дронт.

Нет, ей просто надо действовать по старинке, для чего придется сходить в киоск за газетой. В любом случае, если Лора так и не придет, нужно купить молоко и хлеб. В коридоре Айрин натянула пальто, взяла сумку и ключ от дома и уже собиралась открыть входную дверь, как заметила, что на ней домашние тапочки, и вернулась в гостиную переобуться.

Она стала забывчивой, в этом все дело. Забавно, однако, как теперь она начинала нервничать, выходя на улицу. А ведь раньше все время проводила вне дома: делала покупки, ходила в библиотеку, работала волонтером в магазине

Красного Креста на оживленной улице. Однако как же быстро теряются привычные навыки, если человек в силу обстоятельств вынужден подолгу оставаться в четырех стенах. С этим надо что-то делать. Ей не хотелось оказаться в числе *тех* стариков, что боятся выйти из дома.

Если честно, Айрин вовсе не горела желанием идти в супермаркет, вечно заполненный толпой нетерпеливых, бестолковых и беспечных молодых людей. Не то чтобы ей не нравилась молодежь. К тому же она не желала становиться похожей на брюзжащих, нелюдимых и самодовольных пожилых людей в бежевых сандалиях, распродажа которых рекламировалась на последних страницах воскресных приложений. На Айрин были сине-оранжевые кроссовки «Нью бэланс» с ремешком на липучке. Она получила их в подарок на Рождество от Анджелы. Айрин ничего не имела против молодости, она и сама когда-то была молодой. Только молодые люди нередко исходят из ложных представлений, разве не так? Во всяком случае, *некоторые* из них. Они считают вас глухими, слепыми и слабыми. Что-то из этого могло соответствовать действительности, а что-то нет (у Айрин, например, был слух, как у летучей мыши. Она от этого даже

страдала, поскольку стены были очень тонкими и ей было слышно все, что происходит вокруг). Как бы то ни было, подобные *представления* ее очень раздражали.

Вернувшись домой из магазина, она просмотрела газету, но о Дэниеле Сазерленде в ней ничего не говорилось (мало того, она сообразила, что забыла купить мармелад для тостов, так что ее выход в свет оказался крайне неудачным). Ей все-таки удалось найти свой телефон (в ванной), но аккумулятор (как она и предполагала) действительно разрядился, а вспомнить, куда она положила зарядное устройство, Айрин так и не смогла.

Это *бесило*.

Но из ума она не выжила. И это не было слабоумием. Хотя именно так принято считать, если старые люди начинают что-то забывать. Как будто молодые всегда все помнят, никогда не ищут, куда положили ключи, и не забывают что-то купить из своего списка продуктов. Айрин была уверена, что слабоумием она не страдает. В конце концов, она же не говорила «тостер», имея в виду «скатерть», и не забывала дорогу домой, возвращаясь из супермаркета. Она не теряла (обычно) нить разговора и не убирала пульт в

холодильник.

Определенные проблемы у Айрин, конечно, имелись. Но доктор заверил ее, что это *точно* не слабоумие. Просто если она переутомлялась, пила мало воды или не ела вовремя, то чувствовала упадок сил, не могла сосредоточиться, уставала и терялась.

— Ваши ресурсы истощены, миссис Барнс, — сказал ей доктор, когда это случилось в последний раз. — Причем истощены *очень сильно*. Вы должны больше беречь себя, хорошо питаться и избегать обезвоживания. Если вы не будете это делать, то, безусловно, начнете путаться и почувствуете головокружение! И снова можете упасть. А это нам не нужно, правда?

Как объяснить этому милому (пусть даже и немного высокомерному) молодому человеку с его мягким голосом и водянистыми голубыми глазами, что иногда ей *хочется* оказаться в замешательстве? Как, черт возьми, ему объяснить, что это пугающее чувство тем не менее может быть *захватывающим*? Что иногда она нарочно пропускает приемы пищи в надежде, что снова почувствует нечто вроде грусти из-за отсутствия близкого человека, который обязательно вернется, если только его терпеливо ждать?

Потому что в такие моменты Айрин забывала, что Уильяма, которого она любила и с кем делила постель более сорока лет, уже не было в живых. Могла не помнить, что он скончался шесть лет назад, и ей казалось, будто он только что ушел на работу или навстречу с приятелем в пабе. И уже очень скоро на улице послышится его знакомый свист, а она одернет платье, причешется и через минуту, буквально через минуту услышит, как в двери поворачивается его ключ.

Когда Айрин впервые встретилась с Лорой, она как раз ждала Уильяма. Это случилось в тот день, когда нашли тело Анджелы.

Было ужасно холодно. Айрин нервничала, потому что проснулась, а Уильяма не было и она не могла понять, куда он запропастился. Почему не вернулся домой? Она спустилась вниз, надела халат, вышла на улицу, и ох как там было *холодно*, а его нигде не было видно. Никого. Куда все подевались? Решив вернуться домой, Айрин повернулась к двери и увидела, что та захлопнулась. Ничего страшного в этом не было, потому что она больше не выходила без ключа в кармане — она уже не совершит подобной ошибки после того, как в прошлый раз… Но потом — и это было смешно — она никак не могла вставить ключ в

замочную скважину. Руки от холода окоченели, и Айрин не удавалось попасть ключом в замок — он все время выскальзывал из рук и падал на землю. Это было так глупо, что она расплакалась. Холод пробирал до костей, рядом никого не было, и она понятия не имела, где находится Уильям. Она закричала, но никто не отозвался, и тогда она вспомнила об Энджи! Анджела жила рядом и наверняка была дома. И если тихонько постучать, то мальчик наверняка не проснется.

Так она и сделала. Открыв соседнюю калитку, Айрин тихонько постучала во входную дверь и позвала:

— Анджела! Это я, Айрин. Я не могу попасть домой. Не могу открыть дверь. Ты можешь мне помочь?

Ответа не последовало, и она снова постучала, но никто так и не отозвался. Она попыталась нащупать свой ключ, но пальцы так болели! Изо рта вырывались клубы пара, ноги онемели, а еще, поворачиваясь, она больно ударилась бедром о калитку. По щекам ручьем текли слезы.

— С вами все в порядке? Господи, что я спрашиваю, конечно, нет! Вот так, потихоньку, все будет хорошо, давайте я вам помогу.

Это была девушка. Незнакомая девушка в

странной одежде — брюках с цветочным рисунком и объемной куртке серебристого цвета. Она была маленькой и худенькой, со светлыми волосами и россыпью веснушек на переносице. Глаза огромные и голубые, а зрачки походили на черные дыры.

— Ни хрена себе, да вы заледенели… — Взяв руки Айрин в свои, она нежно их погладила. — Боже, да вы вся дрожите от холода. Вы здесь живете? Захлопнулась дверь?

Айрин почувствовала, что от девушки пахнет спиртным, хоть она и не выглядела достаточно взрослой, чтобы принимать алкоголь. Но в наши дни разве можно быть в чем-то уверенной?

— Есть кто-нибудь дома? Эй! — крикнула девушка, пройдя по тропинке и барабаня в дверь Анджелы. — Эй! Откройте!

— Только не так громко, — попросила Айрин. — Уже поздно, и я бы не хотела разбудить маленького мальчика.

Девушка посмотрела на нее с удивлением.

— Сейчас половина седьмого утра, — сказала она. — Если там есть дети, то они уже должны проснуться.

— Ой… *нет!* — испугалась Айрин. Этого не может быть! Полседьмого утра! Это значит, что

Уильям вообще не приходил домой и его не было всю ночь. — Ой! — повторила она, прикрывая заледеневшими пальцами рот. — Где он? Где Уильям?

Девушка опешила.

— Извините, милая, я не знаю, — ответила она и, вынув из кармана скомканный платок, вытерла Айрин щеки. — Мы все выясним, хорошо? Обязательно. Но сначала вам надо попасть в дом. Вы же промерзли до костей!

Девушка отпустила руки Айрин, повернулась к входной двери Анджелы и сильно ударила по ней кулаком, затем присела, подобрала с земли камешек и бросила его в окно.

— О господи! — вскрикнула Айрин.

Девушка не обратила на нее внимания. Опустившись у двери на колени, она приподняла пальцем створку на прорези для почты и заглянула внутрь.

— Господи! — вдруг неожиданно вскрикнула она, резко отшатнулась и, не удержавшись, тяжело плюхнулась на каменные плиты тропинки. — Твою мать! — воскликнула она, не сводя с Айрин расширившихся глаз. — Господи боже! Это ваш дом? Сколько… *Господи!* Это кто? — С трудом поднявшись на ноги, она снова схватила Айрин

за руки, на этот раз грубо. — *Кто это там?*

— Это не мой дом, это дом Анджелы, — объяснила Айрин, немало озадаченная странным поведением девушки.

— А где живете вы?

— Нетрудно догадаться, что я живу в соседнем доме, — ответила Айрин и протянула ей ключ.

— Как, черт возьми, это может быть понятно? — огрызнулась девушка, но ключ взяла, обняла Айрин за плечо и повела к дому. Дверь она открыла с первой попытки. — Пойдемте, вы проходите, а я сейчас принесу вам чашку чая. Укутайтесь в одеяло или что-нибудь еще, хорошо? Вам нужно согреться.

Айрин прошла в гостиную, устроилась в своем обычном кресле и стала ждать, когда девушка принесет ей обещанную чашку чая, но не дождалась. Вместо этого она услышала, как в прихожей девушка звонила с ее телефона.

— Вы звоните Уильяму? — спросила ее Айрин.

— Я звоню в полицию, — ответила та.

Айрин слышала, как девушка говорила:

— Да, там кто-то есть, — и потом добавила: — Нет-нет, никаких шансов, сто процентов. И к тому же запах.

Потом она убежала. Но не сразу — сначала

принесла Айрин чашку чая с двумя кусочками сахара, затем опустилась на колени у ее ног, взяла ее руки в свои и велела сидеть, пока не приедет полиция.

— Когда они появятся, направьте их в тот дом, хорошо? А потом они помогут вам найти Уильяма. Просто… больше не выходите на улицу, ладно? Обещаете? — Она вскочила на ноги. — Мне нужно идти, извините, но я вернусь. — Она снова присела на корточки. — Меня зовут Лора. Я приду к вам, только позже. Договорились? А вы будьте паинькой, хорошо?

К тому времени, когда прибыла полиция — две молодые женщины в форме, — Айрин забыла имя девушки. Похоже, это не имело большого значения, потому что полицию интересовала не она, а только то, что происходило в соседнем доме. Айрин наблюдала с порога, как они присели на корточки, заглянули в прорезь для почты, как это делала девушка, а затем точно так же отшатнулись. Сообщив что-то по рации, они проводили Айрин обратно в гостиную, а потом одна из них поставила чайник и принесла сверху одеяло. Вскоре появился молодой человек в яркой куртке. Он измерил ей температуру и осторожно пощипал кожу, задавая при этом множество вопросов,

например, когда она в последний раз ела, какой сегодня день и кто сейчас премьер-министр.

Ответ на последний вопрос Айрин знала.

— О, эта несносная Мэй, — презрительно отозвалась она. — Мне она не нравится. Вам ведь тоже, верно?

Мужчина улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я так и думала, раз вы из Индии.

— Я из Уокинга, — поправил ее молодой человек.

— А, понятно, — Айрин не знала, что на это сказать. Она чувствовала себя немного взволнованной и никак не могла собраться с мыслями.

Да и молодой человек оказался не просто привлекательным, а очень красивым — с темными глазами, необыкновенно длинными ресницами и хорошей улыбкой, а руки у него были такие мягкие и нежные, что она почувствовала, как краснеет, стоило ему прикоснуться к ее запястью. Он был очень обходительным, даже мягко попенял ей на то, что она о себе не заботится, сказал, что она сильно обезвожена и ей нужно пить много воды с электролитами, на чем настаивал и врач, у которого Айрин наблюдалась.

Красивый мужчина ушел, и Айрин послушно

съела тост с небольшим количеством меда и выпила два больших стакана воды без электролитов, потому что нужной у нее не было. Она уже начала приходить в себя, как вдруг услышала снаружи жуткий грохот и с бешено колотящимся сердцем поспешила к окну гостиной. На улице полицейские в форме пытались проникнуть в дом Анджелы, взламывая дверь металлическим тараном.

— О боже! — произнесла Айрин вслух, подумав, как будет недовольна Анджела, что, конечно, было глупостью.

Почему-то до нее никак не доходило, что Анджелу уже никогда больше ничто не огорчит. Она поняла это, только когда другая женщина-полицейский, уже не в форме, подошла к ней и, усадив, объяснила, что Анджела умерла, упав с лестницы и сломав себе шею.

Узнав от нее, что Анджела, возможно, пролежала там несколько дней и даже целую *неделю*, Айрин почувствовала, как ее щеки заливает краска жгучего стыда. Бедная Анджела лежала в одиночестве за стеной, а она, Айрин, в это время устраивала себе очередной уход от реальности и даже о ней не вспомнила.

— Она не кричала, — сказала Айрин, когда на-

конец к ней вернулся дар речи. — Я бы услышала. Эти стены тонкие, как бумага.

Женщина-полицейский была добра и сообщила Айрин, что от падения Анджела умерла, скорее всего мгновенно.

— Но вы же, конечно, *сможете* определить, когда она умерла?

Читая детективы, Айрин имела некоторое представление о криминалистике. Однако женщина объяснила, что тело Анджелы лежало прямо напротив батареи в нижней части лестницы, а отопление было включено на полную мощность, поэтому установить время ее смерти с точностью не представлялось возможным.

Вообще-то никто никогда не узнает, что там случилось на самом деле. По мнению полиции, то был несчастный случай, и Айрин это приняла, хотя все же это казалось ей неправильным, а выводы полиции слишком поспешными. В жизни Анджелы было немало конфликтов: она ссорилась с сестрой, ссорилась с сыном — Айрин даже казалось, что те вообще появлялись лишь для того, чтобы высказать ей свое недовольство, а Анджела потом из-за переживаний прикладывалась к бутылке. Айрин рассказала полицейским о ссорах из-за денег, из-за Дэниела, но тех, похоже,

это не заинтересовало. Анджела была алкоголичкой. Она слишком много выпила, упала и сломала себе шею.

— Такое случается чаще, чем вы думаете, — сказала добрая женщина-полицейский. — Но, если вы вспомните что-нибудь еще, что может иметь отношение к делу, — добавила она, передавая Айрин карточку с номером телефона, — пожалуйста, позвоните мне.

— Я видела ее с мужчиной, — вдруг сказала Айрин, когда женщина-полицейский уже уходила.

— Так… — осторожно отреагировала та. — А когда это было?

Айрин не могла сказать. Просто не могла вспомнить. В голове было пусто. Вернее, не пусто, а как-то *туманно*. Всплывали какие-то воспоминания, причем наверняка важные, но все они были расплывчатыми, и Айрин никак не могла ни на чем сконцентрироваться.

— Может быть, пару недель назад? — с надеждой произнесла она.

Женщина-полицейский поджала губы.

— Хорошо. Вы можете вспомнить что-нибудь еще об этом человеке? Не могли бы вы описать его или…

— Они разговаривали там, на улице, — ска-

зала Айрин. — И что-то пошло не так. Анджела плакала.

— Она плакала?

— Да. Хотя… — Айрин замялась, не желая проявлять неуважение к Анджеле, но и скрывать правду тоже. — Стоит ей немного перебрать со спиртным, как она становится плаксивой, впадает… в уныние.

— Понятно, — с улыбкой кивнула собеседница, собираясь уходить. — А вы не помните, как выглядел этот мужчина? Высокий, невысокий, толстый, худой?…

Айрин покачала головой.

— Он был… *самым обычным*. И у него была собака! — вдруг вспомнила она. — Небольшая. Черная с подпалинами. Может, эрдельтерьер? Нет, эрдельтерьеры большие, верно? Может, фокстерьер?

Это было восемь недель назад. Сначала умерла Анджела, а теперь и ее сын. Айрин понятия не имела, наводила ли полиция справки о мужчине, которого она видела на улице с Анджелой. Но даже если и наводила, то это ни к чему не привело, поскольку причиной ее смерти официально назвали несчастный случай. Несчастные случаи нередки, особенно с пьяными. Но чтобы мать и

сын расстались с жизнью с разницей в восемь недель?

В художественной литературе такой сюжет точно бы не прошел.

7

Окно в спальне Тео выходило на небольшой сад, за оградой которого виднелся канал. В такой весенний день повсюду царствовала зелень самых разнообразных оттенков: яркая поросль на земле и дубах, оливкового цвета листва на плакучих ивах вдоль тропинки, салатовая ряска на воде. Карла сидела на подоконнике, подтянув колени к подбородку и завернувшись в просторный халат Тео, украденный ими из отеля «Бель-Рив» в Жуан-ле-Пен целую вечность назад. Прошло почти шесть лет с тех пор, как она уехала из этого дома, и все же ей больше нигде не было так уютно, как здесь. Ни в куда более роскошном особняке на Лонсдейл-сквер, где она выросла, ни в ее нынешнем скромном домишке в конце улицы. Она чувствовала себя как дома только здесь, у Тео.

Тео лежал в постели, откинув одеяло, читал новости в смартфоне и курил.

— Я думала, ты собирался меньше курить, — сказала Карла, взглянув на него, и слегка прикусила нижнюю губу.

— Так и есть, — ответил он, не поднимая взгля-

да. — Теперь я курю только после секса, еды и когда пью кофе. Таким образом, это максимум пять сигарет в день, при условии, что у меня будет секс, а это, к сожалению, вовсе не гарантировано.

Карла невольно улыбнулась.

— Тебе нужно начать заботиться о себе, — сказала она. — Я серьезно.

Он посмотрел на нее с ленивой ухмылкой и провел рукой по торсу сверху вниз.

— Что, по-твоему, я не в форме?

Карла закатила глаза.

— Ты точно не в форме, — заявила она, выпячивая подбородок и указывая на его живот. — И мое мнение здесь ни при чем. Тебе следует завести собаку, Тео. С собакой у тебя будет гораздо больше физической нагрузки, она заставит тебя выходить из дома, ты и сам это знаешь, а так ты просто сидишь без дела, ешь, куришь и слушаешь музыку…

Тео опустил взгляд на экран мобильника.

— Диксон может вернуться, — тихо произнес он.

— Тео, — Карла слезла с подоконника и снова забралась на кровать. Когда она опустилась перед ним на колени, халат распахнулся. — Он пропал

шесть недель назад. Мне очень жаль, но бедняга не вернется домой.

Тео печально посмотрел на нее.

— Ты не можешь это знать, — сказал он и, потянувшись к ней, нежно обнял за талию.

На улице было тепло, и они завтракали во внутреннем дворике. Кофе и тосты. Тео выкурил еще одну сигарету и пожаловался на редактора.

— Он типичная посредственность. К тому же лет шестнадцати. Не имеет никакого представления о мире. Хочет, чтобы я убрал всю политику, которая, если задуматься, является сердцевиной романа. Нет-нет, «сердцевина» неправильное слово. Политика определяет первооснову. Она *и есть* первооснова. А он хочет ее уничтожить. Разрушить и утопить в пучине сентиментальности! Я тебе говорил? Он думает, что Шивон нужен роман, чтобы сделать ее более человечной. Но она человечна! Она сумела реализовать себя больше любого из созданных мной персонажей…

Откинувшись на спинку стула, Карла сидела с закрытыми глазами, положив босые ноги на стул перед собой, и слушала его вполуха. Она уже слышала эти жалобы раньше. И давно поняла, что высказывать свою точку зрения не имеет особого смысла, поскольку в конце концов он все

равно сделает так, как сочтет нужным. Наконец он замолчал, и они сидели в тишине, прислушиваясь к звукам вокруг: крикам детей на улице, треньканью велосипедных звонков на тропе, кряканью уток. На столе зажужжал мобильник Карлы. Она взяла его, посмотрела и, вздохнув, положила на место.

Тео приподнял бровь:

— Назойливый поклонник?

Она покачала головой.

— Полиция.

Тео внимательно посмотрел на нее.

— Ты не отвечаешь на их звонки?

— Отвечу. Но позже. — Она закусила губу. — Отвечу, просто я… Я не хочу снова говорить об этом, видеть все это. Представлять, как это было.

Тео накрыл ее руку своей.

— Все хорошо. Тебе не нужно с ними разговаривать, если не хочешь…

Карла улыбнулась:

— Думаю, что все-таки нужно.

Она убрала ноги со стула и сунула в слишком большие тапочки, которые позаимствовала у Тео. Наклонившись вперед, налила себе полчашки кофе, сделала глоток и поняла, что он остыл. Тогда она встала и начала убирать со стола. Поставив

серебряный кофейник и кружки на поднос, направилась по каменным ступеням на кухню. А мгновение спустя снова появилась — с большой старой сумкой с надписью «Донт букс» [1], перекинутой через плечо.

— Пойду переоденусь, — сказала Карла. — Мне нужно сходить в Хейвордс-плейс. — Она наклонилась и быстро поцеловала его в губы.

— Ты там еще не закончила? — спросил он, беря ее за запястье и заглядывая в лицо.

— Почти, — ответила она, прикрыв веки, и отвернулась от него, высвобождаясь. — Я почти закончила. Так ты послушаешь редактора? — крикнула она через плечо, направляясь в дом. — И *очеловечишь* Шивон? Думаю, если ты не хочешь подарить ей любовника, то всегда можешь подарить собаку. Какого-нибудь маленького стаффордширского бультерьера, или пусть подберет дворнягу. — Тео засмеялся. — Но он прав, разве нет? Ты должен дать своему персонажу нечто, к чему он будет испытывать привязанность.

— У нее хватает привязанностей. У нее есть работа, ее искусство…

---

[1] Примечания: 1

Сеть книжных магазинов в Лондоне. — Примеч. ред.

— Но этого недостаточно, разве не так? Если у женщины нет мужчины, ребенка или щенка, то она холодна. Холодна и трагична, в некотором роде даже неадекватна…

— Но ты же не такая, — возразил Тео.

Стоя в дверях кухни, Карла повернулась к нему с грустной улыбкой на губах.

— Ты так не считаешь, Тео? Ты не считаешь, что моя жизнь трагична?

Он встал, пересек лужайку, поднялся к ней по ступенькам и взял ее руки в свои.

— Просто я не думаю, что в твоей жизни больше нет ничего другого.

Через три года после их свадьбы Тео опубликовал трагикомедию, действие которой происходит в сицилийском городке во время Второй мировой войны. Книгу номинировали на премию (правда, он так ее и не получил), и она стала мировым бестселлером. Затем по ней сняли фильм, и деньги полились к Тео рекой.

В то время Карла задавалась вопросом, не означает ли эта книга конец их брака. Тео все время отсутствовал, постоянно разъезжал, посещая фестивали, где его окружали симпатичные молодые журналистки, продвигал дебютные творения амбициозных начинающих писательниц

двадцати с небольшим лет, общался на вечеринках с невероятно гламурными голливудскими директорами по развитию. Карла в то время работала в Сити менеджером по продажам. На званых обедах интерес к ней пропадал, стоило ей сказать, чем она занимается; на коктейльных вечеринках собеседники начинали озираться по сторонам в поисках более интересного общества. Но, как оказалось, она зря боялась, что Тео уведут. Он быстро устал от разъездов и изматывающего энтузиазма ярких молодых дарований. Все, чего он действительно хотел, так это оставаться с ней дома и писать: он планировал приквел к своему успешному роману, в котором собирался рассказать о жизни матери своего главного героя в годы Первой мировой войны. После того как Карла забеременела, куда-то уезжать ему уже не хотелось, а после рождения ребенка — тем более.

Тео дважды не уложился в установленные издательством сроки и собирался нарушить их в третий раз, когда сразу после третьего дня рождения их сына Карла объявила, что ей нужно поехать в Бирмингем на конференцию по продажам. Она только недавно вернулась к работе, и, по ее словам, совершать подобные поездки было крайне важно, чтобы не оказаться на обочине и

не превратиться в заурядную «мамочку».

— Может, мне поехать с тобой? — предложил Тео. — И мы могли бы вместе провести выходные — ты, я и Бен.

Карле стало немного не по себе: она уже представляла, как окажется в одиночестве, сможет спокойно принять ванну, сделать маску для лица и приготовить себе в высоком стакане коктейль из того, что найдется в мини-баре.

— Это было бы чудесно, — осторожно сказала она, — только я не уверена, как это будет воспринято. Ну, что я приехала с мужем и малышом. О, не смотри так, Тео! Ты *понятия не имеешь*, что это такое. Если *ты* явишься на работу с Беном, тебе вручат медаль «Отец года». А если это сделаю я, то скажут, что я не справляюсь, что думаю не о работе и что на большее, чем сейчас, в принципе не способна.

Но вместо того, чтобы просто согласиться — *ладно, дорогая, тогда я останусь с Беном в Лондоне, а ты поезжай,* — Тео предложил оставить Бена с родителями.

— В Нортумберленде? Но как мне отвезти его в Алнмут до пятницы?

— Думаю, что они могли бы приехать сами и забрать его. Им бы это понравилось, Си, ты же

знаешь, как мама его обожает…

— О, ради бога! Если ты действительно хочешь поехать со мной, то ему придется отправиться к моей сестре. И не делай такое лицо, Энджи тоже его обожает, живет в пяти минутах ходьбы от нас, а на что-то другое у меня сейчас нет времени.

— Но…

— Пусть в этот раз он побудет с Энджи, а в следующий может поехать к твоей маме.

Только следующего раза не было.

В воскресенье утром в их гостиничном номере раздался звонок. Они собирались в Лондон и укладывали вещи, споря, каким маршрутом лучше ехать. Позвонивший попросил их спуститься к стойке регистрации, затем, казалось, передумал, поговорил с кем-то еще, а потом сказал, что им лучше подождать в номере и сейчас к ним придут.

— Это что вообще такое? — спросила Карла, но ответа не получила.

— Бьюсь об заклад, что какой-то ублюдок вскрыл машину, — предположил Тео.

Вошли двое полицейских, мужчина и женщина. Они сообщили, что в доме сестры Карлы произошел несчастный случай. Бен упал с балкона второго этажа на ступеньки в саду.

— Но она никогда не открывает дверь в кабинете, — не понимая, что происходит, возразила Карла. — Перила на балконе сломаны, поэтому дверь всегда закрыта.

Однако дверь оказалась не заперта, и маленький Бен выбрался наружу, проскользнул через перила и упал на каменные ступени в двадцати футах под ним. Его нашел восьмилетний двоюродный брат, который играл в саду, и сразу же вызвал «Скорую».

— С ним все будет в порядке? С ним все будет в порядке?

Карла повторяла этот вопрос как заведенная, но Тео уже упал на колени и по-звериному завыл. У женщины-полицейского в глазах стояли слезы и дрожали руки. Покачав головой, она сказала, что ей очень жаль, что «Скорая» прибыла в считаные минуты, но ничего уже сделать было нельзя.

— Но с ним все будет в порядке? — снова спросила Карла.

Мать Карлы и Анджелы умерла от рака груди, так и не успев состариться, а их отец остался жить в приходившем в упадок трехэтажном фамильном особняке на Лонсдейл-сквер, хотя сразу было понятно, что для него это не лучший вариант. Подъем из кабинета на втором этаже в

спальню на третьем занимал все больше времени, становился все более опасным. Сад пришел в запустение и зарос, водостоки были забиты, крыша протекала, оконные рамы начали гнить. А кованые перила маленького итальянского балкона, на который можно было выйти из кабинета, полностью проржавели.

Отец переехал в дом престарелых за шесть месяцев до своей смерти, и, поскольку Карла к этому времени уже жила с Тео, в особняке поселилась Анджела. У нее были грандиозные планы по приведению его в порядок, на что могли уйти долгие годы кропотливой работы, — она даже разработала эскизы фресок, которыми планировала украсить коридоры и потолок над лестницей. Но сначала требовалось провести основные ремонтные работы, и первым делом — починить крышу. На это ушли все свободные деньги, поэтому все остальное пришлось отложить до лучших времен.

О ржавых перилах даже не вспоминали, пока не родился Дэниел. Когда он немного подрос и начал ползать, Анджела заперла дверь кабинета и никогда ее не открывала. Дверь постоянно была заперта. Все время без исключения.

— Где была Анджела? — Карла и Тео сидели на

заднем сиденье полицейской машины; никто из них не был в состоянии вести машину. — Где она была? — Карла говорила почти шепотом, а ее глаза были плотно зажмурены. — Я просто… я не понимаю. Где была Анджела?

— Она находилась в своей спальне, — ответила женщина-полицейский. — Наверху.

— Но… почему «Скорую» пришлось вызывать Дэниелу? Чем была занята моя сестра?

— Судя по всему, когда произошел несчастный случай, она спала, — пояснила женщина-полицейский.

— Она не спала, — произнес Тео, — она *отсыпалась с похмелья*. Разве не понятно?

— Мы не можем этого знать, — заметила Карла, накрывая его руку своей.

Он резко выдернул руку, будто обжегся.

— Неужели?

Полицейские сразу отвезли их в больницу Уиттингтона. Там их встретила сотрудница по связям с семьями, которая пыталась убедить их не смотреть на тело сына.

— Будет намного лучше, — сказал она, — если вы запомните вашего маленького мальчика в самые счастливые моменты его жизни. Как он бегал или катался на велосипеде…

Но они ее не послушались. Ни он, ни она не могли не увидеть его в последний раз, и просить об этом было глупо.

В холодной, ярко освещенной комнате Тео и Карла провели больше часа, передавая сына друг другу. Они целовали его пухлые пальчики и ступни. Согревали его холодную плоть руками и слезами. После этого полицейские отвезли их домой, на Ноэль-роуд, где ждали родители Тео.

— Где она? — были первые слова Тео, обращенные к матери.

Мать кивнула в сторону лестницы.

— Там, наверху, — сдавленно ответила она. Ее окаменевшее от горя лицо походило на маску. — В комнате для гостей.

— Тео, — сказала Карла, — прошу тебя.

Вскоре она услышала его крик:

— Ну что, сука, проспалась? Ты была с похмелья? Ты оставила его, оставила одного, оставила дверь открытой, ты оставила его. Ты оставила его! Ты оставила его!

Анджела рыдала и, опустившись на колени, билась в истерике, но Тео не сдавался.

— Вон из моего дома! И никогда сюда не приходи! Я больше не хочу тебя видеть!

Карла услышала, как Дэниел тоже закричал:

— Оставь ее! Дядя Тео! Пожалуйста! Оставь ее!

Они спустились вниз, Анджела и Дэниел, держась за руки. Анджела хотела обнять сестру, но Карла ей не позволила; она отвернулась, сгорбилась и присела, сжавшись, как животное, защищающееся от хищника.

Когда они ушли и входная дверь закрылась, мать Тео повернулась к Карле и спросила:

— Почему ты не позволила ему приехать ко мне? Я бы о нем позаботилась.

Карла поднялась, сжала руки в кулаки, прошла через кухню в задний сад, где посреди лужайки лежал на боку трехколесный велосипед ее сына, и зашлась криком.

Карла и Тео бесконечно винили себя и друг друга; каждая фраза начиналась с «если».

Если бы ты не поехала на конференцию…

Если бы ты не настоял на том, чтобы поехать со мной…

Если бы тебя так не волновало, что подумают другие…

Если бы мы отправили его к моим родителям…

Их сердца были разбиты, разбиты навсегда, и никакая любовь — какой бы глубокой и пылкой она ни была — не могла их исцелить.

8

Через двадцать три часа после задержания полицейские отпустили Лору домой. Эту новость сообщил ей Лысый.

— Скорее всего, Лора, нам придется поговорить с вами еще раз, — сказал он, — поэтому никуда не уезжайте.

— О да, нет проблем, я отменю поездку в Диснейуорлд, которую планировала, так что не волнуйтесь, — ответила она.

Лысый кивнул.

— Договорились, — сказал он и улыбнулся своей грустной улыбкой, не предвещавшей ей ничего хорошего.

Она покинула полицейский участок в одиннадцатом часу. На улице моросил дождь. Она села в автобус на Грейс-Инн-роуд и в изнеможении рухнула на единственное свободное место внизу. Элегантно одетая полная женщина рядом с ней брезгливо сморщила нос и отодвинулась к окну, пытаясь свести к минимуму контакт с промокшей и дурно пахнущей пассажиркой. Лора откинула голову на спинку сиденья и закрыла

глаза. Женщина укоризненно поцокала языком. Лора решила не обращать на нее внимания и отвернулась. Женщина тяжело вздохнула. Лора почувствовала, как напряглись ее челюсти и сжались кулаки. *Сосчитай до десяти*, советовал ей отец, и она так и сделала: *раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три* — она не могла считать дальше, вообще ничего не могла, а женщина, снова вздохнув, задвигала своей толстой задницей, усаживаясь поудобнее, и Лоре захотелось крикнуть ей прямо в ухо: *Это не моя вина, это не моя вина, это не моя гребаная вина!*

Она поднялась.

— Я знаю, — со злостью произнесла она, глядя на соседку, — что от меня воняет. Мне это известно. Меня продержали в полицейском участке двадцать четыре часа, а до этого я ходила в магазин, а до этого отработала восемь часов в прачечной, так что я не принимала душ вот уже два дня. Это не моя вина. Но знаете что? Через полчаса от меня будет пахнуть розами, а вы так и останетесь тупой жирной коровой.

Лора отвернулась и вышла из автобуса на три остановки раньше. Всю дорогу домой перед ее глазами стояло обиженное выражение на лице женщины, пунцовом от смущения, и ей

пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не расплакаться.

Лифт по-прежнему не работал. Она потащилась по лестнице на седьмой этаж, всю дорогу сдерживая слезы: уставшая, с ноющей от боли ногой, с пульсирующим на руке порезом и *ужасно голодная*. В участке ей дали еду, но она так нервничала, что не смогла проглотить ни кусочка. Вставив запасной ключ в замок и слегка покрутив им из стороны в сторону, она уговорила дверь открыться, чувствуя, как сосет под ложечкой и от голода кружится голова.

Кухня выглядела так, будто пережила обыск, — и она решила, что полиция *действительно* ее обыскала: ящики и шкафы открыты, повсюду беспорядочно составлены кастрюли и тарелки. Тут же лежали испорченные продукты, которые она купила в супермаркете на последние деньги.

Отвернувшись, чтобы не видеть всего этого, Лора выключила свет и направилась в комнату, так и не приняв душ и не почистив зубы. Тихо всхлипывая, заползла в кровать и принялась поглаживать себя по затылку, пытаясь успокоиться. Так всегда раньше делал отец, чтобы Лора перестала нервничать, чтобы боль утихла и она смогла уснуть.

Проблем и боли у нее было предостаточно. Ее раннее детство, проведенное в грязном районе Южного Лондона, было лишено событий. Настолько, что она не сохранила в памяти почти ничего, кроме светло-коричневого дома рядовой застройки на узкой улице и ощущения сухой, колючей лужайки под ногами летом. Ее воспоминания, казалось, начинались только с девятилетнего возраста, когда они всей семьей переехали в маленькую деревушку в Сассексе. Там-то и начались все проблемы.

Нет, с самой деревней было все в порядке. Лоре нравилась ее причудливая красота, каменные коттеджи и сверчки в густой зелени, вежливые соседи с их белокурыми детьми и собаками вошедшей в моду породы лабрадудль. Мать Лоры, Джанин, говорила, что жизнь там *отупляет*, что, наверное, было плохо. Но Лоре там нравилось. Ей нравилась деревенская школа, где в ее классе было всего пятнадцать человек, а учителя считали ее очень начитанной. Нравилось гонять на велосипеде без всякого присмотра по узким проселочным дорогам в поисках ежевики.

Отец Лоры, Филип, нашел работу в соседнем городке. Он отказался от мечты посвятить себя сценографии и теперь работал бухгалтером, от-

чего Джанин закатывала глаза всякий раз, когда об этом заходила речь.

— *Бухгалтер!* — шипела она, сильно затягиваясь сигаретой и поправляя рукав туники. — Смеху подобно!

— Жизнь не может быть сплошным развлечением, Джанин. Иногда приходится вести себя, как подобает взрослым.

— И не дай бог взрослым повеселиться, так, что ли, Филип?

Лоре казалось, что родители не всегда были такими. Ей смутно помнились времена, когда ее мать была больше довольна жизнью. Тогда она не сидела за обеденным столом с угрюмым видом, скрестив руки на груди и почти не притрагиваясь к еде, и не цедила сквозь зубы ответы на все вопросы отца. Было время, когда ее мать все время смеялась. Когда она пела!

— Может, нам лучше вернуться в Лондон? — не раз спрашивала Лора, в ответ на что мать с грустной улыбкой гладила ее по голове, устремляя тоскливый взгляд в пустоту.

Отец же на ее слова всегда реагировал предсказуемо и эмоционально:

— Мы не можем вернуться, цыпленок, у меня теперь здесь работа. И дом у нас тут такой чудес-

ный, правда?

Ночью Лора слышала, как они спорят.

— *Работа*, которую ты себе нашел, — говорила мать жутким, шипящим голосом, — это финансовое консультирование. Ради всего святого, Филип, неужели тебе *действительно* хочется заниматься этим всю свою жизнь? Дни напролет считать чужие деньги? — И еще: — Неужели нам уготована такая жизнь? Такая *будничная? В деревне? В Сассексе*? Видишь ли, я на нее не подписывалась.

И ответ:

— *Подписывалась?!* Это брак, Джанин, а не театральный курс.

Будучи примерным ребенком, Лора постаралась выкинуть услышанное из головы и решила, что если будет как следует учиться и очень хорошо себя вести, то все, что делало ее мать несчастной, улетучится само собой. Лора изо всех сил старалась угодить матери, рассказывала, как ее хвалят учителя, показывала ей все свои школьные рисунки.

Днем Лора постоянно держалась возле матери. Она помогала ей делать уборку, сидела рядом, когда та читала, и тихо ходила за ней из комнаты в комнату, когда мать бесцельно бродила по дому,

не находя себе места. Лора стремилась уловить настроение матери по выражению ее лица, понять, какие мысли ее занимали, что заставляло ее так вздыхать или смахивать с глаз челку, и что она могла сделать, чтобы заслужить улыбку. Иногда ей это удавалось, а иногда и вызывало у матери раздражение, и та говорила:

— Ради бога, Лора, ты можешь оставить меня в покое хоть на минутку и дать мне побыть наедине с собой?

Осенью Джанин начала брать уроки рисования. А с наступлением рождественских каникул что-то изменилось. С востока подул ледяной ветер, принесший с собой невероятно красивое голубое небо, колючий холод и, совершенно неожиданно, оттепель в семейных отношениях. Казалось, что было объявлено перемирие. Лора понятия не имела почему, но что-то точно изменилось, потому что ссоры прекратились. Отец больше не выглядел издерганным и подавленным. Мать улыбалась, когда мыла посуду, а вечерами вместе с Лорой смотрела телевизор, прижимая ее к себе, а не сидела, как раньше, в кресле с книгой в руках. Они даже пару раз съездили вместе в Лондон: один раз в магазин игрушек, а другой — в зоопарк.

Новый год начался оптимистично: утром мать с улыбкой помахала Лоре рукой, провожая в школу. А в выходные ей даже пообещали всей семьей поехать кататься на санках, если выпадет снег.

Снег выпал, но кататься на санках они не поехали.

В ту пятницу менее чем за час выпало два с половиной дюйма снега, поэтому футбольную тренировку отменили. Было немногим более трех часов, когда Лора накатом спустилась с холма на велосипеде, возвращаясь домой, и выехала на середину дороги, где из-за движения машин снег полностью растаял. Но уже начинало темнеть, и она не увидела и не услышала появившийся на дороге автомобиль. Казалось, он возник из ниоткуда.

Отлетев в сторону на десять с лишним футов, она ударилась спиной об асфальт, и мать, стоявшая на подъездной дорожке перед домом, слышала треск ее расколовшегося шлема. У нее был перелом кости черепа, сложные переломы ноги и таза. Водитель сбившей ее машины уехал, не остановившись.

Затем начались проблемы и боль. Шесть операций, долгие месяцы в больнице, бесконечные часы изнурительной и мучительной

физиотерапии, занятия с логопедом, помощь психотерапевта. В конце концов все зажило. Но зло уже свершилось, и хотя здоровье ее почти восстановилось, сама Лора стала другой. Она стала медлительной, агрессивной и не такой милой, как раньше. С беспомощным отчаянием она видела, как сужались ее некогда безграничные горизонты, и ее внутренний мир погружался в беспросветную мглу.

Утром Лора приготовила в микроволновке все размороженные продукты. Наевшись досыта, выбросила остатки еды в мусорное ведро, оделась и отправилась на работу.

— Ты что это делаешь? — возмущенно поинтересовалась Майя, ее начальница в прачечной, выйдя из задней комнаты и увидев, как Лора снимает пальто и вешает его на крючок за прилавком.

— Сегодня моя смена, — ответила Лора. — Сегодня среда.

— Да, а вчера был вторник, и тоже была твоя смена, только ты вообще не явилась.

Лора начала было что-то говорить, но Майя жестом остановила ее.

— Довольно, мне нет до этого дела. Извини, но с меня хватит, Лора. И знать не хочу, что у тебя

случилось на этот раз…

— Майя, мне очень жаль…

— Ты знаешь, что было вчера? Знаешь? Вчера моему внуку исполнилось пять лет, и его мама по этому случаю повела его в зоопарк. И я должна была пойти с ними и все такое, но только я не пошла. И знаешь почему? Потому что я была здесь и заменяла тебя, а ты даже не соизволила позвонить и предупредить, хотя бы ради приличия.

— Я не могла, Майя. Мне ужасно жаль, честно, что так тебя подвела…

— Не могла просто *позвонить*? И почему? Опять оказалась за решеткой?

Лора опустила голову.

— Господи, да какого черта, прошу прощения за выражение! Тебя что — *опять* арестовали? — Майя в отчаянии всплеснула руками. — Извини, милая, но я больше не могу. Просто не могу. Хорошего понемножку. Я достаточно наслушалась твоих россказней. И я тебя предупреждала, верно? Не раз и не два. Твои вечные опоздания, грубость по отношению к клиентам…

— Но, Майя, это не было…

— Я знаю! Знаю, что ты хочешь сказать. Что ты не виновата. Ты никогда не бываешь виноватой. Может, так оно и есть. Может, это и не твоя вина,

но, черт возьми, и не моя тоже! Или не так?

Лору вырвало на тротуар возле прачечной. Рыбными палочками и пиццей.

— Я не нарочно! — крикнула она Майе, в ужасе взиравшей на происходящее в окно.

Она не делала этого специально. Она же не могла вызвать рвоту по своей прихоти. Просто, сунув карту в банкомат рядом с прачечной, она убедилась, что на ее банковском счете было семь фунтов пятьдесят семь пенсов, что вместе с четырьмя фунтами сдачи в сумочке составляло все ее богатство. А теперь ее еще и уволили. Это было как удар под дых, потому что увольнение влекло за собой санкции. Ей могли отказать в жилищном пособии, причем на несколько месяцев, как уже случалось с людьми, которых она знала. Она представила, как ее выбросят на улицу и она станет бездомной, если, конечно, не попадет в тюрьму за убийство. И вот тогда ее вырвало. Вытерев рот, она побрела прочь, прикусив нижнюю губу и пытаясь подавить нарастающую панику, поднимавшуюся из глубин только что опустошенного желудка.

Добравшись до дома, она позвонила матери. Несмотря на то что мать так часто подводила и разочаровывала Лору, она продолжала ее любить

и каждый раз надеялась, что вот теперь все пойдет по-другому.

— Мама? Ты меня слышишь? — На линии слышался какой-то треск и шум на заднем плане. — Мама?

— Лора! Как ты, дорогая?

— Мама… Со мной не все в порядке. Ты не могла бы ко мне приехать? — Последовало долгое молчание.

— Мама?

— Извини, дорогая?

— Я сказала, не могла бы ты ко мне приехать?

— Мы сейчас в Испании, так что сделать это будет непросто! — Мать засмеялась низким гортанным смехом, от которого у Лоры заколо-ло сердце. — Но мы вернемся через несколько недель, так что, может быть, тогда.

— Понятно. Несколько недель? Я… а где вы?

— В Севилье. Знаешь, где растут апельсины.

— Да, я слышала о Севилье. — Лора с трудом сглотнула. — Мам, понимаешь, тут случилась одна хренотень, и у меня возникли кое-какие проблемы…

— Господи, Лора! Что — опять?!

Лора закусила губу.

— Да, опять! Прости… Я тут подумала… ты не

можешь одолжить мне немного денег, чтобы перекантоваться? Мне просто немного не повезло, я правда не виновата.

— Лора… — На линии снова послышался треск.

— Мам, я не слышала, что ты сказала.

— Я говорю, что сейчас мы и сами на мели и вынуждены экономить.

— В Севилье?

— Да, в Севилье. Ричард выставил несколько картин на художественной ярмарке, и, по условиям, мы должны сами платить организаторам за место, так что…

— Выходит, ему так и не удалось ничего продать?

— Пока нет.

— Понятно.

После долгой паузы снова раздался треск. Лора услышала вздох матери, и в этот момент в ней что-то надорвалось. Она почувствовала, как разочарование сдавило ей сердце, словно кулак.

— Лора, ты плачешь? Ради бога, прекрати! Прошу тебя. Ты же знаешь, как я ненавижу, когда мною пытаются манипулировать с помощью эмоций.

— Нет, — сказала Лора, теперь уже действительно всхлипывая. — Я не плачу.

— Послушай, — деловито произнесла мать. — Ступай и поплачь, а потом перезвони мне, ладно? Я поговорю с Ричардом о деньгах, хорошо? Лора? Береги себя.

Лора еще немного поплакала, а когда закончила, чувствуя внутреннюю опустошенность, позвонила отцу, но он не взял трубку. Она оставила ему сообщение: «Пап, привет. Вчера меня задержали по обвинению в убийстве, но потом отпустили, так и не предъявив обвинения. Меня уволили с работы, потому что, находясь в полиции, я пропустила свою смену, еда у меня кончилась, а денег ни черта осталось, так что не мог бы ты мне перезвонить? Пока. И на всякий случай: это звонила Лора».

Сумевшая спастись

Проснувшись в то утро, он еще не знал, как проведет день и как этот день закончится, не знал, что в нем будет плохого и хорошего. Сполоснув лицо ржавой водой, он побрился перед грязным зеркалом в ванной комнате со стойким запахом дерьма, не представляя, что встретит такую симпатичную девушку.

Да и как он мог представить, что все так сложится? Что она будет дразнить его, флиртовать с ним и ранит его чувства, а потом вернется, подняв лапки кверху, и попросит о помощи и будет рада его обществу и его прикосновением к ее мягкому бедру, пока они едут в машине.

Проснувшись в то утро, он не имел представления об ожидавших его передрягах, приятном возбуждении и предвкушении.

9

Четыре дня в неделю Мириам работала в «Книгах на воде» — плавучем книжном магазине на канале, сразу за Бродвейским рынком. Магазин торговал новыми и подержанными книгами и годами балансировал на грани банкротства. По словам его владельца Николаса, в последнее время он был вынужден полагаться на пожертвования хипстеров (краудфандинг), чтобы удержаться на плаву, причем в буквальном смысле слова: недавно они собрали средства, чтобы заделать течь в корпусе судна.

В магазине Мириам занималась по большей части административной работой: отвечала за бухгалтерию, переписку, расстановку книг на полках и поддержание чистоты и порядка. Ей больше не разрешалось обслуживать клиентов (слишком груба) и составлять шелфтокеры — небольшие аннотации, в которых сотрудники книжного магазина высказывали свое мнение о новинках (слишком безаппеляционна). К тому же она внушала неприязнь. Николас никогда ничего такого не говорил, но в этом и не было

необходимости. Мириам отлично знала, что не относится к тем, на кого приятно смотреть, что люди ее сторонятся, что если и существует качество, противоположное обаянию, то она наделена им в избытке. Мириам все это осознавала и принимала. А почему нет? Какая у нее альтернатива? Какой смысл притворяться, будто все не так, как есть на самом деле, и она не такая, какой является в действительности?

По средам Николас посещал своего врача, поэтому магазин открывала Мириам. Она была очень пунктуальна и не могла себе позволить опоздать даже на минуту. Этим утром она нырнула под мост Кэт-энд-Маттон ровно без четверти девять и удивилась, увидев у магазина покупателя, который пытался заглянуть в окно, поднеся к глазам ладони, чтобы лучше видеть. Мириам решила, что это турист, но, стоило ему отступить и посмотреть в ее сторону, как она застыла, почувствовав выброс адреналина. Тео Майерсон!

Очнувшись, она напомнила себе: ни в коем случае не показывать слабость! Сделав глубокий вдох, выпрямилась во все свои пять футов два дюйма и уверенно зашагала к нему.

— Вы что-то хотели? — поинтересовалась она.

Тео повернулся и с потемневшим лицом подо-

шел к ней.

— Вообще-то да, — ответил он.

Как назло, все пешеходы куда-то подевались, и они оказались на тропинке одни. Сзади был мост, впереди баржа, и Тео Майерсон стоял у нее на пути.

— Мы еще не открылись, — сказала она и шагнула к воде, пытаясь его обойти. — Мы открываемся в девять. Вам придется прийти позже.

Майерсон тоже сделал шаг к воде, снова преграждая ей путь.

— Я здесь не для того, чтобы посмотреть книги, — сказал он. — Я здесь, чтобы предупредить вас: не вмешивайтесь в мои дела. И оставьте мою семью в покое.

Мириам сунула дрожащие руки в карманы.

— Я не имею к вашей семье никакого отношения, — возразила она. — Если, конечно… вы не имеете в виду своего племянника. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Ужасная трагедия. — Вытащив из сумки ключ от книжного магазина, Мириам отодвинула его локтем и прошла. — Я являюсь свидетелем, вам это говорили? Ко мне приезжала полиция, задали мне много вопросов, и я на них ответила.

Она повернулась, чтобы посмотреть на Тео, и

растянула губы в улыбке.

— А вам бы хотелось, чтобы я поступила иначе? Знаете что, — она полезла в сумочку и вытащила мобильный телефон, — может, мне им позвонить? У меня в телефоне есть номер детектива, который просил сообщить ему, если я что-нибудь вспомню или замечу нечто необычное. Позвонить ему? Сказать, что вы пришли сюда, чтобы встретиться со мной? — Мириам увидела, что по его лицу пробежала тень испуга, отчего вдруг ощутила прилив огромного удовольствия. — Мистер Майерсон?

Так вот, подумала Мириам, каков он, вкус власти.

Вернувшись в тот вечер с работы, Мириам, даже не вымыв руки и не заварив себе чая, достала с полки над камином деревянную шкатулку, в которой хранила разные безделушки, и поставила ее на кухонный стол. Открыв ее, она принялась перебирать содержимое. Это был ритуал, к которому она время от времени прибегала, чтобы успокоить нервы, упорядочить мысли и сосредоточиться на действительно важных для нее вещах.

Она была со странностями и знала это, знала, какой ее видят люди. Окружающие видели в Ми-

риам толстую женщину средних лет, без денег, без мужа, без влияния. Она была чужой, жила в плавучем доме, одевалась в благотворительном магазине и стриглась сама. Одни не замечали ее вовсе, другие считали, что с ней можно не церемониться, поскольку она ничего собой не представляет и не способна себя защитить.

Мириам достала из шкатулки сложенный вчетверо лист бумаги формата А4, развернула его и, разложив перед собой, разгладила. Она снова прочитала то, что было на нем написано, хотя делала это так часто, что практически выучила текст наизусть и могла его процитировать, по крайней мере наиболее оскорбительные его части.

> Уважаемая миссис Льюис!
>
> Я пишу как юрисконсульт Харриса Маккея, издателя Тео Майерсона, в ответ на Ваше письмо от 4 февраля. Я пишу от имени издательства и самого мистера Майерсона, который одобрил содержание этого письма. Мы хотим с самого начала четко заявить, что мистер Майерсон полностью отрицает обвинения в нарушении им авторских прав, содержащиеся в Вашем письме; Ваше требование совер-

шенно необоснованно.

Ваше утверждение о том, что роман «Сумевшая спастись», написанный мистером Майерсоном и опубликованный под псевдонимом Кэролайн Макфарлейн, заимствует «темы и значительную часть сюжета» Ваших мемуаров, не выдерживает критики по ряду причин.

Для обоснования иска о нарушении авторских прав необходима причинно-следственная связь между произведением заявителя и произведением, предположительно нарушающим авторские права. Вы должны наглядно показать, что при написании «Сумевшей спастись» мистер Майерсон использовал Ваши мемуары.

Мистер Майерсон признает, что Вы просили его прочитать Вашу рукопись, и, несмотря на свою исключительную занятость и отсутствие свободного времени, он согласился это сделать. Как объяснил Вам мистер Майерсон, когда Вы пришли к нему домой 2 декабря, он положил рукопись в свой багаж, когда летел в Картахену на Фестиваль литературы и искусства. К сожалению, его багаж был

утерян компанией «Бритиш эйруэйз» и так и не был найден. Таким образом, прочитать вашу рукопись мистер Майерсон никак не мог.

Все сходства, которые Вы усматриваете между «Сумевшей спастись» и Вашими мемуарами, являются не более чем общими темами и идеями.

Мы не считаем ни разумным, ни необходимым рассматривать каждое слабое сравнение, которое Вы пытаетесь привести в качестве доказательства…

Вы выдвинули серьезные и ложные обвинения против мистера Майерсона…

Любые судебные иски с Вашей стороны будут неуместными и необоснованными, и мистер Майерсон намерен приложить все силы, чтобы доказать свою правоту в суде. Он будет добиваться возмещения Вами всех судебных издержек, и, в свете вышесказанного, мы не сомневаемся, что суд обяжет Вас это сделать.

Вот так, черным по белому. Их аргументация, все нанесенные ей оскорбления, все обидные и гнусные обвинения, все отклонения ее требова-

ний как *совершенно беспочвенных, ошибочных, слабых, ложных, неуместных и необоснованных*, объяснялись исключительно тем, о чем говорилось в последнем предложении: у нас есть деньги, а значит, и власть. У тебя же нет ничего.

Трясущимися руками Мириам сложила письмо, вернула его на дно шкатулки и взяла маленькую черную записную книжку, в которую заносила все передвижения людей на канале. Прожив на барже шесть лет, она знала, что бдительность нужно проявлять постоянно. Здесь, как и вообще в жизни, помимо хороших, порядочных, трудолюбивых и щедрых людей встречались и пьяницы, и наркоманы, и воры, и все остальные. Тут следовало держать ухо востро и смотреть в оба. И остерегаться хищников. (Мириам знала это лучше других.)

Итак, она все записывала. Например, отметила время в пятницу вечером, когда Шальная Лора из прачечной появилась с Дэниелом Сазерлендом; записала также, когда к нему в дверь постучалась Карла Майерсон, его тетя, с хорошей стрижкой, в красивом пальто и с ровными зубами. Это было в прошлую среду. За два дня до смерти Дэниела. И в руке у нее была бутылка вина.

Затем Мириам взяла из шкатулки ключ — ключ

Шальной Лоры, который подобрала с пола баржи мертвеца, — и повертела в руках, ощупывая края, все еще липкие от крови. У Мириам было чувство, что Лору нужно защитить, что бы девушка ни сделала. В конце концов, она такая же беззащитная, как и она, разве не так? О, она хорошенькая, с ясными глазами и стройной фигуркой, но такая же бедная и к тому же непутевая. С ней определенно что-то не так: она прихрамывает, и с психикой явно имеются проблемы. В общем, с ней не все в порядке. Такое маленькое, беззащитное и юное существо, как Лора, люди запросто могут использовать в своих целях, точно так же, как некогда они использовали Мириам.

Но власть может перейти в другие руки, разве не так? Иногда самым неожиданным образом. А смена власти неизбежно влечет за собой перемены.

А что, если, вопреки записям в блокноте, Мириам вообще не видела Лору? Что, если, как она сказала полиции, она видела с Дэниелом Сазерлендом только Карлу Майерсон? И что, подумала она, если ей довелось увидеть Карлу Майерсон не один, а несколько раз? Женщина-детектив просила с ней связаться, если Мириам вдруг вспомнит что-то еще. И не имело значения, важное это было

воспоминание или пустяковое. Что, если… — о, теперь она вспомнила повышенные голоса! Сначала она решила, что там просто веселились. А вдруг причина была другой — например, ссора?

Заварив чай, Мириам сделала себе ванночку для ног и стала методично поглощать диетическое печенье, думая, что сказать инспектору уголовной полиции. Следует ли, например, упомянуть об утренней встрече с Майерсоном? Или эту карту лучше попридержать, чтобы разыграть в другой раз? Она отлично понимала, что должна соблюдать крайнюю осмотрительность, не допускать опрометчивых действий и не позволять неожиданно обретенной власти вскружить ей голову.

Она позвонила на мобильный телефон детектива и прослушала его голосовое приветствие.

— Здравствуйте, детектив Баркер! Это Мириам Льюис. Вы просили позвонить, если я вдруг что-то вспомню. Дело в том… я тут сообразила, что женщина, которую я видела, ну, о которой я вам рассказывала, женщина в годах… Я только что вспомнила, что видела ее в пятницу вечером. Понимаете, тогда я думала, что это был четверг, поскольку только что вернулась с работы и увидела, как она проходит мимо с бутылкой вина…

Может, это и не очень важно, но ведь я тогда только что вернулась с работы, а в прошлый четверг я на работу не ходила… у меня в тот день слегка прихватило желудок, что для меня очень необычно, ведь на здоровье я не жалуюсь, но, как бы то ни было, в четверг мне нездоровилось, и я поменяла смену на пятницу…

Мириам повесила трубку. Подавшись вперед, взяла из пачки еще одно печенье, потом откинулась на спинку кресла и положила ноги на скамейку. Как же приятно иметь что-то против Майерсона! Она представила себе на мгновение этого великого человека стоящим в кабинете с телефоном в руке — и вот ему звонят из полиции и сообщают, что его дорогую Карлу забирают для допроса. Она представила, как он запаникует. Как он перенесет такое потрясение? А уж как все это подхватит пресса!

Это научит его, как присваивать чужое! Будет уроком за отношение к Мириам как к пустому месту, как к какой-то вещи, которую можно использовать, а потом выбросить за ненадобностью. И если Карла тоже пострадает — что ж, таковы неизбежные издержки. Так же, как враг моего врага мне друг, так иногда и друг моего врага становится моим врагом, и с этим ниче-

го нельзя поделать, так уж устроен мир. Нечто подобное происходит всегда, хотя, конечно, это несправедливо. При любом конфликте невинные жертвы неизбежны.

Мириам закрыла блокнот, убрала его обратно в шкатулку и положила сверху ключ Лоры, золотые серьги-кольца от ювелирного дизайнера Лоррейн Шварц, серебряный крестик, подаренный ей отцом на конфирмацию в четырнадцать лет, и бирку с адресом с собачьего ошейника, на которой значилась кличка «Диксон».

Сумевшая спастись

Рыдания прекратились. Теперь звуки стали другими.

Эти звуки такие громкие, что девушка решается разбить окно, надеясь, что шум не привлечет внимания. Это ей удается, и она лихорадочно пытается вынуть как можно больше осколков, чтобы вылезти наружу. Однако, протискиваясь сквозь узкий проем оконной рамы, она сильно порезалась, и из ран на плечах, туловище и бедрах начинает течь кровь.

Она сидит на корточках, прислонившись спиной к стене. Кровь стекает вниз и впитывается в твердую почву. Когда она побежит, за ней наверняка потянется кровавый след. Единственное ее спасение — добраться до города раньше, чем он придет за ней; если не терять времени, возможно, у нее будет шанс.

На улице темно, безлунно. Тишину ночи нарушает лишь ритмичное кваканье лягушек. Однако она по-прежнему слышит их внутри дома. Звуки, которые издает он, и звуки, которые в ответ издает она.

Она закрывает глаза и признается себе в том, что есть и другой шанс на спасение: она может вернуться в дом, пройти на кухню и взять нож. Потом застать его врасплох и перерезать ему горло.

На мгновение она представляет себе ликование подруги. Как крепко они обнимутся! Представляет, как расскажет полиции о случившемся, как ее встретят в школе как героиню, как ей будет благодарна семья подруги!

Насколько они были бы благодарны?

Она представляет себе красивое лицо подруги, ее изящную фигуру, заботливых родителей, дорогую одежду. Ее переполняют мысли о ее жизни и ее счастье.

Девушка представляет, как входит в комнату с поднятым ножом, а он поворачивается и хватает ее за горло. Представляет, как он склоняется над ней и упирается коленом ей в грудь, прижимая к полу, ощущает на себе его вес, холод лезвия, приставленного к ее ключице, щеке, губам.

Она даже не знает, есть ли на кухне нож.

Она могла бы попытаться помочь, могла бы сражаться. Или же воспользоваться тем, что он предпочел ей ее красивую подругу. И бежать.

Это не ее вина. Она даже не хотела садиться в

машину. Ей ужасно жаль. Честно. Ей жаль, но она бросается бежать.

10

Детектив Баркер, чья лысина сверкала на ярком утреннем солнце, будто новенькая монета, наблюдал, как женщина-полицейский в форме засунула Карле в рот пластмассовую палочку, поскребла ею по внутренней стороне щеки, после чего вытащила и убрала в прозрачный пластиковый пакет. Когда она закончила, он удовлетворенно кивнул и попросил ее подождать в машине на улице. Баркер уже объяснил Карле, что плавучий дом был арендован Дэниелом Сазерлендом и на нем имелись следы как минимум дюжины людей, а может, и больше, поэтому они брали образцы ДНК и отпечатки пальцев у всех, у кого могли, чтобы исключить как можно больше непричастных к преступлению людей.

Карла, сидевшая за обеденным столом, вытерла рот салфеткой.

— Что ж, — сказала она, отводя плечи назад, чтобы снять напряжение в верхней части спины, — у вас есть все шансы найти мои.

Детектив Баркер удивленно приподнял брови и скрестил руки на груди.

— Я солгала, — продолжала Карла, — я знала, что Дэниел живет на барже. Я солгала, что не видела его.

Баркер молча пересек комнату и сел за стол напротив Карлы, сцепив пальцы.

— Только вы об этом уже знаете, не так ли? Кто-то вам сказал, верно? Поэтому вы приехали? Кто-то меня видел?

Баркер по-прежнему хранил молчание. Снова этот старый трюк: заставить вас говорить, заставить заполнить паузу. Это раздражало своей очевидностью, но Карла слишком устала, чтобы сопротивляться: с тех пор как детективы побывали здесь пять дней назад, она не спала больше часа или двух подряд. Ее продолжали преследовать видения, какие-то мелькавшие по углам тени и черные пятна. В то утро она проходила мимо зеркала и была поражена, увидев, что из него на нее смотрит сестра: впалые щеки, испуганный взгляд.

— Дэниел сказал мне, что арендовал баржу, когда приходил забрать свои вещи. И просил меня зайти. Сказал, чтобы я не удивлялась. Я была там. Два раза. Не спрашивайте, когда именно, потому что я, честно говоря, не смогу ответить. — Она помолчала. — Я солгала вам, потому что не хоте-

ла признаваться в присутствии Тео, что ходила туда.

Баркер слегка откинулся на спинку стула.

— И почему, — спросил он, сгибая пальцы так, что суставы неприятно хрустнули, — не хотели?

Карла на секунду закрыла глаза, прислушиваясь к звуку своего дыхания.

— Вы знаете, что случилось с моим сыном? — спросила она детектива.

Баркер понимающе кивнул.

— Да, — подтвердил он. — Я читал об этом в то время. Ужасная трагедия.

Карла тоже коротко кивнула.

— Да. Когда это случилось, за ним присматривала моя сестра. Не знаю, в курсе ли вы? В любом случае она должна была присматривать за ним. Тео так и не простил ее. И с тех пор ни разу с ней не общался. Со дня, когда умер наш сын, до самой ее смерти. Он вычеркнул ее из нашей жизни. Во всяком случае, из *своей*, которая в то время была и *моей* тоже. Вы понимаете, о чем я говорю? Я встречалась с сестрой и Дэниелом тайно. Конечно, Тео подозревал, что время от времени я с ней виделась, и мы даже ссорились из-за этого, но потом мы развелись, я переехала сюда, и это, похоже, больше не имело особого значения. Но

я до сих пор никогда о них ему не говорю. Вот, наверное, и все. Я так долго лгала Тео об этой стороне своей жизни, что иногда забываю, когда это нужно, а когда нет. Я не хотела, чтобы он знал, что я навещала Дэниела в его плавучем доме.

Детектив нахмурился.

— Значит, вы солгали нам, полиции, *во время расследования убийства,* только потому, что не хотели, чтобы ваш бывший муж узнал, что вы встречались со своим племянником? — Он повернул к ней ладони с широко растопыренными пальцами. — Мне это кажется весьма необычным… — Он приподнял брови. — Вы боитесь своего бывшего мужа, миссис Майерсон?

— Нет, — Карла решительно покачала головой. — Нет, я просто… я не хотела его расстраивать, — тихо сказала она. — Я изо всех сил стараюсь не расстраивать Тео, а мои отношения с Дэниелом расстроили бы его.

— А у мистера Майерсона вспыльчивый характер?

Карла снова покачала головой.

— Нет, — раздраженно возразила она, — дело не в этом… вовсе не в этом.

— А в чем? — не унимался Баркер. У него был вид действительно заинтригованного человека,

он смотрел на нее, как на редкий феномен и какую-то диковинку. — Мистер Майерсон полагал, что вы пытаетесь заменить потерянного ребенка племянником? Вот почему ваши отношения с Дэниелом его огорчали? — спросил он.

Карла снова покачала головой, но ничего не сказала. Она отвернулась от детектива и остановила взгляд на мощеном заднем дворике. Запертый на висячий замок сарай и почерневшие мертвые растения в горшках производили гнетущее впечатление.

Сарай был пуст, если не считать маленького красного трехколесного велосипеда с ярко-синими кисточками на руле. Это был подарок Бену на третий день рождения. Праздник они устроили у себя дома на Ноэль-роуд, пригласив только родственников: родителей Тео, Анджелу и Дэниела, старшего брата Тео с женой и детьми. После торта со свечами они вывезли трехколесный велосипед на дорожку. В груди у Карлы щемило от нежности, когда она смотрела, как Бен опробовал его, работая пухлыми ножками, крутя педали изо всех сил. Лицо Тео! Его *гордость*.

— Как же здорово он с ним управляется, видите?

Анджела, курившая сигарету, приподняла

бровь:

— Это *трехколесный* велосипед, Тео. На трехколесном велосипеде может ездить любой.

А по дороге домой, когда уже опускались сумерки и было не так людно, Дэниел подталкивал Бена в спину, помогая ему ехать быстрее. Мать Тео сказала:

— Осторожно, Дэниел, не так быстро.

А Бен и Дэниел пропустили ее слова мимо ушей и, визжа от восторга, начали поворачивать, чудом не опрокинувшись.

Когда похороны прошли и все эти жуткие скорбящие наконец-то исчезли, Карла отправилась в постель и осталась в ней надолго. Тео вообще редко ложился спать. Он бодрствовал яростно и со злостью; сквозь лекарственный туман Карла слышала, как он расхаживает по кабинету, как топает по лестнице и через кухню в сад, чтобы покурить, а затем возвращается обратно. Она слышала, как он включает и выключает радио, переключает каналы на телевизоре, проигрывает на пластинке половину композиции, а затем со злостью царапает иглой по винилу.

Иногда он поднимался наверх и стоял в дверном проеме, но смотрел не на нее, а в окно напротив, прикрыв лицо рукой и трогая щетину. Порой он

говорил вещи, которые, казалось, порождали вопросы, но эти вопросы так и не были заданы. Иногда спрашивал об Анджеле, о том, какой она была в детстве.

— Ты говорила, что у нее вспыльчивый характер, — вспоминал он, или: — Ты всегда говорила о ее безумном воображении. Даже называла его *кровожадным*. У нее было кровожадное воображение?

Порой он задавал прямые вопросы:

— Как ты думаешь, она ревновала? Завидовала нам из-за Бена?

Когда Бен был жив, они обсуждали, как трудно Анджеле не проводить сравнения между их сыном и ее. Бен быстро развивался, был разговорчивым, подвижным и смышленым ребенком и научился считать еще до того, как ему исполнилось три года.

— Через год он уже будет читать! — любил говорить Тео.

Карле даже пришлось попросить его перестать хвастаться.

Дэниел был другим. Постоянно капризничал, плохо спал, очень долго не ходил, а только ползал, и заговорил лишь в два с половиной года. Он был неуклюжим и нервным маленьким мальчиком,

склонным закатывать бурные истерики.

— Как думаешь, — спросил Тео, — она завидовала тому, каким чудесным был Бен? Потому что Дэн немного странный, разве нет? Я понимаю, что необъективен, никто к своим детям не относится объективно, но при всем при этом я считаю, что, объективно говоря, Бен был просто потрясающим мальчиком. Он был…

— К чему ты клонишь? — Голос Карлы звучал хрипло и напоминал старушечий. — Что ты хочешь этим сказать?

Он подошел ближе к кровати — лицо раскраснелось, глаза расширились.

— Я тебя спрашиваю, не завидовала ли Анджела? Если на каком-то уровне она…

Карла ухватилась за простыни и с трудом села.

— Ты спрашиваешь, не думаю ли я, что моя сестра специально оставила дверь открытой? Потому что наш сын был во всех отношениях лучше, чем ее? Ты спрашиваешь, не считаю ли я, что она хотела, чтобы Бен умер?

— Нет! Господи, нет! Не то чтобы она *желала* его смерти, нет. Боже! Я не говорю, что она сделала что-то нарочно, я просто размышляю, что, если на каком-то подсознательном уровне она…

Карла упала на кровать и накрылась одеялом

с головой.

— Оставь меня, Тео. Пожалуйста, уйди!

Прошел год, прежде чем Карла заново выработала привычку вставать по утрам, принимать душ и одеваться. И прошло полтора года, прежде чем она тайком увиделась с сестрой. Сказав Тео, что записалась на занятия йогой, Карла облачила свое слабое располневшее тело в спортивные брюки и футболку и отправилась к дому сестры на Хейвордс-плейс. Когда Анджела открыла ей дверь, Карла в шоке отпрянула: сестра постарела не на полтора года, а на десятилетия. Она была чрезвычайно худа, череп туго обтягивала пожелтевшая кожа, и вся она казалась какой-то изможденной и опустошенной.

Волосы Анджелы поседели за ночь. Во всяком случае, так она сказала. Обе сестры поседели рано, но Анджела утверждала, что во вторник легла спать брюнеткой, а в среду проснулась почти полностью седой. В один миг. У нее были длинные волосы, и она их не красила.

— Я похожа на колдунью из сказки, правда? — сказала она. — И пугаю детей в супермаркете.

Анджела пошутила, но Карле шутка не показалась смешной. Она тоже не красила волосы и, начав седеть, просто очень коротко постриглась.

— Тебе повезло, — продолжила Анджела, и Карла вздрогнула. — У тебя красивая форма головы. А если я отрежу волосы, то буду похожа на инопланетянина.

Это был комплимент, но Карлу от этих слов покоробило. Ей не понравилось слово «повезло» в устах сестры, и уж тем более применительно к ней.

— Нельзя поседеть в одночасье, — раздраженно сказала она. — Я специально проверяла. Это миф.

Все так, хотя правдой было и то, что она читала о молодых женщинах, намного моложе их с сестрой, советских женщинах, сражавшихся за свою родину во время Второй мировой войны, которые сталкивались с таким неописуемым ужасом, что седели за ночь. Она читала о камбоджийских женщинах, которые от ужаса теряли зрение.

— А со мной произошло именно так, — возразила Анджела. — И не говори мне, что этого не может быть. Откуда тебе знать, ведь тебя не было рядом.

«Занятия йогой» стали еженедельными и были для Карлы своего рода тренировкой в достижении цели. Она верила в пользу упорной работы. Считала, что самые важные вещи реализовать

труднее всего, но если как следует постараться, то усилия, скорее всего, увенчаются успехом. Можете назвать это правилом десяти тысяч часов. Сможет ли она простить сестру, если потратит на попытки сделать это десять тысяч часов? Никакой гарантии не было, но это казалось разумным направлением. В конце концов, ее родители умерли, и сын тоже умер. В этом мире у нее осталось так мало близких людей: только Анджела с маленьким Дэниелом и, конечно же, Тео, хотя в глубине души, не переставшей кровоточить, она сознавала, что им с Тео никогда не удастся пережить то, что с ними случилось.

Однажды, придя навестить Анджелу, Карла услышала за входной дверью шум и разговор на повышенных тонах. Едва она закончила стучать, как дверь с силой распахнулась — сестра дернула ее так, будто хотела сорвать с петель.

— Господи! — воскликнула она, увидев Карлу. — Совсем вылетело из головы, что сегодня наш день. Дэниел не пошел в школу. Он… — запнувшись, она пожала плечами. — Он просто… не пошел в школу.

Как всегда, они сели в гостиной, и через некоторое время Дэниел спустился поздороваться. Если Анджела за полтора года разлуки постарела

на десять лет, то Дэниел почти не изменился. В девять лет он был все еще маленьким для своего возраста, смуглым и нерешительным. У него была привычка незаметно подкрадываться и появляться внезапно, без предупреждения, выставив руки перед животом.

— Как маленький зверек, — с улыбкой прокомментировала Карла.

— Маленький дикарь, — поправила ее мать.

В тот день он неожиданно возник в дверях и, оскалив зубы с металлическими скобами, произнес:

— Привет, тетя Карла!

— Господи, Дэниел, не делай такое лицо! — одернула его Анджела. — Все эти чертовы брекеты, — пояснила она. — Он теперь нормально не улыбается. Большинство детей, когда их носят, пытаются как-то скрыть зубы. Но только не он — все время эти жуткие гримасы!

— Анджела… — с укоризной обратилась к ней Карла, понизив голос, когда Дэниел исчез так же незаметно, как и появился, — он же тебя слышит!

Ее сердце, вернее, то, что от него осталось, разрывалось от жалости к племяннику.

В следующий раз она купила ему огромный

набор цветных карандашей и отнесла в его комнату. При виде подарка у него загорелись глаза.

— О! — выдохнул он, переполненный радостью. — Тетя Карла! — Он улыбнулся своей жуткой улыбкой и обнял ее за талию тощими руками.

Карла замерла. Она не была готова к тому, что почувствовала. Впервые за долгое время к ее телу прижался ребенок; она едва могла дышать и с трудом опустила взгляд на его маленькую головку с густыми каштановыми волосами. На затылке она заметила два кровоподтека. Как будто кто-то схватил его и сильно ущипнул. Подняв взгляд, Карла увидела, что за ними наблюдает сестра.

— Он постоянно дерется в школе, — сказала она, отворачиваясь.

Карла слышала, как она спускалась по лестнице, причем ее поступь казалась удивительно тяжелой для женщины ее комплекции. Чуть помедлив, Карла осторожно убрала руки мальчика со своей талии и присела, чтобы ее лицо оказалось на одном уровне с его.

— Это правда, Дэниел? — спросила она. — Ты дерешься?

Он посмотрел в сторону, потом повернулся к ней. Лицо его было серьезным.

— Иногда, — тихо подтвердил он, — иногда люди не… они не… — Он надул щеки и тяжело выдохнул. — Не важно, не имеет значения.

— Это имеет значение, Дэн. Имеет.

— Нет, не имеет, — повторил он, мягко покачав головой, — потому что я уезжаю. Буду учиться в новой школе. И жить буду там, а не здесь. — Он снова обнял ее, на этот раз за шею. Она слышала его дыхание, частое и прерывистое, как у загнанного зверька.

Анджела подтвердила, что Дэниел отправляется в закрытую школу-пансион.

— Его отец будет платить. Он сам там учился, где-то в Оксфордшире. Судя по всему, весьма приличное место.

— *Где-то* в *Оксфордшире*? Энджи, ты уверена, что поступаешь правильно?

— Ты даже не представляешь, насколько все непросто, Карла, — сказала она и, понизив голос, добавила: — С ним очень сложно, — в ее голосе снова зазвучало раздражение. — *Не надо.* Не надо на меня так смотреть. Ты этого не видишь, ты не… Черт, ты бываешь здесь раз в неделю и понятия не имеешь, как он себя ведет, когда мы с ним одни, ты не… Он был травмирован. *Сильно* травмирован тем, что с ним случилось. — Карла

быстро покачала головой, и Анджела продолжила: — Я знаю, ты не хочешь это слышать, но это правда. — Она потянулась за сигаретами и вытащила одну из пачки. Руки Анджелы теперь все время дрожали. Если раньше такое случалось лишь по утрам после выпитого накануне, то теперь дрожь в руках была постоянной, а сами руки беспрестанно находились в движении и тянулись к чему-то, что могло бы их занять — бокалу, книге, зажигалке.

— Да, конечно, он пережил травму.

— Психолог говорит, — сказала Анджела, закуривая сигарету и затягиваясь, — что теперь он ей рассказывает, что видел… понимаешь, *видел*, как он упал… что он видел, как упал Бен. Он говорит, что он не только его нашел, но и действительно видел это. — Она закрыла глаза. — Он говорит, что кричал и кричал, но никто не пришел. Он говорит…

Карла подняла руку — Анджела была права, она не хотела этого слышать.

— Прошу тебя, — сказала она и помолчала, делая усилие, чтобы успокоиться. — Но ведь наверняка никто не считает — да и ты сама так не думаешь, — что разлука с матерью поможет ему оправиться от травмы.

— В том-то и дело, что вся проблема в *его матери*, — сказала Анджела, с силой разминая недокуренную сигарету в пепельнице. — Карла, он винит меня в том, что случилось. — Она посмотрела на сестру и вытерла слезы тыльной стороной ладони. — Он сказал психологу, что в случившемся виновата я.

Так и есть, подумала Карла. *Конечно, это твоя вина.*

11

Не могли бы вы открыть рот немного шире, сэр? Бойкая молодая женщина в форме наклонилась к Тео и сунула ему в рот пластиковую палочку. Несмотря на то что процедура была малоприятной, он с неудовольствием признался себе, что она его возбудила. Тео закрыл глаза, но от этого стало только хуже. Он старался не смотреть на нее, пока она снимала у него отпечатки пальцев, однако, встретившись с молодой женщиной взглядом, понял, что она что-то почувствовала, отчего ей стало неловко. Он ощутил себя полным ничтожеством. Ему хотелось сказать ей: *Прошу меня извинить. Честно. Я не такой. Я не из таких. Я однолюб.*

Тео всегда любил только Карлу. В его жизни были и другие женщины, но Карла, без сомнения, была единственной и неповторимой. Прежняя Карла отличалась от Карлы нынешней, и ему казалось, что в течение своей жизни он знал несколько Карл и любил их всех, и будет продолжать любить их, в каком бы воплощении они ни являлись.

Карла была всем, что у него было. Конечно, еще был Бен, который подарил ему короткий и чудесный период радости длиной в три года и сорок семь дней, но теперь осталась только Карла. Карла и работа.

Пятнадцать лет назад, когда умер Бен, Тео писал свой третий роман. Он бросил его без особых раздумий, просто не мог читать слова, написанные, когда Бен играл на лужайке или пел с матерью на кухне. Год или два он вообще не мог писать и даже не пытался, а потом, когда попробовал, ничего не вышло. Месяц за месяцем, *годами* из-под его пера ничего не выходило. Как писать, если сердце не просто разбито, а вырвано из тела?! *Что* писать? «Все, что угодно, — посоветовал ему агент. — Не важно. Напишите что угодно». Так он и сделал. Он написал рассказ о человеке, который теряет ребенка, но спасает жену. Написал рассказ о человеке, который теряет жену, но спасает ребенка. Потом рассказ о человеке, который убивает свояченицу. Все это было ужасно.

— Это все равно что рвать зубы, — объяснил он агенту. — Даже хуже. Это все равно что вырывать ногти.

Все, что он ни делал, лишившись сердца, оказывалось бесполезным, пустым, несущественным.

— А что, если я не смогу больше писать, потому что человека, который писал книги, больше нет? — спрашивал он своего агента, в ужасе глядя на пустой экран компьютера.

Все это время Карла от него отдалялась. Она находилась в доме, но в то же время ее присутствие никак не ощущалось, будто она превратилась в призрак. Стоило ему войти в комнату, как она тут же из нее выскальзывала, или закрывала глаза, если он попадал в поле зрения. Она ходила на занятия йогой, но возвращалась не умиротворенной, а расстроенной, сердитой и быстро проходила через дом в сад, где сидела и о чем-то думала, царапая руки до крови. Его попытки достучаться до нее были неуклюжими и, как он позже понял, бессмысленными. Идея попробовать завести еще одного ребенка была встречена с холодной яростью.

Тео стал проводить дома все меньше и меньше времени. Он посещал писательские фестивали, читал лекции в университетах по всей стране. У него случился короткий и нескладный роман с молоденькой журналисткой. В конце концов Карла ушла от него, хотя ее уход и вызывал вопросы: она купила дом в пяти минутах ходьбы.

Тео попробовал себя в жанре научно-популяр-

ной литературы; пытался писать о недооцененности роли отца, ставил под сомнение принципы феминизма, размышлял о возвращении к более традиционным (сексистским) ценностям. Он *ненавидел* себя. И не мог найти слов, чтобы описать масштабы своей потери и глубину своего гнева.

Без сына, жены и работы Тео впал в отчаяние.

Когда полицейские уехали, Тео вышел прогуляться. У него вошло в привычку совершать короткую прогулку по окрестностям как раз в это время, перед ланчем, чтобы не садиться за стол слишком рано. Поесть он любил и имел склонность к чревоугодию. В коридоре Тео взял пальто и машинально протянул руку за собачьим поводком, но того на месте не оказалось. Странным было не то, что он потянулся за поводком, поскольку он так и не привык к пропаже Диксона. Нет, странным было отсутствие поводка. Тео обвел взглядом коридор, но поводка нигде не было. Он решил, что его, наверное, куда-то переложила уборщица, хотя не мог себе представить, зачем ей это понадобилось.

Обычно он шел по тропе, но сейчас она была оцеплена полицией, и Тео направлялся вверх по мосту на Данбери-стрит. Там тоже стоял полицей-

ский в форме — молодой человек с раздражением на коже от бритья. Тео поднял руку в знак приветствия и, как бы смутившись, тут же опустил ее. Полицейский улыбнулся в ответ. Удобный случай завязать беседу.

— По-прежнему продолжаете искать? — поинтересовался Тео, подходя к молодому человеку. — Ищете улики?

Полицейский покраснел.

— Э-э… ну да. Вообще-то ищут орудие преступления.

— Само собой, конечно. Орудие преступления. Ладно… — сказал Тео, оглядывая канал, словно мог заметить нож с моста, — не буду вам мешать. Удачи!

— И вам тоже! — сказал полицейский, заливаясь краской.

— Прошу прощения?

— Ну, просто… я про ваше творчество и вообще. Простите. Я…

— Да нет, все в порядке.

— Просто я ваш поклонник. Ага. Мне ужасно нравится «Сумевшая спастись». Как же было интересно, когда вы все перевернули, в смысле рассказывали историю в прошедшем и будущем и позволили заглянуть в голову убийцы. Это было

потрясающе! Сначала вообще не понимаешь, что происходит, но потом… в общем, обалдеть! Так круто. Мне понравилось, как вы все перевернули с ног на голову, играя на наших симпатиях и сочувствии, и вообще…

— Правда? — засмеялся Тео, изображая недоверие. — Мне казалось, что все сочли это ужасной идеей!

— Я — нет. Мне это показалось очень умным. Новым способом рассказать историю и заставить задуматься, разве нет? А вы собираетесь написать еще? В смысле, еще один криминальный роман? Еще одну, — он помедлил, чтобы процитировать, — *Кэролайн Макфарлейн*?

Тео пожал плечами:

— Не знаю. Я, конечно, думаю об этом. — Он неопределенно махнул рукой в сторону воды. — Может, меня вдохновит весь этот кавардак? Я мог бы назвать книгу «Юноша с баржи».

Они оба неловко рассмеялись.

— Так, значит, вы черпаете свои идеи из реальной жизни? — спросил полицейский.

— Что ж, это хороший вопрос… — сказал Тео, надеясь, что полицейский не ждет ответа.

На секунду возникла неловкая пауза, которую нарушил молодой человек:

— Просто если вам когда-нибудь понадобится что-то выяснить для романа, типа особенностей работы полиции, или судебной экспертизы, или еще чего-то в этом роде…

Тео сообразил, что полицейский обращается к нему и надо как-то отреагировать.

— …Я мог бы помочь с этим. Например…

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказал Тео, доброжелательно улыбаясь. — Я правда очень благодарен, но сейчас… хм… меня больше интересует, что полиции удалось выяснить на данный момент. По этому делу, ну, делу моего племянника.

Полицейский поджал губы. Тео отступил и извиняющимся жестом поднял ладони с растопыренными пальцами.

— Послушайте, — продолжил он, — я понимаю, что вы не можете сообщить *детали*. Мне просто хочется знать, потому что для нас, для моей жены Карлы это явилось настоящим ударом. Ей пришлось много пережить в последнее время, и, конечно же, для нас обоих было бы большим облегчением знать, что преступник будет арестован…

Полицейский резко втянул воздух сквозь зубы.

— Ну-у… — произнес он, чуть наклонив го-

лову, — как вы правильно сказали, я не могу раскрывать деталей…

Тео понимающе кивнул, изобразив разочарование. Порывшись в кармане пиджака, он достал пачку сигарет и предложил одну полицейскому. Тот не отказался.

— Послушайте, я могу вам сказать, — произнес полицейский, наклоняясь к Тео прикурить, — что в данный момент проводится судебно-медицинская экспертиза, а она, как вам наверняка известно, занимает какое-то время. Результатов приходится ждать, это не заключение эксперта-криминалиста и тому подобная чепуха…

— Судебно-медицинская экспертиза?… — напомнил Тео.

— Одежды, — произнес молодой человек, понизив голос. — Пропитанной кровью одежды.

— Понятно. — Это успокаивало. — А эта пропитанная кровью одежда принадлежит… той девушке? В смысле, которую вы допрашивали? Просто дело в том, что я ее видел. Как она бежала от того места. В то утро я ее видел и ничего не сделал. Так глупо! Понимаете, я подумал, что она просто пьяная или что-то в этом роде.

— Мистер Майерсон, — полицейский изобразил на лице глубокую озабоченность, — вы

ничего не могли сделать. Мистеру Сазерленду не мог помочь никто: полученные им раны были слишком серьезными.

Тео кивнул.

— Да, конечно. Конечно. Но, возвращаясь к той девушке: она сейчас главная подозреваемая, верно? Это как-то связано… ну, не знаю… с наркотиками или кражей?… А может…

Молодой человек с сожалением покачал головой.

— Пока точно неизвестно, — сказал он. — Прорабатывается несколько версий.

— Разумеется, — согласился Тео, энергично кивая и мысленно делая выводы. За формулировкой «прорабатывается несколько версий» скрывается то, что полиция *не имеет ни малейшего представления о происходящем*. Тео уже собрался продолжить свой путь, но, увидев, что полицейскому, этому молодому человеку с раздражением на коже от бритья, отчаянно хочется как-то доказать свою значимость и полезность, спросил: — А вы можете мне что-нибудь сообщить о ней? О девушке? Понятно, что не ее имя. Мне просто интересно. Полагаю, она местная, в газетах писали, что она из Ислингтона, а теперь она на свободе, ходит, где хочет… а из-за… повышенного внима-

ния общественности к моей персоне узнать, кто я такой и кто моя жена… может, у меня паранойя, но я хочу знать: опасна ли эта девушка? Вообще-то понятно, что она опасна, но опасна ли она для меня? Для нас?

Молодого человека раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, он должен соблюдать тайну следствия, а с другой — ему очень хотелось поделиться сверхсекретной информацией. Решившись, он наклонился к Тео и тихо произнес:

— У нее преступное прошлое.

— Преступное прошлое?

— Склонность к насилию.

Тео в ужасе отпрянул.

— Знаете, пугаться нет никаких причин. Она просто… нестабильна. Ничего более. Это все, что я могу вам сказать. Послушайте, это вас успокоит: сегодня днем мы снова прочешем дно канала. Мы продолжаем искать орудие убийства, и, как только оно окажется в наших руках, дело будет в шляпе! После этого арест будет неизбежен.

Оказавшись в кабинете за своим столом и почувствовав себя в каком-то смысле успокоенным, Тео стал разбирать почту, в которой оказались и несколько писем от поклонников, которые агент переслал ему из офиса. Было время, когда таких

писем приходили десятки в день, и ими занимался один из помощников агента, но с годами их поток заметно иссяк. Тео не пользовался социальными сетями и оставлял без ответа электронные письма, но если кто-то не ленился написать ему на бумаге, то на такие послания, он, как правило, отвечал лично.

> Уважаемый мистер Майерсон/мисс Макфарлейн!
>
> Надеюсь, вы не возражаете, что я вам пишу. Я большой поклонник вашего детективного романа «Сумевшая спастись», и мне бы очень хотелось узнать, где вы берете идеи для своих книг.

Тео раздраженно застонал. *Господи!* Неужели найти идеи так сложно? Вот облечь их в художественную форму, изложить на бумаге — совсем другое дело, а самих идей — пруд пруди, или не так?

> В частности, откуда вы взяли идею этой книги? Из газетного репортажа или беседы с полицией? Я сам подумываю написать криминальный триллер, и мне нравится читать отчеты о преступлениях

в Интернете. Вы обращаетесь в полицию с просьбой помочь вам с сюжетом, описанием конкретных преступлений, их раскрытием и прочим?

Еще мне интересно, почему в «Сумевшей спастись» персонажам не даны имена. Это довольно необычно, правда?

Не могли бы вы написать мне по электронной почте, потому что я хочу поскорее получить ответы на свои вопросы?

Искренне ваш,
Генри Картер
henrycarter759@gmail.com

P.S. Я не согласен с отзывами, в которых говорится, что книга «женоненавистническая» и «претенциозная». Думаю, они просто не все в ней поняли.

Посмеявшись, Тео положил письмо в верхнюю часть лотка для входящих бумаг, пообещав себе заняться им завтра. Встав, он потянулся через стол за сигаретами и бросил взгляд в окно — на тропе за садом неподвижно стояла и смотрела прямо на него Мириам Льюис.

— Господи Иисусе!

Испуганно отпрянув назад, он с трудом удержался на ногах. Громко выругавшись, бросился вниз по лестнице, выскочил в сад и распахнул заднюю калитку, лихорадочно озираясь по сторонам. Ее нигде не было. Несколько минут Тео, сжав кулаки, бегал взад-вперед по дороге, пугая прохожих, которые опасливо обходили его. Она и в самом деле была здесь? Или он дошел до того, что ему начало мерещиться?

Лишившись жены, сына и привычной работы, Тео впал в глубокую депрессию и от безысходности написал детективный роман. Сделать это предложил его агент.

— Когда я просил вас написать хоть что-нибудь, — сказал он, — я именно это и имел в виду. Все что угодно, лишь бы вернуть привычку. Попробуйте научную фантастику, любовную историю, да что угодно — вы не поверите, сколько всякого бреда печатается под видом коммерческой литературы. И не важно, хороша книга или нет, она вовсе не обязательно должна иметь какую-то ценность. Мы выпустим ее под вымышленным именем. Просто напишите *хоть что-нибудь*.

И он попробовал. Любовная история его не вдохновляла, для научной фантастики не хватило бы

мозгов… Но криминал? С преступлением могло получиться. Ему нравился инспектор Морс, он читал Достоевского. Насколько трудно это может быть? Все, что ему нужно, — это верная зацепка, правильная концепция, а дальше пойдет. А затем появилась идея, преподнесенная ему прямо на блюдечке. Он подхватил ее, довел до ума, отшлифовал и превратил в нечто особенное.

Роман «Сумевшая спастись», опубликованный под псевдонимом Кэролайн Макфарлейн, был в высшей степени экспериментальной книгой, сюжет которой в одних главах разворачивался в прошлом, а в других — в будущем, причем взгляд на происходящее порой менялся на сто восемьдесят градусов, а читателю открывались сокровенные мысли убийцы. В этой книге было показано, как можно манипулировать симпатиями читателя, как поспешно мы судим о вине и невиновности, власти и ответственности.

Нельзя сказать, чтобы успех книги был *оглушительным*. Хотя Тео тщательно скрывал свое авторство и использовал для псевдонима женское имя («Женщины любят преступления! — сказал ему агент. — Жертвенность вызывает сильные эмоции»), сохранить тайну не удалось. Кто-то все же выпустил кота из мешка, что, конечно же,

мгновенно превратило книгу в бестселлер, но и критики не остались в стороне и набросились на него как гиены (некоторые обзоры были весьма злобными), не говоря о психах, которые полезли из всех щелей («Вы украли мою историю!»). Однако главная цель была достигнута. Тео снова начал писать. Когда муза замолчала, он отказался сдаваться и, ухватившись за обрывок истории, сделал ее своей. И это было правдой.

Сумевшая спастись

Ожидание. Иногда это самое лучшее, потому что не всегда получается так, как хотелось бы, но, по крайней мере, следует быть благодарным за солнечные лучи, согревающие спину, и за возможность видеть на улице девушек в мини-юбках и коротеньких топиках, правда?

В пабе он заметил девушку, сидевшую рядом со своей страшненькой подружкой. На ней короткая юбка, но не топик, а белая футболка. Девушка без бюстгальтера и очень красивая.

Она подтянула юбку, чтобы он получше все рассмотрел, и он в знак благодарности улыбнулся ей, а она, вместо того чтобы улыбнуться в ответ, скривилась и заговорила с подружкой. Будто бы.

Будто бы.

Он почувствовал себя мерзко, словно что-то разъедало его изнутри. Ощутил обиду из-за того, что она не улыбнулась в ответ. И страстное желание.

12

Мириам боялась, что не сможет добраться до баржи. Ей казалось, что она потеряет сознание прямо здесь, на тропе. Она почувствовала, как на нее накатила грохочущая волна паники, в глазах потемнело, в груди защемило. Дыхание стало прерывистым, сердце громко стучало. С трудом спустившись по лестнице в каюту, она рухнула на скамейку, опустила голову и, прижав подбородок к груди и уперев локти в колени, пыталась дышать ровнее и унять сердцебиение.

Дура, дура, дура! Ей ни в коем случае не следовало туда ходить, чтобы посмотреть на него: кто знает, чем это могло закончиться? Он мог позвонить в полицию и заявить, что она его преследует, и тогда все, что она задумала, могло сорваться.

Она поддалась нестерпимому желанию увидеть Майерсона — хотя бы мельком. Хороших новостей не было: после ее звонка детективу Баркеру прошло уже два дня, а она так и не услышала, чтобы в связи со смертью Дэниела допросили кого-то еще.

Она стала спрашивать себя: может, они не восприняли ее всерьез? Уже бывало так, что люди говорили, будто находятся на ее стороне, притворялись, что слушают ее, а потом просто игнорировали. Может, Майерсон сказал про нее что-то порочащее? Вот почему ей так важно было увидеть его и прочитать на его лице страх, подавленность или страдание.

И она точно знала, куда именно смотреть: в окно, выходящее в сад. Это было окно в его кабинет, перед которым стоял массивный стол из красного дерева, за которым Тео Майерсон трудился, склонившись над ноутбуком. А пока он составлял предложения и создавал образы, в квадратной стеклянной пепельнице дымилась, догорая, сигарета. Он написал образ Мириам, воспользовавшись ее собственным рассказом, что было сродни насилию.

Когда Мириам представляла, как Майерсон сидит дома за своим столом, потом спускается на кухню, чтобы приготовить себе перекусить, и, возможно, задерживается на мгновение перед фотографией в рамке, на которой изображены они с женой — молодые, жизнерадостные и улыбающиеся, она не придумывала все это. Она побывала в прекрасном викторианском доме

Тео на Ноэль-роуд, проходила через переднюю в темный коридор со стенами, выкрашенными в модный оттенок пепла или камня, а, может, дыхания крота или мертвой рыбы. Она восхищалась картинами на стенах и лежавшим на старинном паркете персидским ковром, словно усыпанным драгоценными камнями. Книжные полки в гостиной стонали под тяжестью дорогих изданий в твердых переплетах. На столе в холле она с острой жалостью заметила фотографию в серебряной рамке, с которой улыбался темноволосый малыш.

Мириам работала в книжном магазине не более полугода, когда впервые увидела Майерсона: он прогуливался по тропинке со своей собакой, маленьким брехливым терьером. Он привязывал его на причале, пока просматривал книги. Майерсон и шеф Мириам Николас говорили о том, что продавалось хорошо, а что пылилось на полках, кто подвергался нападкам на страницах «Лондонского книжного обозрения» и кого номинировали на Букеровскую премию. Укрывшись за полками в тени, Мириам их незаметно подслушивала.

Она читала его книги, как и большинство людей. Его первый роман, опубликованный еще в середине девяностых, неплохо продавался и имел

хорошие отзывы, а второй стал безусловным бестселлером. После этого его имя исчезло не только из списков бестселлеров, но и вообще из книжных магазинов, а вновь появилось в статье субботнего приложения, где рассказывалось о большом литературном успехе девяностых годов, разрушенном личной трагедией.

Мириам всегда считала его сочинения переоцененными. Однако и она, как оказалось, не была застрахована от перемены мнения о знаменитости после личного общения. Удивительно, как быстро люди начинают превозносить работы, когда их автор перестает быть абстрактной фигурой, самодовольной фотографией на обложке книги и становится обычным живым человеком с застенчивой улыбкой и дурно пахнущей собакой.

Однажды в среду утром в начале лета, примерно через полгода после первого посещения магазина, Майерсон появился в нем, когда Мириам была совсем одна. Как обычно, он привязал собаку, и Мириам принесла ей миску с водой. Он любезно поблагодарил ее, спросив, есть ли у них в продаже последний роман Иэна Рэнкина. После небольшой проверки Мириам сообщила, что он еще не вышел и должен появиться на

следующей неделе, и предложила отложить для него экземпляр. Он принял предложение, и они разговорились. Мириам спросила, работает ли он над новой книгой, и он ответил, что работает и хочет попробовать силы в детективном жанре.

— В самом деле? — удивилась Мириам. — Никогда бы не подумала, что это ваше.

Усмехнувшись, Майерсон покачал головой.

— Ну-у… — сказал он, — вообще-то нет, но мне, похоже, пора как-то встряхнуться. — Это была правда: с тех пор, как он опубликовал что-то существенное, прошло более десяти лет. — Я подумал, что стоит попробовать себя в каком-нибудь другом жанре, — продолжил он и постучал себя по виску указательным пальцем. — Посмотрим, что из этого получится.

На следующей неделе, когда новый роман Рэнкина поступил в магазин, Мириам отложила для него один экземпляр. Только Тео за ним не пришел ни тогда, ни завтра, ни через день. У нее был его адрес — раньше ему присылали книги по почте, — и она точно знала, где он живет. Это было совсем недалеко от ее плавучего дома — менее чем в миле в другую сторону по каналу, — и она решила отнести ему книгу сама.

Она спрашивала себя, не будет ли ее приход

расценен как вторжение, но, открыв дверь, он, казалось, искренне обрадовался.

— Это так мило с вашей стороны, — сказал он, приглашая ее войти. — А меня слегка выбила из колеи погода. — Выглядел он не важно: темные круги под глазами, белки вокруг зрачков пожелтели, лицо красное. В доме пахло дымом. — Это время года всегда на меня плохо действует, — добавил он хриплым голосом.

Он не стал вдаваться в подробности, и Мириам промолчала. Она неловко коснулась его руки, и он отстранился, смущенно улыбаясь. В начале знакомства с Тео Майерсоном Мириам чувствовала к нему необыкновенную нежность.

Они пили чай в маленьком дворике возле кухни и говорили о книгах. Было начало лета, вечера становились все длиннее, в воздухе стоял терпкий запах глицинии, где-то по радио тихо играла музыка. Откинувшись назад с закрытыми глазами, Мириам ощущала глубокую удовлетворенность и собственную избранность. Сидеть здесь, в одном из лучших лондонских садов прямо в центре города, и разговаривать на самые разные темы с выдающимся писателем! Она вдруг подумала, что перед ней открывается возможность расширить горизонты своей жизни,

сделать ее гораздо богаче (в культурном смысле) и полнее. Не то чтобы ей представлялось нечто романтическое — только не с Тео. Мириам не была дурой. Она видела фотографии его жены и понимала, что во всем ей уступает. Но сейчас он сидел рядом и обращался с ней как с равной. Как друг. Когда в тот вечер она уходила, Тео тепло пожал ей руку.

— Заходите в любое время, — сказал он с улыбкой.

И по глупости она поверила ему на слово.

В следующий раз она пришла не с пустыми руками. Она принесла нечто, что, по ее мнению, могло их сблизить. Это была написанная *ею* книга, в которой рассказывалась ее собственная история. Над этими мемуарами она работала много лет, но показать их кому-нибудь ей не хватало смелости, поскольку Мириам никогда и никому не доверяла настолько, чтобы поделиться своей тайной. Так было до встречи с Майерсоном, настоящим писателем и человеком, которого тоже не отпускала пережитая им трагедия. Она выбрала его.

И совершила ошибку.

Она считала, что доверяет свою историю человеку чести, порядочному и благородному, тогда

как на самом деле обнажила душу перед мошенником и хищником.

А казалось, что уже должна была научиться разбираться в людях.

Первого хищника, которого Мириам встретила в своей жизни, звали Джереми. Или коротко Джез. В одну душную июньскую пятницу его бледно-голубой «Вольво»-универсал остановился возле голосовавших на шоссе Мириам и ее подруги Лоррейн. Они путешествовали автостопом: в восьмидесятых годах это не было редкостью даже в Хартфордшире. Прогуляв последние два урока в школе, девушки отправились в город, чтобы потусоваться, спокойно покурить и примерить одежду, которую не могли себе позволить купить.

Когда машина остановилась, Лоррейн села на переднее сиденье, потому что… почему бы и нет? Она была стройнее и привлекательнее подруги (хотя, честно говоря, они обе не были красотками). И машина остановилась, конечно, ради нее. В общем, она заняла переднее сиденье, а Мириам устроилась сзади, за Лорри. Водитель поздоровался, назвал свое имя и спросил, как зовут их, но на Мириам не посмотрел ни разу.

Под ногами у Мириам грохотали пустые пив-

ные банки и бутылка из-под виски. Джез и Лоррейн закурили, и у дыма от сигарет был какой-то странный запах, какой бывает у прокисшего молока. Мириам хотела выйти из машины, едва в ней очутилась. Она знала, что им не следовало в нее садиться, что это была плохая идея. Она уже открыла рот и хотела об этом сказать, но машина тронулась и начала быстро набирать скорость. Мириам даже хотела открыть дверь, надеясь, что это заставит Джеза затормозить, но потом решила, что он просто примет ее за сумасшедшую. Она опустила окно и вдохнула жаркий летний воздух.

По радио зазвучала медленная песня, и Джереми потянулся, чтобы сменить станцию, но Лоррейн взяла его за руку.

— Оставь, — сказала она. — Мне нравится эта песня. А тебе разве нет? — Она начала подпевать:

Мне ничуть не жаль, что был вместе с ней,

Что забрал у нее, не верну никогда.

Джез отвез их не в город, а к себе домой — «покурить», как он выразился.

— У нас есть сигареты, — сказала Мириам, на

что Лорри и Джез только засмеялись:

— Не такие, Мириам.

Джез жил в ветхом фермерском доме в нескольких милях от города. Дом стоял в конце длинной извилистой дороги, ведущей в никуда. Асфальтовое покрытие становилось все у2же и у2же, а при подъезде к дому дорога и вовсе стала грунтовой. У Мириам скрутило живот, она даже боялась, что не сдержится. Джез вышел из машины, чтобы открыть ворота.

— Думаю, нам лучше уехать, — сказала Мириам Лоррейн дрожащим, настойчивым голосом. — Тут стремно. Он стремный. Мне это не нравится.

— Не будь такой размазней, — ответила Лорри.

Джез заехал на подъездную дорожку и припарковался рядом с другой машиной, старым белым «Ситроеном», увидев который Мириам приободрилась. У ее матери была такая же машина. На них обычно ездили женщины среднего возраста. Она подумала, что его мать, возможно, тоже здесь, но потом заметила, что все колеса машины спущены. Несмотря на жару, ее пробрала дрожь.

Джез вылез из машины первым, Лоррейн последовала за ним. Мириам на секунду заколебалась. Может, ей стоит остаться в машине? Лоррейн посмотрела на нее и сделала большие глаза.

— Пошли! — произнесла она, губами и жестом показывая Мириам следовать за ней.

Мириам вылезла и нетвердой походкой направилась к дому. Очутившись в тени после яркого солнечного света, она увидела, что дом не просто ветхий, а заброшенный. Верхние окна были без стекол, а нижние заколочены.

— Ты здесь не живешь! — возмущенно воскликнула Мириам.

Джез повернулся и впервые посмотрел на нее — его лицо не выражало никаких эмоций. Ничего не ответив, он отвернулся и взял Лоррейн за руку. Лоррейн оглянулась через плечо на Мириам, и Мириам увидела, что она тоже испугана.

Они вошли в дом. Внутри было грязно, пол усеян полиэтиленовыми пакетами, пустыми бутылками и пачками из-под сигарет. Стоял стойкий запах фекалий, причем не животных. Мириам зажала нос и рот рукой. Ей хотелось повернуть назад, выбежать на улицу, но что-то мешало ей сделать это, заставляя переставлять ноги и двигаться вперед. Она проследовала за Лоррейн с Джезом вниз по коридору, прошла мимо лестницы и оказалась в комнате, которая, судя по всему, некогда была гостиной: к стене был придвинут сломанный диван.

Мириам подумала, что если она будет вести себя нормально, то, возможно, ничего плохого и не случится. Она могла заставить себя не паниковать. То, что все это походило на сюжет фильма ужасов, вовсе не означало, что события будут развиваться как в фильме ужасов. Как раз наоборот. В фильмах ужасов девушки никогда ничего не предчувствуют. Они были такими глупыми.

Они были такими глупыми!

Сумевшая спастись

Она приходит в себя.

Суставы ломит, бедра болят, глаза почти ничего не видят, дышать невозможно. Невозможно дышать! Она рывком принимает сидячее положение, чувствуя, как бешено колотится сердце. От адреналина кружится голова. Она резко втягивает воздух через нос. Она может дышать, но у нее во рту что-то мягкое и влажное. Кляп! Чувствуя, что ее вот-вот вырвет, она пытается его выплюнуть. Руки ее связаны за спиной, и она, преодолевая боль, яростно пытается освободиться. Наконец ей удается высвободить правую руку и вытащить тряпку изо рта. Это выцветшая синяя футболка.

В другой комнате, где-то рядом, слышен плач. (Сейчас не время об этом думать.)

Она поднимается. Правый глаз не открывается. Девушка аккуратно снимает ногтями с ресниц корочку засохшей крови. Так немного лучше. Глаз слегка приоткрывается. Теперь зрение становится объемным.

Дверь заперта, но есть окно, и она на первом

этаже. Окно маленькое, да и она не очень стройная. Темнота еще не сгустилась. На западе, ближе к горизонту, собираются в стаю скворцы, потом разлетаются в разные стороны и опять слетаются вместе. Небо то наполняется птицами, то пустеет, то снова наполняется, и это прекрасно. Девушке кажется, что если она останется здесь, на этом месте, и продолжит смотреть, то никогда не стемнеет, и он никогда не придет за ней.

Всхлипы становятся громче, и она отходит от окна. Птиц больше не видно.

Как и дверь, окно заперто, но стекло можно разбить. Да, разбить можно, но бесшумно это сделать не получится, и успеет ли она выбраться, прежде чем он за ней явится? Сможет ли она вообще пролезть в такой маленький проем? Вот подруга бы точно смогла. Она стройная, до тринадцати лет занималась балетом, и к тому же гибкая — не то что она.

(Сейчас она не может думать о своей подруге, о том, как гнется ее тело и как сильно оно может изогнуться, прежде чем сломается.)

Плач стихает, потом снова возобновляется, и она слышит голос, повторяющий: «Пожалуйста, пожалуйста». Самое смешное (хотя на самом деле ничего смешного тут нет) заключается в том, что

это голос не ее подруги, а его. Это он ее умоляет.

13

Лора проснулась на диване полностью одетая и с ощущением страшной сухости во рту. Перекатившись на пол, схватила телефон. Несколько пропущенных звонков от Айрин, с двух разных незнакомых номеров и от отца. Она включила голосовую почту, чтобы прослушать его сообщение.

«Лора, — голос в трубке принадлежал не отцу, — это Дейдра, и я звоню с телефона Филипа. Мммм… — Среди множества вещей, жутко раздражавших Лору в Дейдре, была ее привычка перемежать свою речь странным гудящим звуком, словно она собиралась запеть песню, но никак не могла подобрать нужную тональность. — Мы получили твое сообщение, и дело в том, Лора, дело в том, что мы уже договаривались, не так ли, что не будем давать тебе деньги каждый раз, когда ты попадешь в неприятности. Тебе нужно научиться самой решать свои проблемы. Мммм… Как тебе известно, моя Бекки этим летом выходит замуж, так что нам предстоят большие расходы. Мы должны расставлять приоритеты. Мммм…

Это все. До свидания, Лора».

Интересно, подумала Лора, слышал ли ее сообщение отец, или их сначала прослушивала Дейдра и отсеивала те, что считала неважными. Ей хотелось надеяться, что он даже не знал о том, что она оказалась в беде, потому что это было не так больно. Она *могла* позвонить ему и узнать наверняка. Просто не была уверена, что хочет знать правду.

С замиранием сердца она просмотрела новостной сайт Би-би-си в поисках сообщений об убийстве Дэниела, но ее ждало разочарование. Ничего нового со вчерашнего дня не появилось: полицейские вели расследование в нескольких направлениях и просили возможных свидетелей связаться с ними. Интересно, сколько людей видели ее в то утро на тропинке с разбитым в кровь лицом?

Чтобы отвлечься, она написала Айрин.

> Мне ужасно стыдно были проблемы:(
> иду к вам приготовьте список покупок
> увидимся очень скоро:)

Обычно она просила Айрин прислать ей эсэмэску со списком, чтобы она могла купить продукты по дороге, но на этот раз ей придется взять деньги

заранее.

Когда Лора постучала, дверь открыла женщина, чье лицо показалось ей знакомым.

— Ой! — сказала Лора. — А… а миссис Барнс дома? Я Лора, я…

Она не закончила фразу, потому что женщина уже отвернулась и ответила тоном, в котором звучало раздражение:

— Да, да, она здесь, входите, — и добавила, обращаясь уже не к ней: — Похоже, ваша маленькая помощница все-таки объявилась.

Лора просунула голову в дверь гостиной.

— Как дела, бандитка? — спросила она, улыбаясь Айрин, которая обычно смеялась в ответ на такое приветствие, но не в этот раз: она выглядела очень встревоженной.

— Лора! — воскликнула она, взмахивая маленькими скрюченными ручками. — Как же я волновалась! *Где ты была*?

— О, мне ужасно жаль, подруга. — Лора прошла через комнату и поцеловала Айрин в щеку. — Вы не поверите, что за неделя у меня выдалась. Я вам все расскажу, не сомневайтесь, но сами-то вы как? У вас все в порядке?

— Поскольку ваша *подруга* здесь, — женщина говорила резким, отрывистым голосом, — по-

лагаю, я могу идти. Да, Айрин? — спросила она, склонив голову набок. Потом, перекинув через плечо сумочку, причем очень дорогую, как показалось Лоре, подобрала у порога пару пакетов для покупок и сунула ей листок бумаги. — Ее список, — сказала она, глядя на девушку испепеляющим взглядом. — Полагаю, вы позаботитесь об этом?

— Да, я все сделаю, — ответила Лора и посмотрела на Айрин, которая невольно скривилась.

— Провожать не надо, — сказала женщина и решительно вышла из комнаты, захлопнув за собой входную дверь.

Через мгновение Лора услышала, как хлопнула еще одна дверь.

— Это кто? — спросила она.

— Карла, — ответила Айрин, приподнимая бровь. — Карла Майерсон, сестра моей подруги Анджелы.

— Душевная, правда? — заметила Лора, подмигивая Айрин.

Айрин хмыкнула.

— Почему-то в присутствии Карлы я всегда чувствую, что на меня смотрят свысока, и дело не в ее росте. Она говорит со мной так, будто я выжила из ума. Старая дура. Она мне действует на

нервы. — Айрин замолчала и тихо покачала головой. — Но я не должна проявлять нетерпимость. Может, она и не входит в число моих любимых друзей, но ей пришлось очень нелегко. Сначала скончалась ее сестра, затем племянник…

— Ну, *конечно*… — сказала Лора, когда до нее наконец-то дошло. Вот почему она показалась ей знакомой: у них с Дэниелом было нечто общее во внешности. Глаза, линии рта, то, как она немного приподнимала подбородок, когда говорила. — О боже! А я и не сообразила. Так она его тетя?

— Ну да, — подтвердила Айрин, нахмурив брови. — Я так понимаю, ты в курсе, что случилось с Дэниелом? — спросила она, и Лора кивнула.

— Да, можно и так сказать.

— Об этом было во всех новостях, верно? И тех, кто это сделал, так и не поймали…

— Думаю, прошло слишком мало времени, — сказала Лора, отводя взгляд. Она с благодарностью посмотрела на список, который дала ей та женщина, и нахмурилась. — Это ваш список? Это она написала?

Айрин кивнула.

— Ну да, у нее не хватило терпения ждать, пока я соображу, что мне нужно, и она просто пошла на кухню, заглянула в шкафы и *сделала выводы*.

— *Мюсли*? — Лора закатила глаза. — Мюсли? Вы же не любите мюсли, вам нравятся хрустящие кукурузные хлопья с орехами.

— Я ей об этом сказала, — сказала Айрин, — но у нее свое мнение.

— Дикий рис? Да что за… Господи Иисусе! — Лора разорвала список на мелкие клочки и подбросила в воздух, словно конфетти. — Если вы решите, что вам нужно, просто запишите это в телефоне…

— О, я не умею печатать на этих штуках, они все слишком маленькие, и я ничего не вижу даже в очках, а половину слов эта чертова штука меняет без спроса, так что в итоге выходит тарабарщина.

— Нет, нет, — возразила Лора, — вам не нужно ничего *печатать*. Я такие вещи наговариваю. У меня ужасная память, поэтому, как только я вспоминаю о том, что мне нужно сделать, купить или еще что, я просто использую диктофон. Так что вам не нужно печатать, вам просто нужно это произнести.

Айрин с сомнением покачала головой.

— Ой, нет, это вряд ли. Я понятия не имею, как это работает. Я даже не уверена, есть это у меня на телефоне.

— Наверняка есть. — Лора взяла телефон Айрин и провела пальцем по экрану. Нашла приложение диктофона и нажала на него. — Хрустящие кукурузные хлопья с орехами, — громко произнесла она. — А не паршивые мюсли. — Она подмигнула Айрин. — А теперь посмотрите, как это можно воспроизвести.

— *Хрустящие кукурузные хлопья с орехами. А не паршивые мюсли*, — послушно повторил мобильник.

— О, похоже, это и правда просто, — засмеялась Айрин. — Покажи-ка еще раз.

После того как они составили новый список, Айрин велела Лоре взять из сумочки двадцать фунтов на покупки. За каждый поход в магазин Айрин платила ей по пять фунтов, что было весьма щедро, поскольку на покупки уходило не больше пятнадцати минут, но на этот раз Лора вытащила из сумки две двадцатки. Четырнадцать фунтов она потратила, а остальное забрала себе, «потеряв» чеки по дороге домой.

Распаковывая продукты, она рассказала Айрин, что с ней приключилось: как она потеряла ключ и ей пришлось лезть в квартиру через окно; как повредила руку, а потом в довершение всего потеряла работу. О Дэниеле она умолчала: Айрин

ни к чему было знать ни о сексе с ним, ни о ссоре, ни о ее задержании полицией.

— Мне очень стыдно, что я не связалась с вами раньше, — сказала Лора, когда разобрала сумки, налила себе и Айрин по чашке чая и положила на тарелку шоколадное печенье.

— Я места себе не находила, ты это понимаешь? — Айрин сидела в своем любимом кресле, а Лора прислонилась к батарее под окном, вытянув ноги.

— Я не хотела вас подводить.

— О, Лора, — покачала головой Айрин. — Ты меня не подвела, я просто очень за тебя волновалась. Если опять случится что-то подобное, ты обязательно должна мне сообщить. Возможно, я смогу тебе помочь.

Лора подумала о деньгах, которые взяла, и возненавидела себя. Она обязана их вернуть. Сунуть обратно в сумочку Айрин, а потом прямо попросить у нее в долг, как делают все нормальные люди. Обратиться за помощью, о чем и сказала Айрин. Но было уже слишком поздно. Сумка Айрин лежала возле кресла, на котором та сидела, и положить в нее деньги так, чтобы она ничего не заметила, не было никакой возможности. В любом случае удобный момент попросить о помо-

щи, когда Айрин ее предложила, Лора упустила.

Посидев еще немного, она выпила вторую чашку чая и съела пару печений, хотя у нее и не было аппетита: из-за своей нечестности она испытывала мучительный стыд. Потом встала и, сказав, что ей пора, ушла.

На улице Лора заметила, что дверь в соседнюю квартиру, которая принадлежала Анджеле Сазерленд, была приоткрыта. Осторожно распахнув ее пошире, девушка заглянула внутрь. Она увидела перекинутое через перила пальто Карлы Сазерленд и дорогую сумочку, повешенную на центральную стойку винтовой лестницы; еще две сумки — для покупок и большая, с короткими ручками, — просто валялись на полу. И это при открытой двери! Проклятые богачи! Сами же напрашиваются.

Оказавшись дома, Лора высыпала содержимое сумки с короткими ручками на пол в гостиной. Ее сердце сильно забилось, когда вместе с облезлым старым шарфом и вполне приличным, но старомодным жакетом от Ива Сен-Лорана на полу оказались две маленькие обтянутые кожей шкатулки. Схватив первую — она была лилового цвета, — Лора нетерпеливо открыла ее и увидела золотое кольцо с камнем, похожим на большой

рубин. Вторая шкатулка была немного больше и коричневого цвета — в ней находился медальон с изображением святого Христофора, тоже золотой, с выгравированными на обратной стороне инициалами «*БТМ*» и датой: *24 марта 2000 года*. Может, подарок на крестины? Но не Дэниелу, потому что инициалы не совпадали. Другому ребенку. Она захлопнула коробку. Жалко, что есть гравировка, подумала она, продать медальон будет сложнее. Но кольцо, если камень настоящий, должно стоить дорого.

Какая же она мерзавка!

На кухне она выгребла из карманов все деньги и пересчитала: тридцать девять с половиной фунтов, из которых двадцать шесть она украла у своей подруги Айрин.

Лживая, вороватая гадина!

Лора включила на телефоне воспроизведение записей и стала слушать свой голос. Он напоминал ей о необходимости связаться с советом по поводу жилищного пособия, с ремонтной службой по поводу котла (уже в который раз), с медсестрой из приемной доктора о продлении рецепта, о покупке молока, сыра, хлеба, тампонов…

Она остановила воспроизведение, устав от

перечисления всего, что ей предстояло сделать, и предвидя неизбежные сложности в осуществлении задуманного. Потом быстро просмотрела сообщения от парней, в отношении которых строила планы, для чего и поддерживала переписку, но теперь ей точно было не до них. Прослушала полученные голосовые сообщения: одно — рекламный звонок о страховании, другое — от ее психолога.

«Лора, ты пропустила две встречи, и боюсь, что, если ты не придешь на следующую, мы будем вынуждены отказаться от работы с тобой. Понимаешь? Мне бы очень этого не хотелось, потому что, по моему мнению, мы добились хорошего результата, и ты стала гораздо уравновешеннее и спокойнее. Мы же не хотим, чтобы вся проделанная тобой тяжелая работа пошла насмарку? Поэтому я жду тебя в понедельник в три часа дня, а если это время тебе не подходит, пожалуйста, перезвони мне сегодня, и мы перенесем встречу».

Лора сползла в кресле пониже и принялась осторожно массировать голову кончиками пальцев. Хотя она крепко зажмурилась, слезы все равно текли из-под век по скулам. *Стоп, стоп, стоп!* — тихо скомандовала она себе. *Если бы*

только можно было положить этому конец.

После случая с вилкой Лору направили к психологу. Психологом оказалась приятная женщина с маленьким лицом и большими глазами, которая показалась ей похожей на сказочное лесное существо. Она сказала Лоре, что ей нужно перестать *реагировать*.

— Твоя жизнь похожа на бесконечную борьбу с огнем, Лора. Тебя постоянно бросает из одного кризиса в другой, поэтому нам нужно найти способ изменить эту модель реакции и попробовать разработать стратегии…

Психологи просто помешаны на разработке стратегий: стратегий, которые позволят ей перестать срываться, проявлять агрессию, терять контроль. Заставят ее остановиться и подумать, уберегут от неправильных поступков. *Ты знаешь, в чем твоя проблема, Лора? В том, что ты делаешь неправильный выбор*.

Что ж, может быть, но это лишь одна точкой зрения на причины ее проблем. А можно посмотреть по-другому и сказать: «Ты знаешь, в чем твоя проблема, Лора? В десять лет тебя сбила машина, ты ударилась головой об асфальт, у тебя был перелом черепа, перелом таза, сложный перелом дистального отдела бедренной кости, черепно-

мозговая травма. Ты провела двенадцать дней в коме и три месяца в больнице, перенесла полдюжины болезненных операций, заново училась говорить. Да, и вдобавок ко всему, еще находясь на больничной койке, ты узнала о предательстве человека, которого любила больше всего на свете, человека, который должен был любить и защищать тебя. Разве удивительно, что ты так быстро выходишь из себя? Что ты не сдерживаешься?»

Сумевшая спастись

Там, где должна быть ее улыбка, теперь написан вопрос: так куда же мы едем? Но потом она улыбается, и он больше не злится, он думает о том, как это будет. Ему хочется, чтобы сзади не было ее подруги, но если он не будет на нее смотреть и думать о ней, то тогда, наверное, все будет в порядке.

Ему не нравится, как ее подруга на него смотрит. Своим взглядом она напоминает ему мать, которую ему следовало бы навсегда стереть из своей памяти, но он этого не сделал. Она тоже была некрасивой: в детстве ее покусала собака, и она постоянно об этом вспоминала. Возле рта у нее был шрам, и губа искривилась, так что казалось, будто она над ним смеется, что она обычно и делала.

Изуродованная внешне и внутренне, она постоянно кричала на него или на его отца, хотела сделать его таким же несчастным, какой была сама, не могла выносить, когда он смеялся, играл или радовался.

Вот оно что! Он опять думает о матери. Почему

она всегда у него в голове? Это она виновата, та уродина сзади, это она заставила его вспомнить мать. Он всегда думает о ней, когда занимается разными делами: ведет машину, пытается уснуть, смотрит телевизор, находится в компании девушек. Но хуже всего то, что она заставляет его ощущать внутреннюю пустоту, будто ему не хватает крови, чтобы ее заполнить. И он ничего не может с этим поделать. И не видит ничего, только красный цвет.

14

Айрин очень волновалась за Лору. На кухне, разогревая на маленьком огне тушеную фасоль, которую собиралась положить на тосты (Карла бы этого не одобрила), она размышляла, не стоит ли позвонить Лоре и убедиться, что с ней все в порядке. Хоть девушка и заверила ее в этом («Золотко, вы же знаете, у меня все хорошо!»), но выглядела рассеянной и встревоженной. Правда, она только что потеряла работу, так что ее беспокойство было вполне объяснимым. Однако казалось, будто дело не только в этом. Сегодня Лоре было явно не по себе в обществе Айрин, чего Айрин за ней раньше никогда не замечала.

Не то чтобы она знала ее очень давно. Они начали общаться всего пару месяцев назад, но Айрин быстро прониклась к девушке симпатией и стала проявлять о ней заботу. В ней чувствовалась какая-то повышенная ранимость и такая беззащитность, что Айрин за нее боялась. Люди подобного сорта оказываются особенно уязвимыми перед злом, существующим в мире. И Айрин, оставшись без Анджелы, сблизилась с этой уяз-

вимой молодой женщиной.

Конечно же, она понимала, насколько опасно было позволить себе увидеть в Лоре своего рода замену Анджеле. В определенном смысле они были очень похожи: обе веселые, добрые и отзывчивые. Как в Анджеле, так и в Лоре Айрин больше всего ценила то, что они не мучились сомнениями. Лора просто не допускала, что Айрин не освоит новое мобильное приложение на смартфоне, а Анджела не допускала, что она останется равнодушной к творчеству Салли Руни. Ни та ни другая не сомневались, что Айрин посмеется над грязной шуткой (она бы точно посмеялась, если бы шутка оказалась смешной). Они не считали ее физически беспомощной, ограниченной или утратившей интерес к окружающему миру. В отличие от Карлы, не видели в ней зануду и старую дуру.

Айрин было восемьдесят, но она не чувствовала себя восьмидесятилетней. Не только потому, что, несмотря на растяжение лодыжки, оставалась энергичной и подтянутой женщиной, а потому, что чувствовать себя на восемьдесят просто невозможно. Никто не чувствует себя восьмидесятилетним. Размышляя об этом, Айрин пришла к выводу, что ощущает себя лет на трид-

цать пять. Может, сорок. Это хороший возраст, не так ли? К этому времени вы уже четко знаете, что представляете собой. Вы уже утратили взбалмошность или неуверенность, но еще не успели ожесточиться и озлобиться.

Но все дело в том, что вы ощущаете себя определенным образом *внутри*, и, хотя люди, которые знают вас всю жизнь, могут по-прежнему видеть вас именно такой, *новых знакомых*, способных воспринимать вас не как набор возрастных недугов, оказывается крайне мало.

А в окружении Айрин почти не осталось людей, которые знали ее всю жизнь. Почти все ее старые друзья, ее и Уильяма, уже давно уехали из города, поближе к детям или внукам. Тогда это не особенно беспокоило Айрин, потому что, пока был жив Уильям, она не чувствовала себя хоть сколько-нибудь одинокой. А потом в одно солнечное мартовское утро шесть лет назад Уильям отправился за газетой, но домой так и не вернулся, скоропостижно скончавшись у газетного киоска от сердечного приступа. Айрин всегда считала, что он силен как бык и будет жить вечно. Сначала она думала, что сама умрет от шока, но шок прошел, уступив место горю и скорби, что оказалось еще тяжелее.

Хлопнула дверь, и Айрин от неожиданности вздрогнула. Соседняя дверь. Айрин хорошо знала этот звук. Она с трудом поднялась на ноги и, подавшись вперед, посмотрела в окно, но никого там не увидела. Наверное, Карла опять занимается неизвестно чем. Анджела умерла два месяца назад, а Карла по-прежнему изо дня в день приходила в ее дом «разбирать вещи», хотя Айрин при всем желании не могла себе представить, что там было разбирать: вещей у Анджелы было очень мало. Карла и Анджела родились в богатой семье, и деньги у них были. Карле, похоже, удалось не растратить большую часть своих, а у Анджелы кроме дома ничего не осталось. Она жила на скудный заработок внештатного редактора и копирайтера. Ребенка родила рано от преподавателя университета, в котором училась. Роман оказался неудачным, беременность неожиданной, а жизнь Анджелы исковерканной. Айрин знала, как нелегко ей пришлось, каких усилий стоило сводить концы с концами, растить сына и бороться со всеми своими демонами.

Считается, что без детей жизнь не может быть полной, но это не так. Айрин с Уильямом хотели детей, но завести их у них так и не получилось. Однако жизнь, которую она прожила, была

счастливой. Любящий муж, работа в приемной стоматолога, которая понравилась ей больше, чем она ожидала, волонтерство в Красном Кресте. Походы в театр, отдых в Италии. Чем это плохо? Но, если честно, ей не хотелось подводить под всем этим черту. И, что бы ни думали люди, она продолжала строить планы на будущее и не считала, что находится на пороге смерти. Она хотела посетить виллу Чимброне в курортном городе Равелло и Позитано, где снимали «Талантливого мистера Рипли». Ах да, еще и Помпеи!

Айрин прочитала в одной газетной статье, что самые счастливые люди на земле — это незамужние бездетные женщины. Она понимала почему: это и свобода, и отсутствие ответственности перед кем бы то ни было, и возможность жить так, как нравится. А если кого-то полюбишь, уже никогда не сможешь быть по-настоящему свободным, разве не так? Тогда уже будет слишком поздно.

После смерти Уильяма Айрин впала в одно из своих «настроений». Теперь это называли депрессией, хотя в дни ее молодости это было просто «плохим настроением». Анджела называла его «тоской собачьей». Айрин и в молодости время от времени впадала в тоску. Иногда приступ заго-

нял ее в постель, а иногда приходилось маяться на ногах. Тоска накатывала внезапно. Иногда ее причина была понятна (как последний, третий выкидыш Айрин), а иногда она наваливалась неожиданно, в самые хорошие дни. Айрин всегда держалась, никогда не теряла себя благодаря Уильяму. Он всегда ее спасал. А потом, когда Уильяма не стало, в ее жизнь чудесным образом вошла Анджела.

В 2012 году, когда умер Уильям, Рождество подкралось незаметно. Каким-то образом появление на полках магазинов рождественских украшений и угощений прошло мимо Айрин, она не слышала звучавшей повсюду назойливой рождественской музыки, а потом вдруг на улице стало очень холодно, наступил декабрь, и прохожие на улице несли елки.

Получив приглашения приехать на Рождество — одно от своей подруги Джен, приехавшей с мужем в Эдинбург, а другое — от едва знакомого двоюродного брата, который — подумать только! — жил в *Бирмингеме*, Айрин отклонила их, почти не раздумывая. Она объяснила это опасением, что вряд ли выдержит рождественское путешествие, что было чистой правдой, хотя настоящая причина, по какой она хотела

остаться дома, заключалась в другом. Если она проведет Рождество в этом году не одна, то первым годом без Уильяма станет следующий или год после него. Но теперь до конца ее жизни все рождественские праздники будут проходить без Уильяма, так что лучше начать привыкать к этому сразу.

Анджела, относившаяся к подобным вещам с пониманием, сказала, что Айрин следует заглянуть к ней хотя бы в канун Рождества.

— Мы с Дэниелом купим еду в «Дели-гриль», — сказала она, — вкуснейшие отбивные из баранины. Не хочешь составить нам компанию?

Айрин поблагодарила, сказав, что это звучит очень заманчиво. Днем двадцать четвертого она вышла, чтобы сделать прическу и накрасить ногти, а также купить небольшие подарки: экземпляр «Зайца с янтарными глазами» Эдмунда де Вааля для Анджелы и карту на покупку художественных принадлежностей для Дэниела.

Вернувшись домой, она едва успела положить вещи, как услышала очень странный звук, похожий на стон или даже мычание. Этот удивительный животный звук резко оборвал другой — словно разбилось стекло или фарфор. Затем послышался крик:

— Видеть тебя не могу! Всего четыре часа дня, а ты посмотри на себя! Просто посмотри на себя! Господи! — Голос Дэниела был высоким и сдавленным, каким говорят люди, доведенные до белого каления.

Голос Анджелы был голосом человека, уже перешедшего эту черту.

— Убирайся! — кричала она. — Вон отсюда… *ублюдок*! Боже, как же мне жаль…

— Чего? Чего тебе жаль? Не стесняйся! Скажи! Чего тебе жаль?!

— Мне жаль, что я тебя родила!

Айрин услышала грохот, будто кто-то рухнул с лестницы, и входная дверь хлопнула так, что, казалось, содрогнулась вся терраса. Она увидела из окна, как мимо пронесся Дэниел — вне себя от бешенства, со сжатыми кулаками. Несколько секунд спустя на улицу вышла Анджела; она была так пьяна, что не могла стоять и опустилась на землю. Айрин пришлось выйти и помочь ей подняться. Ей удалось — путем уговоров, увещеваний и вежливого и не очень урезонивания — затащить Анджелу внутрь и уложить в постель.

Анджела все это время что-то бормотала себе под нос, временами едва слышно. Однако Айрин сумела разобрать, как она сказала:

— Знаете, меня все уговаривали от него избавиться. А я не послушалась. Я не послушалась. О, как же мне жаль, что мне не повезло так, как тебе, Айрин.

— В чем мне повезло? — переспросила Айрин.

— Быть бесплодной.

Айрин снова увидела Анджелу только на второй день Рождества. Анджела пришла с книгой (сборником рассказов Ширли Джексон) и коробкой шоколадных конфет, извиняясь за несостоявшийся ужин.

— Мне очень стыдно, Айрин, — сказала она. — Я чувствую себя ужасно, просто ужасно, но… дело в том, что мы с Дэниелом поссорились…

Судя по всему, она не помнила, как упала, и о том, что говорила потом. Айрин все еще злилась, испытывая желание напомнить Анджеле ее слова и сказать, как ей было больно. Анджела, должно быть, увидела что-то в выражении ее лица, а может, и вспомнила, потому что вдруг покраснела и смутилась.

— Это не я, ты же знаешь. Это все спиртное, — сказала она и тяжело вздохнула. — Знаю, это меня не оправдывает.

Так и не дождавшись от Айрин ответа, она сделала шаг вперед, коснулась губами ее щеки и

повернулась к двери.

— Когда они появляются на свет, — сказала она, берясь за дверную ручку, — вы держите их на руках и представляете себе их чудесное, счастливое будущее. Не богатство, не успех, не славу или что-то в этом роде, а счастье. Счастье! Да пусть весь мир пропадет пропадом, лишь бы они были счастливы.

15

Карла стояла, пытаясь сосредоточиться, на кухне Анджелы, где было пусто, если не считать старого чайника на столе возле плиты. Ее мобильник гудел и гудел, но она не хотела даже посмотреть, кто звонит. Это наверняка либо Тео, либо полиция, а она была не в том настроении, чтобы с ними беседовать. Агент по недвижимости уже звонил ей, желая назначить время для осмотра дома, чтобы они успели выставить его на продажу в конце весны, как раз к пиковому сезону покупок жилья. Карла чувствовала, что общения с агентом и жившей по соседству Айрин хватило ей с избытком.

Она открыла шкафы над раковиной, снова их закрыла, потом проверила внизу. В шкафах было пусто. Она знала, что там ничего нет. Она сама все из них убрала. Что, черт возьми, она делает? Она что-то ищет. Что? Телефон? Нет, он лежит в кармане. Сумка с короткими ручками! Где она оставила сумку?

Карла вышла из кухни и вернулась в коридор и только тогда заметила, что оставила входную

дверь открытой. Господи Иисусе! Она действительно теряет рассудок. Толкнув дверь, она захлопнула ее. Потом повернулась и бесцельно уставилась на стену рядом с кухонным дверным проемом, где остался след от некогда висевшей на ней картины. Что там висело? Она не могла вспомнить. Разве это важно? Что она делала? И зачем сюда пришла?

Подобной забывчивостью она прежде не страдала. Карла предположила, что причина в недостатке сна: недаром лишением сна пытают, чтобы сломить у человека волю. Она смутно помнила это чувство сразу после рождения Бена. Только тогда невозможность концентрации смешивалась с радостью, как при наркотическом опьянении. Сейчас же это походило на отупение. Или нахождение под водой. Это было больше похоже на то, что она испытывала, когда Бен умер.

Карла вернулась на кухню и, остановившись у раковины, посмотрела на улицу. Затем наклонилась вперед, прижалась лбом к стеклу и заметила девушку, которую встретила у Айрин. Через мгновение та исчезла из вида. Походка у нее была очень странная, шаркающая. С ней было что-то не так. Скользкая. Симпатичная, но зубастая. Доступная для секса. Она напомнила

Карле о молодой женщине, которая убила свою подругу. О ней несколько лет назад писали все газеты. Или она ее не убивала? Где это было? Во Франции? Нет, в Италии. В Перудже, точно! Господи, *о чем она сейчас думает*? Она же ничего не знает *об этой девушке*, кроме того, что та в свободное время навещает старушек и покупает им продукты. А уже записала ее в семью Мэнсона!

Телефон в кармане опять настойчиво зажужжал, будто разъяренное насекомое в банке, и Карла, скрипнув зубами, снова его не взяла. *Чай,* подумала она, *мне надо выпить чашку чая. И положить побольше сахара.* Она вернулась на кухню и включила чайник. Потом открыла шкаф над раковиной. В нем по-прежнему было пусто. *О господи!*

Карла снова выключила чайник и медленно поднялась наверх, чувствуя себя совершенно измотанной. Ноги налились свинцом. Наверху она остановилась, повернулась и села, глядя через лестницу на входную дверь. Там на полу возле батареи когда-то лежал небольшой персидский ковер. А здесь, на верхней ступеньке, рядом с ней, на ковре была прорезь. Она провела пальцем по ее аккуратным краям длиной в дюйм или два. Все имеет свой срок годности. С кончика ее носа

упала слеза. *Вот и у Энджи срок годности истек*, подумала она. *Как и у всех нас.*

Вытерев лицо, Карла поднялась и направилась в старую комнату Дэниела в задней части дома. Комната была пуста, если не считать старой односпальной кровати и шкафа с болтающейся дверцей, которые фирма по продаже подержанной мебели даже не стала брать. Положив блокнот, который держала в руках, поверх стопки бумаг внизу шкафа, Карла плотно закрыла дверь. Затем вынула из кармана собачий поводок и сбросила с плеч пальто. Она закрыла дверь спальни, зацепила конец кожаного поводка за крючок для одежды и подергала, проверяя, как держится. Оставив поводок висеть, снова открыла дверь и не торопясь побрела по коридору к комнате Анджелы, ведя кончиками пальцев по штукатурке.

После того как Анджела отправила Дэниела в школу-интернат, Карла навещала ее все реже и реже и в конце концов вообще перестала к ней приходить. Какой-то конкретной причины для этого не было — вернее, не было одной конкретной причины; просто она поняла, что больше так продолжаться не может. С вымышленной йогой было покончено.

Прошли годы. Однажды ночью, через шесть

или семь лет после смерти Бена, Карлу разбудил телефонный звонок. Он раздался после полуночи, когда телефонные звонки не предвещают ничего хорошего. Она ответила не сразу, стараясь избавиться от сонливости, вызванной снотворным.

— Могу я поговорить с Карлой Майерсон? — спросила женщина.

У Карлы сжалось сердце: Тео находился в Италии, сидел в каком-то уединенном деревенском доме в Умбрии и пытался писать, а люди там ездили как бог на душу положит. Да и сам Тео там ездил не лучше — казалось, он ничем не хотел выделяться среди местных жителей.

— Миссис Майерсон, не могли бы вы приехать в полицейский участок Холборна? Нет-нет, все в порядке, но у нас тут… Мисс Анджела Сазерленд — это ваша сестра? Да, с ней все в порядке, она просто… немного перебрала со спиртным и попала в неприятности, и нужно, чтобы кто-нибудь ее забрал. Вы можете это сделать?

Карла вызвала такси, накинула пальто и вышла из дома под струи холодного лондонского дождя, не зная, пугаться ей или злиться.

В полицейском участке было тихо и горел яркий свет. В зале ожидания сидела женщина. Она тихо плакала и повторяла:

— Я просто хочу его увидеть. Просто хочу убедиться, что с ним все в порядке.

Женщина за стойкой регистрации, вполне возможно та, с которой Карла говорила по телефону, кивнула ей.

— Домашнее насилие, — пояснила она, указывая на плачущую женщину. — Он ее бьет, она звонит нам, а потом передумывает предъявлять обвинения. — Она закатила глаза. — Чем я могу вам помочь, дорогая?

— Я приехала забрать Анджелу Сазерленд. Это моя сестра. Мне сказали, что она здесь.

Женщина проверила что-то в компьютере, кивнула и обратилась к кому-то в комнате за своей спиной:

— Джон, ты не приведешь сюда миссис Сазерленд? Да, здесь ее сестра. — Она снова повернулась к Карле: — Она слишком много выпила и устроила сцену на стоянке такси.

— Сцену?

Женщина снова кивнула.

— Она оскорбляла человека, стоявшего в очереди, человека, который, судя по всему, сам на это напрашивался, но в любом случае ваша сестра не стеснялась в выражениях, и когда один из таксистов попытался вмешаться, ему тоже доста-

лось. Он вызвал полицию, а когда появилась пара наших сотрудников, она послала их подальше, причем в самой грубой форме.

— Господи! — Карла была потрясена. — Боже, какой стыд! Она… она никогда так себя не вела, это совсем на нее не похоже… вообще-то она очень воспитанный человек.

Женщина улыбнулась.

— Ну, спиртное нередко творит забавные штуки, разве не так? Если вас это утешит, мне кажется, что ей очень стыдно за себя. Никаких обвинений предъявлено не было, так что ничего страшного на самом деле не произошло. — Она наклонилась вперед и понизила голос: — Если честно, я думаю, что она сама немного испугалась.

Самым ярким воспоминанием Карлы о той ночи было чувство стыда. Стыд за то, что ее вызвали посреди ночи забрать свою пьяную и буйную младшую сестру, был сущей мелочью по сравнению со стыдом, который она испытала, увидев, во что превратилась Анджела, пока они не встречались. Исхудавшая, сутулая, с ввалившимися глазами и синими прожилками на гладких щеках.

— Анджела!

— Мне очень стыдно, Си, — сказала та шепотом, опустив взгляд. — Мне так стыдно, а я даже не помню, как себя вела. Мне сказали, что я кричала на людей, оскорбляла их и материлась… Я совсем ничего не помню.

На пути к дому Анджелы они сидели рядом на заднем сиденье такси. Обе молчали, Карла обняла сестру за худенькие плечи и прижала к себе. От этого прикосновения ее вновь охватило чувство жгучего стыда: она словно держала на руках ребенка, держала сестру, когда та была маленькой девочкой — крошечной, крикливой и забавной. Выводившей из себя. В далекой прошлой жизни. Казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как она ее любила и они были лучшими подругами. Карла заплакала.

Когда они подъехали к Хейвордс-плейс, она все еще плакала. Плакала, когда расплачивалась с таксистом и шла за сестрой к входной двери, когда увидела, какой в доме беспорядок, и почувствовала спертый запах сырости и грязи.

— Прошу тебя, не надо, — попросила Анджела, поднимаясь по лестнице. — Ради всего святого, перестань.

Карла слышала, как в ванной набирается вода. Она заварила черный чай — молока в холо-

дильнике не было, в нем не было ничего, кроме кусочка засохшего сыра и открытой бутылки белого вина. Взяв две кружки, она устроилась на сиденье унитаза, пока ее сестра принимала ванну.

— Я не собиралась напиваться, — сказала Анджела.

Она сидела в ванной и осторожно стирала с коленей кровь куском мягкой фланели. Карла видела, как двигались ее лопатки — казалось, еще немного, и они прорвут кожу.

— Я выпила всего пару бокалов. Может, три? Наверное, что-то потом добавила в пабе. Знаешь, просто так получилось. Не думаю, что меня кто-то видел. На стоянке такси. Боже, надеюсь, что меня никто не видел. Все случилось так неожиданно. Я была в порядке, а потом… вдруг просыпаюсь и вижу, что надо мной возвышается какой-то человек и называет пьянчугой…

А ведь сестра говорила, что не помнит, как стояла в очереди на такси, подумала Карла и сказала:

— Ты ужасно худая, Энджи. Ты что-нибудь ела перед выходом?

Анджела пожала плечами.

— Сколько… ты уже такая?

Анджела недовольно посмотрела на нее через плечо.

— Какая «такая»? — поинтересовалась она и, отвернувшись к стене, принялась ковырять плесень на затирке между пожелтевшими плитками.

Карла помогла ей выбраться из ванны, достала из сумочки парацетамол, нашла в шкафу в ванной немного антисептика, которым обработала ссадины Анджелы. Затем помогла ей лечь в постель и сама устроилась рядом. Взяв холодную руку сестры, Карла нежно водила большим пальцем по тыльной стороне ее ладони.

— Я должна была знать, что все стало так плохо, — сказала она. — Я должна была знать.

Я должна была простить тебя, подумала она. *Я уже давно должна была тебя простить.*

Они заснули.

Спустя несколько часов Анджела проснулась от собственного крика. Он разбудил и Карлу, которая испуганно смотрела на сестру.

— Он здесь? — шепотом спросила Анджела.

— Кто здесь? Кто? Энджи, о ком ты говоришь? Кто здесь?

— Ой! Нет, не знаю. Наверное, мне приснился дурной сон.

Она повернулась лицом к стене, и Карла снова улеглась, закрывая глаза и пытаясь заснуть.

— Ты знала, — прошептала Анджела, — что я с кем-то встречалась?

— Правда? Нет, не знала. Что-то случилось? Вы расстались?

— Нет-нет. Не сейчас, — ответила Анджела, причмокивая губами. — Тогда. Я *тогда* кое с кем встречалась. Я никогда не говорила тебе об этом. Он был женат. И иногда приходил к нам домой.

— Энджи, — Карла обняла сестру правой рукой за талию, притягивая ближе, — о чем ты говоришь?

— О Лонсдейл-сквер, — сказала Анджела, и Карла отдернула руку. — Когда после смерти отца мы с Дэниелом жили на Лонсдейл-сквер, я встречалась с мужчиной. В ночь накануне… накануне случившегося мы были вместе в кабинете. Смотрели там фильм на экране, помнишь? — Экран установил их отец для просмотра кинофильмов. — Мы выпивали и… *не важно*. Я была уверена, что дети спят, но Дэниел не спал. Он спустился вниз и застал нас. — Ее дыхание стало медленным и прерывистым. — Он был так ошарашен, Си… так *зол*, что никак не мог успокоиться. Я попросила его — своего друга — уйти. И

повела Дэна наверх. Я долго не могла его успокоить и уложить спать. А потом легла спать сама. Сразу легла спать. Так и не спустилась в кабинет. Я так и не спустилась, чтобы запереть дверь…

— Энджи, — перебила ее Карла, — не надо. Не говори ничего. Мы всегда знали — я всегда знала, — что ты оставила дверь открытой. Это было…

— Да, — тихо произнесла Анджела. — Да, конечно, вы знали. Конечно.

16

Лора прижала телефон к уху правым плечом, чтобы освободить руки. Она находилась в ванной и искала в аптечке антисептик, которым хотела обработать порез на руке. В мокрой раковине лежало полученное утром письмо — от влаги буквы в нем расползлись. В письме сообщалось об изменении даты слушания по делу об инциденте с вилкой. Лора смела пузырьки с полки прямо на письмо в раковине и истерически расхохоталась.

— Вилка? Вилка, вилка, вилка! Вилка — как развилка! — Она рассмеялась еще громче, сообразив, что вилка ей тоже наверняка зачтется, хоть она и была маленькой, коктейльной.

Взяв телефон в руку, она посмотрела на экран, чтобы вспомнить, кому звонит. Она звонила в суд. Точно! Она хотела им сказать, что назначенная дата ей не подходит. В этот день у ее матери день рождения. И они, возможно, захотят отметить его в ресторане! Она засмеялась громче, на этот раз над собой. Когда мать в последний раз приглашала ее в ресторан?

Хотя не исключено, ей удастся все объяснить. Может, ей удастся объяснить весь этот инцидент с вилкой тому, кто в конце концов ответит на ее звонок. Возможно, ей удастся рассказать им свою историю, и они поймут. Это было несложно, она уже много раз рассказывала ее в самых разных вариантах: полицейским, дежурному адвокату, своему психологу (*Лора, нам нужно разработать стратегии, которые помогут тебе контролировать свой гнев*), Майе в прачечной самообслуживания.

Расскажу ее еще раз!

Она находилась в баре недалеко от того места, где живет сейчас. Было очень поздно, и она, *очень* пьяная, танцевала в одиночестве. Под одобрительные крики небольшой группы зрителей, собравшихся, чтобы посмотреть на нее, она медленно и довольно профессионально исполняла экспромтом стриптиз. В разгар этой в общем-то обычной сцены, без всякого повода с ее стороны, бородатый парень двадцати с небольшим — тоже пьяный, но меньше, чем она, — вдруг шагнул к ней, протянул руку и сильно сдавил ей левую грудь.

Его друзья зааплодировали, и все засмеялись, кроме одной девушки, которая воскликнула:

— *Охренеть!*

Лора сбилась с ритма и, пошатнувшись, схватилась за стойку бара, чтобы не упасть. Все засмеялись еще громче. Охваченная слепой яростью, она наклонилась над стойкой в поисках оружия. Ей под руку попалась коктейльная вилка с двумя зубчиками для нанизывания оливок. Подавшись вперед, она схватила ее. Парень согнулся, качнулся вправо и потерял равновесие. Взмахнув левой рукой, правой он ухватился за стойку, и она с размаху вонзила ему вилку прямо в середину кисти. Вилка вошла в нее как в масло и осталась торчать в руке. Между ними завязалась настоящая драка, причем парень не переставая кричал от боли. Их разняли подоспевшие вышибалы, и один из них, набросив на полуобнаженную Лору свой пиджак, отвел ее в заднюю часть бара.

— Это тот парень с тобой сделал? — спросил он. — Он на тебя напал? Сорвал одежду?

Лора покачала головой.

— Я танцевала и разделась сама, — сказала она, — а он стал меня лапать. Схватил за грудь!

Вызвали полицию, и, пока ждали ее появления, два главных героя — парень с вилкой в руке и полуобнаженная девушка в мужском пиджаке на плечах — сидели почти рядом.

— Гребаная психопатка! — бормотал парень. — У нее *не все дома*! Ее место в психушке.

Одной рукой он пытался вытащить сигарету из пачки, но постоянно ронял пачку на пол, чем вызывал у вышибал невольный смех.

— Все равно здесь нельзя курить, — предупредил охранник без пиджака.

Все это время Лора молчала, вспышка ярости отрезвила ее и напугала, но парень не унимался:

— За нападение тебе придется ответить, сумасшедшая сука, ты это знаешь? Тебя упрячут за решетку.

Услышав это, она повернулась, смерила его взглядом и ответила:

— Это вряд ли. Я защищалась.

— Ты, черт возьми, *что?!*

— Разве я разрешала тебе ко мне прикасаться? — поинтересовалась Лора. — Ты напал на меня, — заявила она, — распустил руки!

У парня отвисла челюсть.

— Да ты сама разделась, сука ненормальная!

— Да, пусть так, но когда это я разрешала тебе ко мне прикасаться?

— Она права, — подтвердил вышибала.

Парень с вилкой недоверчиво скрипнул зубами.

Одарив охранника чарующей улыбкой, Лора поблагодарила:

— Спасибо.

— Да, милая, — продолжил вышибала, — так и есть. Но все же нельзя вот так протыкать людям руки вилкой. Это явный перебор, согласна?

Лора внимательно смотрела на себя в зеркало. Она по-прежнему находилась в ванной и прижимала телефон к уху. На другом конце царила тишина. Никто ничего не говорил. Никто не слушал. Лора отняла телефон от уха, коснулась пальцем экрана и нашла номер матери. Послышался знакомый писк, и женский голос сообщил, что для такого звонка на счету недостаточно средств. Лора положила телефон на край раковины и попыталась улыбнуться своему отражению в зеркале, но лицо ее не слушалось. Она могла лишь скорчить гримасу своему уродству и одиночеству.

17

Тео снова постучал в дверь дома Анджелы, на этот раз громче.

— Карла? Ты здесь? — сердито позвал он.

Все утро его настроение менялось, переходя от раздражения к панике. Он не мог связаться с Карлой уже два дня: она не отвечала на его звонки и сообщения, а если и была дома, то дверь ему не открывала. Итак, раздражение, потому что такое за ней водилось: она просто исчезала, не задумываясь о последствиях и о том, насколько другие — прежде всего он — могут волноваться и беспокоиться о ней. Однажды она исчезла на целую неделю. Оказалось, что она была во Франции, а с кем — так и не сказала.

С другой стороны, паника. Ее сестра умерла. Дэниел тоже. А через неделю день рождения Бена. Будь Бен жив, это был бы его восемнадцатый день рождения. Их маленький мальчик был бы уже взрослым. По-настоящему взрослым. Говорил бы о поступлении в университет, приводил домой девчонок. Или ребят. Так больно думать о том, кем он мог бы быть, кем они могли бы быть,

если бы не тот несчастный случай. Если бы не Анджела.

Тео уже побывал в доме Карлы, на кладбище, позвонил ее друзьям. Если ее не окажется и здесь, то придется, наверное, звонить в полицию. Ему не раз приходило в голову, что она, возможно, уже находится в полиции. Сидит там и отвечает на вопросы. Потому что, если они приходили за его отпечатками пальцев и ДНК, то наверняка могли прийти и за ее. И что они могли найти?

Он снова постучал, еще громче, и в отчаянии крикнул:

— Бога ради, Карла, открой мне!

Приоткрылась входная дверь соседней квартиры, и в проеме показалось морщинистое лицо.

— Там никого нет, — коротко сказала пожилая женщина. — В доме пусто.

Любопытствующая соседка. Карла говорила о ней, но имени Тео вспомнить не мог. Он улыбнулся ей.

— О, здравствуйте. Мне ужасно неловко, что побеспокоил вас, — сказал он, отходя от двери Анджелы и направляясь к старушке. — Я ищу свою жену. Карлу Майерсон. Она сестра Анджелы. Вы ее здесь случайно не видели?…

Она прищурилась, глядя на него.

— Карлу, — повторил он громко и отчетливо.

Женщина нахмурилась. Тео подумал, что она, возможно, не в себе.

— Все в порядке, — сказал он, улыбнувшись еще раз. — Не волнуйтесь, все нормально.

— *Это вы!* — внезапно произнесла старуха, распахивая дверь и тыча скрюченным пальцем ему в грудь. — Это были вы. Ну конечно! Как же я вас не узнала?

— Прошу прощения… — опешил Тео.

— Стойте здесь, — сказала она. — И никуда не уходите. — И она исчезла в коридоре, оставив дверь открытой.

Тео немного постоял, не зная, что делать, и обвел взглядом переулок. Потом крикнул:

— Эй! Миссис… э-э…

Как ее зовут? Кажется, Карла называла ее *выжившей из ума старой маразматичкой*. Тео вошел в темный коридор, стены которого украшали дешевые репродукции, на которых были изображены морские сражения. Может, ее муж увлекался кораблями? Бросив на них мимолетный взгляд, Тео продолжил свой путь.

Вдруг из темноты появилась она, и от неожиданности Тео вздрогнул. Водрузив на кончик носа очки, пожилая дама снова прищурилась и

придирчиво его оглядела.

— Это *точно* вы! Вы были здесь раньше. Вы были на улице с Анджелой.

— Э-э… нет… я…

— Да, да, это были вы. Полицейский спрашивал меня, что это был за мужчина, и я не могла сказать, потому что тогда вас не узнала или не запомнила, но это были вы. Вы были здесь с Анджелой. И довели ее до слез.

— Ничего подобного! — решительно возразил Тео. — Боюсь, вы меня с кем-то перепутали. — Он отвернулся и быстро вышел из дома.

— Вы были с собачкой! — крикнула ему вслед старуха. — С маленькой собачкой.

Тео торопливо прошел по переулку, завернул за угол и направился прямо в бар «Секфорд-Армс». Он заказал себе виски, быстро выпил и вышел на улицу покурить. Нарушив тем самым сразу два своих правила: никакого спиртного до шести вечера и никаких сигарет помимо установленных им же самим случаев. И все же. Он решил, что на то имелись смягчающие обстоятельства, и, затушив недокуренную сигарету, оглянулся на Хейвордс-плейс, словно старуха могла за ним следить.

Интересно, расскажет ли она Карле? Сообщит

ли ей, что видела его сегодня или что видела раньше? *Господи помилуй!* Он вернулся в бар и жестом показал девушке за стойкой, что хочет повторить. Та едва заметно приподняла бровь. Едва заметно. З*анимайтесь своими делами,* хотелось ему сказать. Девушка с улыбкой поставила перед ним вторую порцию виски:

— Ваш заказ, пожалуйста.

Может, про бровь ему показалось? Может, он уже впал в паранойю?

Может, и его восприятие старухи стало проявлением паранойи? Если она и расскажет Карле, что из того? Поверит ли ей Карла? Конечно, считать, что она поверит, точно паранойя. Разве не Карла говорила, что у старухи не все дома? Разве не она это сказала?

И все же. Что, если она ей *поверит*? Что тогда? Если она узнает о его общении с Анджелой, какова будет ее реакция? Невозможно предугадать. Тео знал Карлу около тридцати лет и все же понятия не имел, как она поступит в той или иной ситуации. Знал только одно: он все прощал ей раньше и будет прощать всегда. Но отлично понимал, что рассчитывать на взаимность с ее стороны точно не может.

Вытащив из кармана мобильный, Тео еще раз

позвонил Карле, и она снова не ответила. Ему хотелось еще выпить, но шум в голове от первой порции уже переходил в опасный туман от второй, а что, если она все-таки *ответит* на звонок? Что он собирался ей сказать? О чем собирался рассказать?

В последний раз, когда он видел Анджелу, они стояли на Хейвордс-плейс на том самом месте, где он только что разговаривал с соседкой. День был хмурый: низко висело тяжелое небо, и весь Лондон казался окрашенным в серый цвет. Тео искал Дэниела, но вместо него встретил Анджелу. Старуха была права: Анджела действительно плакала, хотя Тео не мог сказать, что она плакала *из-за него*. Она просто заплакала, как только его увидела. Она пригласила его в дом, но он предпочел поговорить на улице. Он не мог находиться с ней в комнате один на один, поскольку не был уверен, что сможет сохранить самообладание.

Выглядела она ужасно. Болезненно худая, с похожими на паутину синими венами, просвечивающими сквозь тонкую, словно бумага, кожу. Седые и очень длинные волосы делали ее похожей на злобную ведьму из сказки, а сама она казалась высохшей, как шелуха. Тео старался не обращать внимания на ее вид и слезы и говорил

ровным голосом, чтобы как можно точнее донести до нее цель своего визита. Он сказал, что к нему приходил Дэниел и просил денег, объяснив, что потерял работу и ему больше не к кому обратиться, а Карлу он беспокоить не хотел. Тео ему не поверил, подозревая, что дело в другом, но в чем именно, знать не хотел. Он выписал Дэниелу чек на тысячу фунтов, а через пару недель тот объявился снова. Тео не было дома, но Дэниел оставил сообщение.

— Я могу его послушать? — спросила Анджела.

— Это не было голосовым сообщением, — ответил Тео. — Он просунул под дверь записку.

— Что за записка? О чем в ней говорилось?

Глаза у Анджелы были широко открыты, белки желтые, как при желтухе. *Она больна*, подумал Тео. *Возможно, даже умирает.*

— Не важно, что там сказано, — ответил Тео. — Мне просто нужно поговорить с ним об этом.

Анджела сказала, что не знает, где сейчас Дэниел, но при встрече обязательно с ним поговорит.

— Правда, вряд ли от этого будет толк, — сказала она, качая головой. — Он меня не слушает. Он слушает только Карлу. — Ее глаза снова наполнились слезами. — Обычно он выполняет то, о чем она попросит.

Тео некоторое время постоял, глядя, как она плачет. Он пытался пожалеть ее, но из этого ничего не вышло. Она сама уже так сильно жалела себя, что его жалость была ни к чему. Он ушел от нее прежде, чем успел сказать что-то, о чем бы потом сожалел.

Конечно, тот раз был не последним, когда он ее видел. Предпоследним.

18

В углах комнаты собрались тени: безликие, они постоянно двигались, то возникая, то удаляясь, и растворялись в сгущавшейся мгле. Айрин лежала без сна, прислушиваясь к прерывистому дыханию, тяжести в груди и шуму пульсирующей в ушах крови. Ее парализовал страх, прижавший ее тело к кровати.

Что-то ее разбудило. Лиса на церковном дворе? Или крик пьяницы в переулке? Или… — вот опять! Она услышала тот же звук. Скрип на лестнице? Айрин затаила дыхание, от страха не в силах протянуть руку и включить свет. Прошло несколько секунд, потом еще несколько. Может, ей показалось? Может, приснилось? Она медленно выдохнула и повернулась на бок. Вот! Опять! Чьи-то шаги. Сомнения отпали: к счастью, звук раздавался не на ее лестнице, а на соседской. Этот звук она знала очень хорошо, потому что на протяжении многих лет слышала, как Анджела поднимается и спускается по лестнице, и не важно, в какое время суток это происходило. В их стоящих бок о бок домах стены были тонкими,

как бумага.

Что она слышала? Эхо шагов Анджелы? Но ведь это нормальная реакция на горе? Это подобно тому, как ей часто мерещился Уильям: вот он идет, посвистывая, вечером по переулку или стоит у окна и ждет, когда она проснется, чтобы повернуться и спросить: *Как насчет чашечки чая, Рини?*

Заметив боковым зрением какое-то движение, Айрин вцепилась в одеяло с такой силой, что у нее свело пальцы. Айрин не раз задумывалась о том, в каком виде перед ней предстала бы Анджела, если бы решила показаться. Будет ли она похожа на саму себя — всегда немного нервную, сидевшую, закинув нога на ногу, вечно покачивая той, что сверху? Будет ли рассказывать о книге, которую только что прочла, а руки ее при этом будут находиться в постоянном движении, разминая сигарету или теребя нитку на льняной рубашке? Будет ли она собой или кем-то еще? Появится ли со сломанной шеей, источая запах сладкого вина и тления?

А затем — теперь уже в этом не осталось никаких сомнений — Айрин услышала, как кто-то идет по коридору за стеной ее спальни. Поступь казалась мягкой, совсем непохожей на пьяное

шарканье Анджелы, и это уже был не какой-то приглушенный, невнятный, *воображаемый* шум, а определенно шаги. Осторожные и вкрадчивые.

В соседнем доме кто-то находился, и это не было привидением. Это был злоумышленник.

Больше всего Айрин боялась вторжения незваного гостя. Боялась того момента, когда злоумышленник поймет, что дома кто-то есть — свидетель, с которым надо разобраться. Боялась момента расплаты, когда она, хрупкая пенсионерка, лежа в постели одна, поймет, что это злоумышленник, собирающийся украсть кошелек, или ноутбук, или что-то еще. Желающий поживиться. Все слышали об ужасных историях с пожилыми женщинами, на которых напали, которых избили и оставили лежать с синяками под глазами, в перепачканных ночных рубашках.

Вот опять! Опять шум. Возможно, кто-то ходит взад-вперед по коридору. Что-то ищет? *Майерсон*, подумала Айрин. Человек, который довел Анджелу до слез. Который солгал, сказав, что никогда здесь не был. Ей не понравилось, как он выглядел, не понравилось, как смотрел на нее, явно не считая заслуживающей внимания. Он решил, что она выжившая из ума старая дура. Айрин почти слышала, как он бормотал, называя

ее *любопытной старой коровой*.

Что ж. Тогда она благополучно выполнит свою миссию и приподнимет занавес. Нащупав в темноте выключатель, она зажгла лампу и поморгала, дожидаясь, пока глаза привыкнут к свету. Потом села в постели и, потянувшись, взяла очки. Возле кровати мобильного телефона, естественно, не оказалось. Проклятого телефона никогда не было под рукой, где бы она ни находилась и чем бы ни занималась, — он всегда оказывался в другой комнате.

Не желая привлекать внимание, она на ощупь спустилась вниз по лестнице и не стала зажигать свет внизу.

— Что за глупость, — пробормотала она себе под нос, — блуждать в темноте. Вывихнуть лодыжку — это ерунда, как бы не сломать шейку бедра!

Добравшись до последней ступеньки, Айрин осторожно вытянула вперед ногу в тапочке и убедилась, что достигла пола первого этажа. В тот же момент она услышала за стеной громкий стук, словно кто-то споткнулся, и крикнула:

— Кто там?! Я все слышу и звоню в полицию! Полиция уже едет! — Ее возмущение прозвучало смехотворно даже для нее самой. — Вы меня слышите?

Ответом ей была тишина.

Двое полицейских — коренастый смазливый молодой человек и женщина лет тридцати с усталым лицом — стояли возле дома Анджелы, уперев руки в бока.

— Дверь заперта, — сказал коренастый, обращаясь к Айрин, и еще раз подергал дверную ручку, чтобы она удостоверилась. — Нет никаких признаков, что кто-то пытался ее взломать. Все окна целы. — Он пожал плечами с извиняющимся видом. — Ничто не указывает на взлом.

— Там точно кто-то есть, — настаивала Айрин, выглядывая из дверного проема. — Я слышала. Слышала, как там ходят.

— Но вы говорите, что дом пуст? Вы уверены, что его не сдали в аренду?

— Уверена. Из него даже еще не вывезли всю старую мебель. И к тому же сегодня приходил мужчина, который солгал, что не был здесь раньше, а я просто… я просто…

Женщина-полицейский вытянула губы.

— Значит, вокруг дома бродил посторонний?

— Ну… нет, я не это хочу сказать, но здесь умерла женщина. Пару месяцев назад умерла женщина, и вы — не вы, а другие полицейские — сказали, что это был несчастный случай, только

я в этом не уверена, потому что теперь умер и ее сын. Вам не кажется это странным?

Женщина медленно моргнула.

— Прошу прощения, — сказала она. — Вы говорите, что в доме произошли две подозрительные смерти?

— Нет-нет, только одна, сын умер в другом месте. Я просто… я ничего не придумываю от нечего делать, — заверила Айрин. — Но в доме точно кто-то есть, и… честно говоря, мне страшно.

Коренастый полицейский кивнул.

— Все правильно, — сказал он, улыбнувшись Айрин, потом поднял кулак и сильно ударил им по двери.

Они немного подождали. Затем он ударил еще раз. И вдруг в доме загорелся свет. Айрин от страха так резко отпрянула от двери, что чуть не упала.

— Там кто-то есть! — воскликнула она одновременно испуганно и торжествующе.

Через несколько секунд дверь распахнулась. На пороге, вне себя от возмущения, стояла Карла.

Позже, когда они во всем разобрались с полицией и Карла объяснила, кто она такая и почему имеет полное право находиться в доме, она приняла предложение Айрин выпить чаю в три часа ночи.

— Вам не следовало приходить в дом среди ночи, — обиженно попеняла ей Айрин.

— При всем уважении, Айрин, — взяв кружку с чаем, Карла слегка приподняла подбородок, так что вид у нее стал немного надменный, — я могу приходить туда когда захочу. Это мой дом. Я хочу сказать, что он станет моим. Поэтому я буду приходить туда, когда мне заблагорассудится.

— Но…

— Мне очень жаль, что я доставила вам беспокойство, — продолжила Карла без тени раскаяния, — но в последнее время я плохо сплю, если мне вообще удается заснуть, поэтому иногда, вместо того чтобы лежать в постели и смотреть в потолок, я встаю и занимаюсь делами — перепиской или уборкой. Но на этот раз я пришла, чтобы найти одну вещь, потому что не помню, где я ее оставила.

— Что? — изумилась Айрин, возмущенная поведением Карлы и полным пренебрежением к ее, Айрин, душевному спокойствию. — Что, бога ради, могло вам так срочно понадобиться в два часа ночи?

— Не ваше дело! — раздраженно ответила Карла и со стуком поставила кружку на кухонный стол, пролив чай на пол. — Извините, — спохвати-

лась она, потянулась за бумажным полотенцем и, наклонив голову, вытерла пролитую жидкость. — Господи! — Она уткнулась лицом в колени, а ее руки безвольно свесились по сторонам. — Извините меня, — пробормотала она, — извините.

Айрин протянула руку и осторожно положила ее на плечо Карлы.

— Все в порядке, — сказала она, немного озадаченная таким проявлением слабости. — Вставайте, ну же.

Карла выпрямилась. Она плакала — не громко и демонстративно, а тихо и достойно, как и надлежало Карле: слезы элегантно катились по ее щекам и капали с подбородка на воротник белоснежной блузки. Закрыв глаза, она прижала ладони к скулам.

— Все хорошо, — произнесла Айрин мягко, как обычно говорят с домашним питомцем или маленьким ребенком. — Возьмите свой чай, вот так, — продолжила она и повела Карлу из кухни в гостиную, где они сели рядом на диване.

— У меня в сумке, — начала объяснять Карла немного погодя, — были кое-какие вещи. Немного одежды и пара шкатулок для драгоценностей. Они были со мной, когда я приходила сюда сегодня, то есть вчера… неважно. Я в этом уверена.

— И теперь вы не можете их найти?

Карла кивнула.

— Что-то ценное?

— Как сказать, — пожала плечами Карла. — Не знаю… Обручальное кольцо моей матери… наверное, оно не много стоит. Но медальон святого Христофора… Он принадлежал моему сыну.

— О, Карла.

— Я не могу его лишиться, не могу. Мы купили медальон на его крестины, сделали гравировку… — Она потрясла головой, смахивая слезы. — Он, конечно, никогда его не носил, был слишком маленьким, но ему *нравилось* на него смотреть, вытаскивать из коробки, хотелось с ним поиграть, вы же понимаете, как это бывает у детей. Но я всегда говорила ему, что пока не могу ему отдать медальон, что это очень ценная вещь и его надо убрать, а я сберегу и сохраню его для него… Я обещала сохранить медальон для него и все это время хранила, а вот сейчас… — Она замолчала и отвернулась.

— Боже, мне очень жаль, — сказала Айрин. — Но зачем приносить его в дом? Вы куда-то шли? Может, куда-то заходили? В магазин, может, просто переложили…

— Нет-нет. Я больше никуда не заходила. Я

просто… я хотела, чтобы эти вещи были со мной. Я хотела иметь их при себе, когда… — Она отвернулась.

— Когда что? — Айрин никак не могла понять.

— Я… Я была в отчаянии, — сказала Карла. Она повернулась, и их взгляды встретились.

Айрин прикрыла рот рукой. Теперь она поняла.

— О, Карла, — сказала она. — О, нет!

Карла снова покачала головой:

— Это не имеет значения. Это не имеет значения.

— Имеет! Конечно, имеет, — Айрин нежно накрыла рукой руку Карлы. — Сначала сын, теперь сестра и Дэниел, да еще почти одновременно. Как такое вынести?!

Карла улыбнулась и, высвободив руку, вытерла со щек слезы:

— Нам не очень повезло.

— Вы скорбите, — возразила Айрин, — а в таком состоянии невозможно мыслить здраво. Я сама прошла через это, когда потеряла мужа. Я думала об этом — положить всему конец. Не видела особого смысла продолжать жить, оставшись одна-одинешенька на всем белом свете. Знаете, из депрессии меня вытащила ваша сест-

ра. Она просто все время приходила, приносила маленькие миндальные пирожные, которые ей нравились… Кажется, шведские? Нет, датские, точно. А иногда суп или просто кофе, не важно что, и рассказывала, что читала, ну, все такое. Это она, Энджи, спасла мне жизнь.

Лицо Карлы потемнело, и она отвернулась.

— Я знаю, что между вами не всегда все было гладко, но она любила вас, — продолжила Айрин. — И… вы любили Дэниела, верно? Он так много значил…

Карла поднялась.

— Вам нужно снова лечь в постель и постараться уснуть, — торопливо объяснила она и отнесла кружку на кухню. — Я же не дала вам спать.

— Ну, сплю я все равно плохо, — заверила Айрин. — Если хотите, можете остаться на ночь у меня…

— Нет, что вы, — произнесла Карла таким тоном, словно сама мысль об этом вызывала у нее ужас. Когда она вернулась с кухни, на ее лице не было никаких эмоций. Она остановилась в дверном проеме, выпрямив спину, гордо подняв подбородок и сжав губы. — Пожалуйста, Айрин, не вставайте, — сказала она. — Благодарю за чай. И прошу прощения за причиненное беспокой-

ство. Я пойду к себе домой, чтобы больше вас не беспокоить.

— Карла, я… — Айрин замялась. Ей хотелось успокоить и приободрить Карлу, сказать ей что-то обнадеживающее. Но ничего в голову не приходило, и тогда она спросила: — С вами все будет в порядке? Правда?

Сначала Карла, казалось, не поняла вопроса, а потом покраснела.

— О боже! Ну, конечно! Вам не о чем беспокоиться. Не уверена, что могла бы довести дело до конца. Одно дело представлять это, а в реальности… — она не закончила фразу. — Я даже принесла с собой собачий поводок.

Айрин вздрогнула и почувствовала, как по всему телу у нее пробежали мурашки при мысли о том, что в соседнем доме за тонкими, как бумага, стенами мог оказаться *еще один* труп, ожидающий, когда его обнаружат.

— Конечно, это поводок не моей собаки, — продолжала Карла. — У меня ее нет. Но у моего бывшего мужа она была, и мне кажется, что подсознательно я хотела уберечь себя от непоправимого. — Она едва заметно улыбнулась своим мыслям. — Мне кажется, я знала, что поводок напомнит мне о его маленькой собачке, о том, как

сильно он ее любил и как сильно любит меня, и это меня остановит. — Она пожала плечами, и на ее лице уже не было заносчивости и высокомерия. — Во всяком случае, сейчас мне так кажется.

— О! — воскликнула Айрин, внезапно вспомнив. — Совсем забыла вам сказать. Ваш бывший муж приходил вас искать. Он был здесь…

— *Здесь?*

— Ну, на улице, в переулке, стучался в дверь к Анджеле. Сначала я не узнала его, но потом вспомнила, что он приходил раньше, я видела, как он разговаривал с Анджелой, поэтому…

Карла покачала головой:

— Нет, это не мог быть Тео.

— Это был он, определенно…

— Вы ошибаетесь, Айрин, мой муж никак не мог…

— Но я видела его с ней, — настаивала Айрин. — Я видела, как они разговаривали на улице. Она плакала. Анджела плакала. Мне кажется, они ссорились.

— Айрин, — Карла повысила голос, а на ее щеках появились два темных пятна, — Тео не разговаривал с моей сестрой. Он бы никогда…

— С ним была маленькая собачка. Терьер, черный с подпалинами.

Карла медленно моргнула.

— Вы видели его с Анджелой? — переспросила она.

Айрин кивнула.

— Когда?

— Я не уверена, это было…

— Сколько раз?

— Думаю, всего один. Они стояли на улице, в переулке. Анджела плакала.

— Когда, Айрин?

— За неделю или две до ее смерти, — ответила Айрин.

Оказавшись снова в своей постели, Айрин лежала без сна и смотрела, как сквозь щель в шторах пробивается серый свет. Наступало утро. Она вернулась в спальню, чувствуя полное изнеможение и зная, что вряд ли уснет. То, что она сказала Карле о своей бессоннице, было правдой, поскольку это был еще один побочный эффект старости. Но она сомневалась, что смогла бы заснуть в любом возрасте и при любом самочувствии, увидев, в какой шок вверг Карлу ее рассказ о визите Тео Майерсона.

19

— Я просто прошу! Вашу мать! Впустите меня!

В половине десятого утра Лора стояла под проливным дождем на тротуаре возле прачечной. Прерывисто дыша, она лишь смутно ощущала, как мимо спешат наемные рабы под зонтиками, старательно обходя сумасшедшую, размахивающую рюкзаком и изо всех сил колотящую им в дверь прачечной.

— Я не насчет работы! — крикнула она. — Меня не волнует работа, можешь засунуть ее себе в задницу! Мне надо поговорить с Таней! Ради бога, Майя! Впусти меня!

Майя стояла с невозмутимым видом по другую сторону стеклянной двери, скрестив на груди руки.

— Лора, — крикнула она, — тебе нужно успокоиться! Ладно, даю тебе тридцать секунд, чтобы ты успокоилась и ушла. В противном случае я звоню в полицию. Ты меня понимаешь, Лора?

Лора присела и сильно прикусила губу. Она почувствовала, как к горлу подступила тошнота, а выброс адреналина заполнил рот слюной и

заставил сердце бешено колотиться. Подобрав в сточной канаве пустую бутылку из-под пива, она замахнулась ею.

Ее руку кто-то неожиданно перехватил и резко вывернул за спину. Почувствовав острую боль в плече, Лора вскрикнула и уронила бутылку. Ее руку отпустили, и раздался женский голос:

— Что, черт возьми, ты делаешь?

Потирая левой рукой ноющее правое плечо, Лора повернулась и увидела, что ей помешала хоббит. Так ее называли в прачечной, потому что она была волосатой, невысокого роста и выглядела так, словно запросто могла жить в норе, лабиринте или чем-то подобном, хотя в действительности жила в плавучем доме, что тоже было само по себе довольно необычно.

— Ну? — Женщина нахмурилась скорее озадаченно, чем сердито. Вот так же вел себя отец, когда на нее сердился, разве что пытался этого не показывать и лишь говорил: *Я не злюсь, цыпленок, я просто разочарован.*

— Меня не пускают внутрь, — устало произнесла Лора, чувствуя, что красный туман, застилавший глаза, быстро рассеивается. — Она меня не впустила, а я и не думала скандалить, просто хотела поговорить с Таней по одному вопросу. Это

даже не имеет отношения к прачечной, это даже не… — Лора замолчала. Это было бессмысленно. Все это бессмысленно. Она опустилась на край тротуара, уткнув подбородок в колени. — Я не хотела создавать никаких проблем.

Тяжело опираясь на плечо Лоры, хоббит опустилась на землю рядом с ней.

— Понятно, — хрипло отозвалась она, — только я не уверена, что бросать бутылки — лучший способ избежать неприятностей.

Лора подняла на нее взгляд, и хоббит улыбнулась, обнажив кривые желтые зубы.

— Я не могу вспомнить, как вас зовут, — сказала Лора.

— Мириам, — ответила женщина и похлопала Лору по колену. — Я так понимаю, ты там больше не работаешь? Я заметила твое отсутствие.

— Меня уволили, — печально призналась Лора. — Я не вышла на работу две смены подряд, и это уже случалось раньше. И не позвонила, чтобы предупредить Майю, отчего ей пришлось пропустить день рождения внука, и это действительно полная задница. Но дело в том, что так получилось и никакой моей вины в этом нет.

Мириам снова похлопала ее по колену.

— Мне так жаль. Это ужасно. Ужасно потерять

работу. Я знаю, каково это. Хочешь пойти куда-нибудь выпить чашку чая? Я хочу тебе помочь.

Лора немного отодвинулась.

— Пару раз меня саму выручала доброта незнакомых людей, — пояснила Мириам. — Я знаю, каково это. Поначалу это настораживает и сбивает с толку, верно? — Лора согласно кивнула. — Но я думаю, — продолжала Мириам, приветливо улыбаясь, — я думаю, ты увидишь, что мы с тобой действительно очень похожи.

Вот это уж хрен тебе, подумала Лора, но ничего не сказала, потому что понимала: женщина просто проявляет участие.

— Итак, через четыре года после того, как я попала под машину, моя мать вышла замуж за человека, который был за рулем той машины и сбил меня, когда я ехала на велосипеде. — Лора сделала паузу, чтобы добавить молока в чай, который налила в чашки, и протянула Мириам ту, на которой было меньше сколов. — Такой облом кого угодно собьет с катушек и все такое, без вопросов. Я хочу сказать, что если попадаешь под машину, то физически чувствуешь себя уделанной — со всей этой болью, шрамами и разными *нарушениями*, верно? — Она показала на свою больную левую ногу. — Но это далеко не самое

плохое. Самое страшное — это чувства, проблемы с головой. Вот что калечит навсегда.

Мириам сделала глоток и кивнула:

— Полностью с этим согласна.

— И вот теперь, — продолжала Лора, опускаясь на стул, — я иногда совершаю глупости, как, например, сегодня утром, или что-то похожее… И случается это, когда я даже не собираюсь ничего такого делать, хотя, бывает, и намеренно. Просто как будто процесс запущен, и я не могу его остановить. И все, что я могу, так это как-то вмешаться и попытаться свести к минимуму вред для себя, что в конечном итоге нередко причиняет вред другим людям, хотя и не *нарочно*. Не преднамеренно.

Хоббит снова понимающе кивнула.

— А люди не верят и презрительно фыркают, понимаете? Такие люди, как моя мачеха, или учителя, или полиция, или Майя, или еще кто, насмешливо кривятся, когда я говорю, что это не моя вина. Типа, если вина не моя, то тогда чья?

Джанин, мать Лоры, стояла на подъездной дорожке перед домом и смотрела на висевшие на яблоне кормушки для птиц. *Надо бы насыпать в них корм.* Она не была уверена, что корм еще остался, но идти в магазин ей сейчас не хоте-

лось: снег шел уже давно, и дороги наверняка будут ужасными. Она закрыла глаза и глубоко вздохнула, наслаждаясь освежающим легкие холодным воздухом и почти идеальным безмолвием, которое внезапно и резко нарушил визг тормозов. Наступила долгая, щемящая тишина, а затем послышался ужасный, тошнотворный треск. Дорога длиной около двухсот ярдов была обсажена деревьями, а на краю участка росла живая изгородь, так что увидеть произошедшее Джанин не могла, но она догадалась. Когда появились полицейские, она сказала, что просто почувствовала — случилось нечто ужасное.

Машина уехала, не остановившись. Лора лежала на дороге с вывернутыми под неестественным углом ногами. Упав на колени рядом с дочерью, Джанин увидела, как из-под шлема Лоры на скользкий мокрый асфальт сочится струйка крови. Она полезла в карман за телефоном, но его там не оказалось, и она стала кричать и звать на помощь, однако никто не услышал, потому что соседний дом находился в полумиле.

Полиция спрашивала, что она видела и слышала, возможно, заметила краем глаза хотя бы цвет машины? Джанин покачала головой:

— Это моя вина. Это я виновата.

— Вашей вины тут нет, миссис Килбрайд. Это вина водителя, сбившего Лору, — сказала ей женщина-полицейский. Она обняла Джанин за плечи и сжала их. — Мы найдем его. Или ее. Мы найдем того, кто это сделал. Не волнуйтесь, им не сойдет это с рук.

Джанин отстранилась от нее — в ее глазах стоял бледный бессловесный ужас.

Его действительно нашли. Система видеонаблюдения за полмили от места происшествия зафиксировала две машины, проезжавшие по дороге через несколько минут после наезда: первая, принадлежавшая пожилой женщине, оказалась в полном порядке, без каких-либо следов столкновения. Владельцем второй был торговец предметами искусства и антиквариата Ричард Блейк, живший в Петворте, в нескольких милях от места происшествия. Когда полиция разыскала его, он заявил, что его машину угнали накануне ночью, но сообщить об этом полиции он не успел. Когда полицейские уходили, Ричард сдавленным голосом поинтересовался:

— С ней все будет в порядке?

— С кем все будет в порядке? — переспросила женщина-полицейский.

— С маленькой девочкой! — выпалил он, сжи-

мая руки.

— Я упомянула о ребенке, мистер Блейк. Я не говорила, что это девочка. Как вы узнали, что жертвой была девочка?

Преступным гением Ричард Блейк точно не являлся.

Вот так все и случилось. И Лора этому верила. Так ей рассказали — а ей тогда было всего десять лет, — и так она считала.

Сначала она, конечно, вообще никак не считала, потому что находилась в коме. Двенадцать дней без сознания, а затем, наконец очнувшись, она попала в новый мир, в котором у нее был перелом таза, сложный перелом дистального отдела бедренной кости, перелом черепа. Казалось, в ее мире произошел полный сброс до заводских настроек, и она все начинала с нуля. Ей пришлось заново учиться говорить, читать, ходить, считать до десяти.

Она не помнила ни аварию, ни предшествующие ей месяцы — все воспоминания о новой школе, новом доме, новом велосипеде исчезли. Сохранились лишь очень смутные воспоминания об их старом доме в Лондоне и соседском коте. После этого все расплывалось.

Однако со временем память постепенно стала

к ней возвращаться. За несколько недель до выписки из больницы она сказала отцу:

— Дом, в котором мы сейчас живем, — у подножия холма. Так?

— Так! — улыбнулся он ей. — Ты просто молодец! А еще что-нибудь помнишь?

— Одноэтажный летний дом с верандой, — сказала Лора, и он снова кивнул.

Она нахмурилась.

— Машина. Зеленая.

Отец покачал головой с печальной улыбкой.

— Боюсь, она красная, цыпленок. У меня красный «Вольво».

— Нет, *не наша* машина. А та, что меня сбила. Она была зеленой. Она ехала по нашей дорожке, — сказала она. — Отъезжала от нашего дома, когда я возвращалась домой.

Улыбка сползла с лица отца.

— Ты не помнишь аварию, цыпленок. Ты не можешь ее помнить.

Через несколько дней, когда мать приехала ее навестить (родители больше не навещали ее вместе, что казалось ей странным), Лора спросила о машине, которая ее сбила:

— Она была зеленая, верно? Я уверена, что зеленая.

Мать занялась расстановкой на подоконнике карточек с пожеланиями скорейшего выздоровления.

— Знаешь, мне трудно сказать. Я не видела ту машину.

Лгунья.

Мать Лоры Джанин стояла на подъездной дорожке перед домом и чувствовала в теле дрожь, хотя и сунула ноги в угги и закуталась в шелковый банный халат фисташкового цвета. Ее кожа покраснела от секса. Они потеряли счет времени и лежали обнявшись, когда она посмотрела на часы мужа на тумбочке возле кровати и сказала:

— Черт, Лора сейчас вернется домой.

Ричард начал поспешно одеваться и чуть не упал, натягивая штаны, и они смеялись, предвкушая следующую встречу. Она проводила его и поцеловала, когда он садился в машину, а он сказал, что любит ее. Она стояла на подъездной дорожке, запрокинув голову и наблюдая, как падает снег, а потом открыла рот, чтобы почувствовать снежинки на языке. Его слова продолжали звучать эхом у нее в голове, а затем она услышала звук удара и поняла: с Ричардом случилось что-то ужасное.

Джанин бросилась бежать по дорожке. Сна-

чала она увидела его машину — темно-зеленый «Мерседес», полуразвернувшись, перегораживал дорогу. Ричард же стоял на коленях к ней спиной, и плечи у него дергались. Подбежав к нему, она увидела, что он рыдает, роняя слезы на переломанное тело ее дочери.

— О боже, боже! Пожалуйста, Господи, нет, пожалуйста, Господи, нет! Джанин, она ехала посередине дороги! Пожалуйста, Господи, нет, пожалуйста, Господи, нет!

Джанин схватила его за руку и начала поднимать на ноги.

— Тебе необходимо уехать, — сказала она, сама удивившись, насколько буднично прозвучал ее голос. — Ты должен сесть в машину и уехать, уехать прямо сейчас. Ступай, Ричард, я позабочусь о ней. Ну же!

— Она истекает кровью, Джанин. Это плохо. О боже, это плохо!

— Тебе нужно ехать! — снова сказала она, и, когда он не двинулся с места, стала кричать:

— Ну же, Ричард! Езжай! Сейчас же. Тебя здесь не было. Тебя здесь никогда не было.

Лгунья, лгунья.

Все это выяснится позже. Все убеждали Лору (все — это ее родители, доктор и психолог) не

читать в Интернете о том, что произошло, говорили, что ей от этого не станет легче, а только расстроит, напугает и вызовет кошмары. Лоре исполнилось всего одиннадцать, но родилась она *не вчера* и сочла это не только полной чушью, но и весьма подозрительным. Как выяснилось, не зря: она оказалась права.

Первым, что она нашла, погуглив в Интернете, была статья с заголовком «Задержан водитель, сбивший девочку и скрывшийся с места происшествия». Там была ее фотография, на которой она глупо ухмылялась в камеру и выглядела полной кретинкой в школьной форме. Лора начала читать:

> Торговец произведениями искусства Ричард Блейк был вчера приговорен к четырем месяцам тюремного заключения за аварию, в результате которой серьезно пострадала местная одиннадцатилетняя школьница Лора Килбрайд.

Лора перечитала это предложение еще раз. *Ричард?!*

Но этого не могло быть. Она знала Ричарда. Ричард вел уроки рисования, на которые ходила мама. Ричард был хорошим. У него было откры-

тое, дружелюбное лицо, он всегда смеялся. Лоре нравился Ричард, он был добр к ней, однажды они даже вместе играли на автостоянке в футбол, пока она ждала маму из супермаркета. Ричард ни за что бы с ней так не поступил. Он бы никогда не уехал, не вызвав «Скорую помощь».

Однако это открытие было чепухой по сравнению с шоком, который она испытала, продолжив читать:

> 45-летний Блейк, который признал себя виновным в том, что не остановился и не сообщил о происшествии, во время описываемых событий состоял в интимных отношениях с матерью пострадавшего ребенка, Джанин Килбрайд. Миссис Килбрайд, 43 лет, прибывшая на место происшествия сразу после аварии, вызвала своей дочери «Скорую помощь», но заявила полиции, что не видела сбившую ее дочь машину. За предоставление полиции ложной информации Джанин Килбрайд была оштрафована на 800 фунтов.

Вспоминая тот период, Лора пришла к выводу, что момент, когда она это прочитала, стал для нее

началом конца. Понятно, что ее тело уже было переломано и мозговая деятельность нарушена, но от подобных повреждений человек может оправиться. *Но от этого*?! Осознание того, что ей лгали оба родителя и все, кто о ней заботился, оказалось сокрушительным ударом, пережить который невозможно, и после которого ты уже никогда не будешь прежним. Это осознание и связанное с ним ощущение предательства изменили ее. Выжгли на ней клеймо.

Озлобили ее.

20

Мириам могла распознать людей со сломанными судьбами, когда их видела. Считается, что это видно по глазам, настороженному выражению лица и тому подобному. Мириам это допускала, но для нее главным признаком было то, как человек двигался и как себя держал. Она, конечно, не могла видеть этого в себе, но она это чувствовала. Да, теперь она старая, тяжелая и медлительная, но по-прежнему держится настороже. По-прежнему относится ко всему с подозрением. Всегда готовая к тому, что в висках тревожно застучит кровь.

Увидев, как Лора закатила возле прачечной настоящую сцену, Мириам немедленно воспользовалась предоставленным ей шансом. Она быстро вмешалась, подняла рюкзак Лоры, извинилась перед разгневанной хозяйкой и ловко увела девушку прочь. Потом предложила ей чашку чая у себя дома, но Лора отказалась. Что было вполне естественно, учитывая обстоятельства. Достаточно вспомнить, в какую передрягу она угодила в прошлый раз, когда приходила в

плавучий дом.

Тогда они отправились к Лоре. Что оказалось, мягко говоря, весьма суровым испытанием. Лора жила в муниципальной квартире на седьмом этаже многоэтажного дома возле Спа-Филдс, а лифт не работал. Мириам даже засомневалась, сможет ли вообще подняться наверх: она была мокрой от пота и несколько раз останавливалась, чтобы перевести дыхание. А шантрапа на лестничной клетке потешалась над ней:

— *Ты только глянь, чувак, у нашей бабуси прихватило сердце!*

Однако, оказавшись в квартире, она решила, что изнурительный подъем того стоил. Свежий ветерок, отсутствие затхлой вони от канала, а какой великолепный вид! На переднем плане — шпиль церкви Святого Иакова, за ним — громадные башни модернистского жилого комплекса Барбикан и тихое великолепие собора Святого Павла, а еще дальше — сверкающие стеклянные фасады Сити. Лондон во всей своей красе, о которой забываешь, когда живешь так близко от земли.

А Лора, казалось, ничего этого не замечала. Наверное, привыкла, подумала Мириам, да и больная нога, похоже, давала о себе знать все

больше и больше — с каждым этажом ее хромота усиливалась. Когда наконец они подошли к двери квартиры, Мириам — просто из вежливости — тактично спросила об этом, ожидая банального ответа: вывихнутая лодыжка, падение подшофе, но вместо этого услышала печальный рассказ, в который с трудом могла поверить. Ужасные родители, жуткая случайность, и теперь она фактически брошена на произвол судьбы. Мириам почувствовала к ней щемящую жалость. Такое начало жизни? Теперь ее «странности» и эмоциональная реакция уже не вызывали удивления.

Ее жалость к девушке усилилась, когда она увидела всю убогость ее жилища. Дешевая уродливая мебель на сером акриловом ковре, пожелтевшие от никотина стены. Это был дом, лишенный самых обычных атрибутов детства: ни ярких покрывал или подушек, ни украшений или наград, ни книг на полках, ни плакатов на стенах. В квартире не было ничего, кроме единственной фотографии в рамке, на которой были запечатлены родители с ребенком. Однако облегчение при виде хоть такой привычной вещи исчезало, стоило подойти к ней поближе, как это сделала Мириам, перешагнув через груду одежды, брошенной на полу гостиной. Она увидела, что

фотография была обезображена: глаза ребенка зачеркнуты крестами, а закрашенный красным рот казался окровавленным. Мириам содрогнулась. Обернувшись, она увидела, что Лора смотрит на нее со странным выражением. По коже Мириам пробежали мурашки.

— Так что там с чаем? Будем пить? — спросила она с наигранной веселостью.

(Сломанная судьба, сумасбродство — кто знает, что скрывается за этими красивыми глазками, что творится у нее в голове?)

Они пили чай на кухне, и Мириам рискнула нарушить воцарившуюся неловкую тишину.

— А ведь я тебя знаю, — сказала она, теребя в кармане ключ на брелоке, подобранный с пола баржи.

Лора взглянула на нее.

— Ну да. По прачечной самообслуживания. Все верно.

Мириам покачала головой с легкой улыбкой.

— Не только. Я знаю, почему ты не захотела пойти на канал.

Скучающее выражение на лице девушки сменилось испугом.

— Тебе не о чем волноваться, — успокоила ее Мириам. — Я на твоей стороне. Я знаю, что это

с тобой полиция говорила о нем. О Дэниеле Сазерленде.

— С чего вы взяли?

Так и есть: девушка напряглась, готовая ко всему. Бежать или драться.

— Это я его нашла, — ответила Мириам. — Я живу на барже «Лоррейн». Зеленой с красной полосой, ты, наверное, ее видела — она пришвартована всего в нескольких ярдах от баржи Дэниела. — Она улыбнулась, предоставляя Лоре возможность осмыслить услышанное. — Это я его нашла. Нашла его тело. Это я вызвала полицию.

Глаза Лоры расширились.

— Вы серьезно? *Охренеть!* Картинка, должно быть, была еще та, — сказала она. — Увидеть его… все… залитое кровью.

— Да уж, — согласилась Мириам. Она вспомнила жуткую рану на шее Дэниела, белизну его зубов. Интересно, возник ли в сознании Лоры в тот момент такой же образ, не стало ли на мгновение их восприятие одинаковым? Она попыталась встретиться с Лорой взглядом, но та уже отодвинула свой стул, поднялась на ноги и потянулась через плечо Мириам за пустой кружкой.

— А вы… а вы потом общались с полицией? — поинтересовалась Лора, и ее голос стал странно

высоким. — Я имею в виду, после того как вы его нашли. Они вас держат в курсе? Потому что я смотрю новости, и впечатление такое, что ничего не происходит, а ведь прошло уже больше недели с тех пор, как он… как его нашли, значит… — Она замолчала и повернулась к Мириам спиной, переставляя кружки в раковину.

Мириам не стала отвечать сразу и подождала, когда Лора опять повернется к ней лицом.

— Я видела, как ты уходила, — сказала она. — За день до того, как я его нашла. Я видела, как ты выходила с баржи.

Глаза Лоры округлились.

— И что?! — вызывающе спросила она. — Что я там была, никакой не секрет. Я сказала полиции, что была там. Это всем известно. Я не солгала.

— Я знаю, что ты не лгала, — заверила Мириам. — Зачем тебе лгать? Ты же не сделала ничего плохого.

Лора снова отвернулась. Она открыла кран, ополоснула кружки под струей воды — ее движения были нервными и порывистыми. Мириам было ужасно ее жаль, она видела, что все действия девушки управляются статусом жертвы, уготованным ей судьбой.

— Ты не расскажешь мне, что случилось? — мяг-

ко спросила Мириам. — Не расскажешь, что он сделал? — Мириам затаила дыхание и услышала, как в ушах у нее застучала кровь; она почувствовала, что наступил решительный момент для завоевания чего-то важного, а именно — доверия. Расположения. Может, даже дружбы? — Я на твоей стороне, — повторила она.

— На моей стороне? — Лора хрипло и презрительно рассмеялась. — На моей стороне никого нет.

Но может быть, хотелось сказать Мириам. *У тебя может быть союзник. Мы могли бы объединиться против них! Против тех, кто считает себя пупом земли, а нас никем. Мы можем доказать, как они ошибаются. Мы могли бы показать им, что тоже можем быть сильными, — ты здесь, в своей обшарпанной квартире, а я там, в плавучем доме на воде. Пусть мы не живем в элитных особняках, не стрижемся в дорогих салонах, не отдыхаем за границей и не имеем хороших картин на стенах, но это не делает нас никем.* Мириам хотелось сказать так много, но ей следовало быть осмотрительной, действовать с оглядкой и ни в коем случае не форсировать события.

Она решила слегка сменить тему, чтобы про-

зондировать почву.

— А тебе что-нибудь известно о его семье? Семье Дэниела Сазерленда?

Лора пожала плечами:

— Его мать умерла. Умерла совсем недавно. Он сказал, что она пила. У него есть тетя. Я встретила ее у Айрин.

— Айрин?

— Моей подруги.

— Какой подруги? — не унималась Мириам.

— Просто подруги. Вас это точно не касается. — Лора засмеялась. — Послушайте, было приятно поболтать и все такое, но я думаю…

— Ну что ж, — перебила ее Мириам. — Я довольно много знаю о его семье и думаю, что то, что я знаю, может показаться тебе весьма интересным.

Лора теперь стояла, прислонившись к стойке, и ковыряла в ногтях, не проявляя к разговору никакого интереса.

— Дело в том, что, по-моему, это могла быть *она*, — сказала Мириам.

— Она? — Лора подняла взгляд.

— Я думаю, его тетя может иметь к этому какое-то отношение.

— К чему? — нахмурилась Лора.

— К его смерти!

Лора недоверчиво рассмеялась.

— Его *тетя*?

Мириам почувствовала, что краснеет.

— Я не шучу! — возмутилась она. — Я видела ее там, видела, как она навещала его, точно так же, как и ты, и считаю, что между ними что-то произошло.

Лора пристально смотрела на нее, наморщив нос.

— Я думаю, — продолжала Мириам, — и это очень важно… Я думаю, что ее муж — ее *бывший* муж, я имею в виду Тео Майерсона… думаю, он, возможно, пытается все это скрыть, потому что…

Продолжая говорить, Мириам видела, как менялось выражение лица девушки — от скепсиса к недоверию и даже подозрению. Мириам поняла, что утратила ее доверие. Как она может быть такой глупой? Разве она не понимает, что по меньшей мере в ее собственных интересах перевести стрелки на кого-то еще? Разве не очевидно, что версия Мириам была бы ей полезна?

— Это может показаться неправдоподобным, — произнесла наконец Мириам, — но, думаю, ты поймешь…

Лора улыбнулась.

— Вы одна из тех, — сказала она беззлобно, — кому нравится чувствовать свою причастность. Вам одиноко, вам скучно, у вас нет друзей, и вы хотите, чтобы на вас обратили внимание. И думаете, что я такая же, как вы! Но нет! Извините, вы ошибаетесь!

— Лора, — сказала Мириам, от отчаяния повышая голос, — ты меня не слушаешь! Я считаю…

— Меня не волнует, что вы считаете! Извините, но я думаю, что у вас проблемы с головой. Откуда мне вообще знать, что вы говорите правду? Откуда мне знать, что вы видели меня на барже? Откуда мне знать, что вы и впрямь его нашли? Может, вы вообще не видели тело! Может, он был жив и здоров, когда вы туда спустились! Может, вы сами его зарезали?! — Лора бросилась к Мириам, широко открыв красный рот. — Эй, — смеялась она, прыгая вокруг стола, — может, мне стоит прямо сейчас позвонить в полицию? — Она изобразила, что набирает номер. — Приезжайте скорее! Скорее, в моем доме умалишенная! В моем доме какая-то безумная женщина-хоббит! — Запрокинув голову, она захихикала как сумасшедшая, и пустилась в пляс прямо перед Мириам, едва ее не задевая.

С трудом поднявшись на ноги, Мириам отшат-

нулась от Лоры.

— Да что с тобой?

Но девушка истерически смеялась, потерявшись в своем собственном мире, ее глаза блестели, а острые зубки сверкали белизной в алых губах.

Мириам почувствовала, как глаза ей застилают слезы. Ей нужно уйти, уйти отсюда как можно скорее. Она вышла из квартиры, изо всех сил стараясь сохранить достоинство, а вдогонку ей несся ужасный смех. В изнеможении она спускалась вниз по бесконечным ступенькам, чувствуя, как ноги и сердце налились свинцом.

Домой Мириам вернулась в слезах, что было чрезмерной, хоть и привычной реакцией на недоброжелательность чужих людей. Она слишком остро реагировала на пренебрежение — такова была ее особенность, и она о ней знала, хотя это вовсе не означало, что впредь ничего подобного с ней не случится. Мириам утратила талант дружить еще в детстве, и вернуть его было практически невозможно. Подобно одиночеству, отсутствие таланта дружить вечно: чем упорнее вы стараетесь понравиться людям, тем меньше у вас на это шансов. Обычно люди сразу чувствуют какую-то фальшь и уклоняются от дальнейшего

общения.

Хуже всего был не результат, не насмешки и издевки, не оскорбительные колкости по поводу ее внешности, а то, что Лора сказала раньше. *Вам одиноко, вам скучно… и вы думаете, что я такая же, как вы!* А Мириам действительно думала, что Лора на нее похожа. Это было хуже всего — знать, что твои сокровенные мысли прочитаны, и быть отвергнутой.

В каюте своей баржи Мириам хранила экземпляр книги «Сумевшая спастись», в котором отметила разделы, имевшие бесспорное сходство с ее собственными мемуарами. Страницы в конце книги были испещрены ее каракулями: синие чернила, которыми она писала, проступали насквозь, и эти заметки могла прочитать только она сама. В них она ругала Майерсона за искажение своей истории, за все, что он пересказал — как правильно, так и неправильно.

Привычное течение жизни меняют мелочи. То, что случилось с Мириам, не было мелочью, это было очень важным событием, но началось все с малого. Со слов Лоррейн о том, что терпеть два часа запах кофе изо рта мистера Пиктона выше ее сил, что биология скучный предмет, а в магазине «Мисс Сэлфридж» началась распродажа. Мириам

не хотелось прогуливать, потому что она боялась возможных неприятностей.

— Не будь такой размазней, — сказала Лоррейн.

Мириам не стала спорить: ведь они только что помирились после последней ссоры из-за парня по имени Иэн Гладстон, который много лет нравился Мириам и с которым Лорри закрутила на вечеринке. Об этом Мириам узнала позже.

— Мне очень жаль, — объяснила Лорри, — но ты его не интересуешь. Я спросила, нравишься ли ты ему, и он сказал, что нет. Я не виновата, что он выбрал меня.

После этого они не разговаривали неделю, но других подруг у Мириам не было, да и Иэн Гладстон того не стоил.

— Он целуется, как стиральная машина, — сказала Лорри, смеясь и описывая в воздухе круги языком.

Тогда это казалось мелочью.

На ферме Джез скрутил косяк. Он сидел на софе в гостиной, согнув длинные ноги и высоко подняв колени. Лизнул бумагу, проведя толстым языком по покрытому клеем краю, и аккуратно скатал самокрутку указательным и большим пальцами. Потом зажег ее, сделал затяжку и протянул

Лоррейн, переминавшейся с ноги на ногу у дивана. Мириам осталась стоять у двери. Лоррейн сделала затяжку, потом вторую и предложила косяк Мириам, которая отрицательно покачала головой. Лоррейн сделала большие глаза, как бы говоря «Давай, не дрейфь», но Мириам снова покачала головой. Джез слез с софы, забрал у Лоррейн самокрутку и, медленно выйдя из комнаты, направился в глубь дома.

— Кто-нибудь хочет пива? — крикнул он через плечо.

— Пойдем, — прошипела Мириам Лоррейн. — Я хочу убраться отсюда.

Согласно кивнув, Лоррейн посмотрела в грязное окно на машину, а затем снова на Мириам.

— Может, сказать ему, что нам нужно вернуться в школу? — предложила она. — Нет, давай просто…

Джез вернулся слишком быстро и принес две бутылки пива.

— Думаю, — сказал он, не глядя на них, — нам с Лоррейн надо ненадолго уединиться.

Лоррейн засмеялась и сказала:

— Нет, все в порядке, только нам действительно пора уезжать.

Джез поставил бутылки на пол, быстро подо-

шел к Лоррейн и ударил ее по горлу.

Ноги Мириам налились свинцом и не желали слушаться. Она пыталась убежать, но все время спотыкалась о разбросанные повсюду вещи, и он поймал ее у входной двери, схватил за завязанные в конский хвост волосы и с силой рванул назад. Она упала. Джез поволок ее в глубь дома по покрытому мышиным пометом и окурками полу. Лоррейн лежала на боку — глаза широко открыты, взгляд безумный, при каждом вздохе она издвала странный хрип. Мириам окликнула Лорри, но Джез сказал, что, если она еще раз откроет свой поганый рот, он ее убьет.

Он отвел Мириам в пустую комнату в задней части дома и толкнул на пол.

— Жди здесь, — сказал он ей. — Много времени это не займет. — Потом закрыл дверь и запер ее.

(Что не займет?)

Она подергала дверную ручку, потянула дверь на себя, толкнула ее и даже попыталась выбить с разбега.

(Что не займет?)

Ей показалось, что она слышит плач Лоррейн.

(Что не займет?)

Позади нее находилось окно — достаточно большое, чтобы попробовать в него пролезть, и,

к счастью, только с одним стеклом. Окно было заперто, но тонкое стекло оказалось старым и треснутым. Мириам сняла футболку и обернула ею руку. Попыталась выдавить стекло, но действовала слишком осторожно. Ей не хотелось шуметь. Или пораниться.

Она напомнила себе, что то, что ждет ее впереди, будет гораздо хуже порезанной руки. И что времени у нее мало. Ровно столько, сколько ему понадобится, чтобы разобраться с Лоррейн.

Она снова ударила по стеклу, на этот раз сильнее, а потом — уже со всей силы. Стекло разбилось, и рука, по инерции продолжив движение, налетела на торчащий осколок. Он глубоко вонзился ей в предплечье, заставив вскрикнуть от шока и боли. Чтобы заглушить собственные крики, она в отчаянии запихала себе в рот окровавленную футболку. Потом замерла и прислушалась. Было слышно, как в доме кто-то ходит — скрип, тяжесть шагов на половицах.

Затаив дыхание, Мириам слушала и молилась. Молилась, чтобы он ее не услышал, чтобы не стал спускаться вниз. Она молилась и молилась, обливаясь слезами и чувствуя запах собственной крови; молилась, чтобы он за ней не пришел.

На улице было еще светло. Мириам бросилась

было к машине, но ключа в замке зажигания не оказалось, и она побежала дальше. Мириам бежала по извилистой грунтовой дороге, оставляя на ней капли крови из порезов, которые получила, протискиваясь сквозь разбитое окно. По ее лицу и шее тоже текла кровь — он с корнем выдрал ей волосы, когда волочил по полу.

Вскоре она уже больше не могла бежать и перешла на шаг. До шоссе было еще далеко, хотя Мириам думала, что оно должно быть ближе, — неужели она свернула не туда?! Но никаких поворотов она не помнила, да и перекрестков тоже. Была только эта дорога и никаких других, и казалось, что она не имеет конца и никто по ней не ездит.

Уже совсем стемнело, когда она услышала шум. Она взглянула на безоблачное небо, на яркие звезды над головой и поняла, что это не гром, а машина. От радости у нее даже ноги подкосились. Кто-то ехал! Кто-то ехал! Но надежда затуманила ей разум лишь на несколько секунд, и эйфория быстро сменилась животным страхом. Машина приближалась сзади — не со стороны шоссе, а с фермы — и она, не видя ничего перед собой, кинулась в сторону от дороги. Там оказался забор из колючей проволоки. Она перелезла через

него, снова поранившись, спрыгнула в канаву и прижалась к земле. Услышала, как машина замедлила ход, а потом над ней скользнул свет фар. Машина поехала дальше.

Мириам не стала сразу вылезать из канавы и сама не знала, сколько в ней пролежала. В конце концов она поднялась и перелезла через забор обратно. Руки, ноги, все ее тело было в порезах и ссадинах, трусики пропитались мочой, а рот стал липким от крови. Она снова пустилась в путь, постоянно падая и тут же поднимаясь, но не сдавалась и продолжала идти. Вскоре она добралась до заправочной станции. И ее сотрудники вызвали полицию.

Но было уже поздно.

Сумевшая спастись

Девушка продолжала плакать, звать на помощь и изо всех сил колотить в дверь, сбивая руки в кровь. Она зовет подругу по имени — сначала тихо, а потом все громче и громче, пока ее крик, разносящийся эхом по дому, не заставляет умолкнуть птиц и замереть все живое. Теперь тишину нарушают только ее жалобные крики.

В этой тишине вдруг громко хлопает дверь, и звук этот такой оглушительный, что заставляет содрогнуться даже землю. Ничего громче в своей жизни девушка не слышала.

Она больше не кричит. Она улавливает какое-то движение — это шаги, быстрые и настойчивые, и они приближаются. Падая и извиваясь, она отползает назад и забивается в угол комнаты, где прижимается спиной к стене, обхватывая себя руками. И скалит зубы.

Приближаясь к двери, шаги замедляются. Она слышит шарканье подошв о камень, лязг ключа в замке, щелчок, когда он поворачивается. Ее кровь кипит, и она готова, теперь она готова для него. Она слышит его вздох. Тише, большая девочка.

Тише, дурнушка. Сейчас не твоя очередь. Снова раздается щелчок, и ее кровь успокаивается, внутри все расслабляется, словно волна прорвала плотину. На полу растекается лужа горячей мочи.

Уходя, он напевает, и в его голосе звучат слезы.

Что забрал у нее, не верну никогда.

21

Карла ходила по дому, из комнаты в комнату, проверяя и перепроверяя гардеробы, шкафы, заглядывая за двери — вдруг она повесила сумку со святым Христофором на ручку. От усталости у нее кружилась голова, она двигалась медленно и осторожно, будто шла по грязи. Время от времени звонил телефон. Каждый раз, когда это происходило, она смотрела на экран и видела, что звонит Тео. Иногда ее палец замирал над зеленым значком, и она пыталась заставить себя ответить, но каждый раз в последний момент передумывала и либо убирала телефон в карман, либо нажимала на красную кнопку.

Что бы она ему сказала, если бы ответила? Сможет ли она задать ему прямой вопрос? *О чем ты говорил с моей сестрой? Что ты делал возле ее дома?* Однако на самом деле ей хотелось задать не эти вопросы, а совсем другой. Она еще не сформулировала настоящий вопрос, просто не позволяла себе это сделать.

Карла открыла шкаф на лестничной площадке. Как большая сумка могла оказаться здесь? Она

почти не открывала этот шкаф, не открывала по несколько месяцев. Он был забит одеждой, которую она никогда не носила — шелковыми платьями и сшитыми на заказ костюмами, принадлежавшими женщине, какой она не была уже много лет. Она тупо посмотрела на все это, не в силах ничего понять, и закрыла дверцу.

Добравшись до спальни, Карла легла на кровать. И накинула на ноги шерстяное одеяло. Ей ужасно хотелось спать, но стоило закрыть глаза, как перед ними сразу возникали Тео с Анджелой, ругающиеся возле дома сестры. Потом эта картина сменялась другой — вот они уже внутри дома и кричат друг на друга. Ей представлялось, что они вернулись в прошлое. И вели себя так же, как в день смерти Бена: Тео — вне себя от бешенства и с безумным взглядом, Анджела — съежившаяся от страха и закрывающая голову худыми руками. В голове у нее снова звучали слова Тео: *Как думаешь, она завидовала тому, каким чудесным был Бен? Ты говорила, что она вспыльчивая. Кровожадная. Ты говорила, что она кровожадная*. Но ведь она не так сказала? Может, она сказала *кровожадное воображение*? Теперь уже воображение самой Карлы перенесло ее совсем в другое место: в дом Анджелы на Хейвордс-плейс, где

Тео предстал таким, каким выглядит сейчас. Его грузное тело против хрупкости Анджелы во время стычки на лестнице. Карла увидела, как он спускается по лестнице и перешагивает через искалеченное тело ее сестры. Увидела, как он закуривает сигарету, оказавшись на улице.

Она открыла глаза и задумалась: как бы он отреагировал на встречу с Анджелой через столько лет? Была ли эта встреча единственной? Или были другие, о которых она не знала? Ей было больно сознавать, что они оба от нее что-то скрывали. Она просто не могла понять *почему*. Убийство Дэниела, а теперь еще и это… Она застыла, чувствуя, как от горя лишается разума.

Карла вскочила с кровати. Она обязана найти медальон святого Христофора, который ее сын никогда не носил. Он *должен быть* где-то в этом доме, раз его нет в доме Анджелы. Она снова принялась за поиски, переходя из комнаты в комнату, — перед ее глазами мелькали черные пятна, в ушах не смолкал ровный гул, ноги едва переступали, когда она спустилась вниз и вновь поднялась к шкафу на лестничной площадке, к шелковым платьям и сшитым на заказ костюмам. Внизу в шкафу стояли бледно-голубые коробки из-под обуви. Карла открывала их одну

за другой, обнаруживая внутри серые замшевые сапоги, туфли на шпильках с красной подошвой, ярко-зеленые босоножки на черных каблуках. В последней оказались не туфли, а пластиковый мешок с пеплом. Карла присела на корточки и прерывисто выдохнула. *Так вот ты где!*

Она так и не решила, что делать с ней. С Анджелой.

После похорон они с Дэниелом пришли сюда, в дом Карлы. Устроившись рядом на диване, пили чай в полной тишине, а пластиковый пакет лежал перед ними на кофейном столике. Воздух в доме был тяжелым, а в атмосфере витало чувство стыда. Дэниел выглядел бледным, худым, опустошенным и тонул в темном костюме, пропахшем сигаретным дымом.

— Где она была счастлива? — спросила Карла, глядя на пакет на столике. — Это должно быть место, где она была счастлива.

Она почувствовала, как плечи Дэниела приподнялись и тут же обмякли.

— Я не помню, чтобы она когда-то была счастлива, — сказал он.

— Это неправда.

Он шмыгнул носом.

— Ты права. Я помню, как она была счастлива

на Лонсдейл-сквер. Но мы же не можем развеять прах там? — Он наклонил голову, открыл рот и расправил плечи. — Она очень долго жила в одиночестве, — добавил он.

— Дэниел, — Карла положила руку ему на шею и наклонилась, почти касаясь губами его щеки, — ты не мог быть рядом с ней все время.

Она имела в виду то, что сказала, но еще и другое: *я* не могла быть рядом все время.

— Ты должен жить своей жизнью, Дэн. Должен. Мы не можем *все* сломаться.

Он повернулся к ней лицом и уткнулся в ее шею.

— Ты не сломалась, — прошептал он.

Карла наклонилась вперед и осторожно вынула пакет из обувной коробки.

Теперь я сломалась.

22

Разбирая почту, Тео обнаружил еще одно письмо от своего читателя, некоего мистера Картера, который, насколько Тео мог судить по раздраженному тону и силе, с которой тот нажимал на ручку при письме, был обижен тем, что так и не дождался ответа.

> Я оставил свой адрес электронной почты, чтобы вы могли мне быстро ответить.
>
> Я понимаю, что вы, наверное, заняты.
>
> В своем последнем письме я говорил, что люди считают сексизмом то, что вы описываете точку зрения мужчины. Что вы скажете по этому поводу? Я считаю, что сексизм — это когда видишь только женскую точку зрения. Многие криминальные романы сейчас написаны женщинами, поэтому часто в них есть только их точка зрения. Я читал во многих рецензиях на «Амазоне», что ваша книга «обвиняет жертву», но разве и с «ним» не обращались плохо многие люди

в его жизни, включая «подругу» и «девушку», так что в определенном смысле он тоже жертва и поэтому его нельзя винить на все сто процентов? Я думаю, что в конце вы сделали его слишком слабым. Вам не бывает жаль, что вы не описали эту историю по-другому?

Не могли бы вы ответить на мои вопросы по электронной почте?

Спасибо, с уважением,

Генри Картер.

Тео отправил письмо в стопку других, ожидающих ответа, и даже немного поразмышлял о том, как бы повежливее донести свою позицию до мистера Картера. Он был согласен с тем, что многие рецензенты «Амазона» неправильно поняли, чем руководствовался Тео при подаче материала, но и сам мистер Картер, судя по всему, тоже не имел об этом понятия. Он немного подумал об этом, а потом забыл, просто выкинув из головы. Как справедливо заметил мистер Картер, он был очень занят. Но не работой. Вот уже несколько дней он ничего толком не писал, поскольку сильно нервничал и переживал из-за Карлы. Прошло одиннадцать дней с момента смерти Дэниела и

пять — с тех пор, как он в последний раз разговаривал с Карлой. Полиция ее не задерживала: он разговаривал по телефону с инспектором Баркером, и тот сообщил, что они «разрабатывают несколько версий» (знакомая формулировка). Но он также сообщил, что после задержания девушки, которую они потом отпустили, никого больше не допрашивали и никаких арестов произведено не было.

Тео почувствовал одновременно облегчение и разочарование. Ему хотелось спросить про девушку. Как насчет этой чертовой девчонки? Однако он порадовался, что Карла, похоже, под подозрение не попала.

И еще он знал, что с ней все в порядке, что она уже встала и ходит по верхнему этажу своего дома: он мельком увидел ее через окно, когда приходил утром, чтобы в очередной раз постучать в ее дверь. Немного подождав, он быстро отошел и, подняв взгляд, заметил, как она мелькнула за шторами. Он тогда жутко разозлился, ему захотелось закричать на нее, изо всех сил колотить по двери. Но сделать это он, по понятным причинам, не мог. В прошлом году произошел похожий случай, и соседи пожаловались, что он буянил на улице. Они тогда поссорились, а из-за чего, он

сейчас не мог вспомнить. Ему было наплевать на соседей и на их недовольство, но он должен вести себя осмотрительно: он был известен, а все поступки публичных людей влекли за собой последствия. Все записывалось и отправлялось в киберпространство на вечное хранение. Если переступить черту, в Интернете поднимется шум, последуют оскорбления в «Твиттере» и «обнуление». Это была власть толпы, говорить о которой тоже запрещалось. Наказанием за это было такое же «обнуление».

Теперь Тео не сомневался, что старуха, эта любопытная соседка, наверняка говорила с Карлой и, должно быть, рассказала ей о его встрече с Анджелой. И Карла разозлилась, потому что он ничего ей об этом не сказал. Его это не удивляло, но злило. За все эти годы она лгала ему десятки раз. Он не был полным идиотом и знал, что она иногда виделась с Анджелой. Он не знал о ее отношениях с Дэниелом, это стало для него настоящим шоком, прежде всего из-за их характера. Но он же не стал ее избегать? Он отвечал на ее звонки и не закрывал дверь. Он поступил так, как всегда поступал и будет поступать: он поддержал ее. И направил свой гнев в другое русло.

В последний раз, когда Тео видел Анджелу — в

самый последний раз, — он замахнулся на нее, чтобы ударить. Он никогда не бил женщину, никогда в жизни, но тогда сдержался буквально чудом. Это момент длился всего пару мгновений, и он, вместо того чтобы ударить ее, высказал ей все, что о ней думает, а это было еще хуже.

Она позвонила ему и оставила сообщение, что ей нужно ему кое-что сказать и она предпочла бы сделать это при личной встрече. На этот раз не было никаких слез, во всяком случае сначала. Она пригласила его войти, и он согласился. Ему было что ей сказать, и он не хотел говорить это на улице.

В прошлую встречу его шокировало то, как она выглядела. На этот раз шок вызвало состояние ее дома: ковер в пятнах, грязные окна, толстый слой пыли на мебели. Атмосферу запущенности подчеркивали гравюры на стенах в красивых рамках. Они свидетельствовали о том, что когда-то Анджела, должно быть, пыталась сделать свой дом красивым и уютным.

— Мне нравится, как ты живешь, — сказал Тео, и Анджела засмеялась. Ее гортанный смех отозвался эхом в его сердце. Он отвернулся и пробежал глазами по книгам на полке рядом с камином. Его взгляд остановился на «Сумевшей

спастись».

— Я слышал, это хорошая книга, — сказал он, доставая ее и поднимая над головой.

Она снова делано рассмеялась. Он бросил книгу на журнальный столик, тяжело опустился на темное кожаное кресло и достал сигареты.

— Я так понимаю, ты не против? — спросил он, глядя в сторону.

— Нет, я не против.

— Сама закуришь?

Она покачала головой.

— Я пытаюсь бросить.

Анджела улыбнулась, и по ее глазам было видно, что она уже успела приложиться к бутылке, хотя до двенадцати оставалось еще полчаса.

— Хочешь кофе?

— А ты сама будешь? — спросил он.

Анджела снова покачала головой и опустилась в кресло напротив.

— Знаешь, для меня это непросто, — сказала она, и Тео громко и невесело рассмеялся.

Анджела провела рукой по глазам; ее улыбка стала неподвижной, а выражение лица напряженным. Она изо всех сил пыталась сдержать слезы.

— Я говорила с ним, — наконец произнесла

она. — С Дэниелом. Мне удалось до него дозвониться. Обычно он не отвечает на мои звонки.

Тео никак не отреагировал.

— Я просила его оставить тебя в покое и сказала, что больше денег от тебя он не получит.

— Когда это было? — поинтересовался Тео. Он наклонился вперед сбросить пепел в пепельницу, но промахнулся.

— Несколько дней назад, — ответила Анджела. — Он говорил мало, больше слушал, и я думаю, что он…

Тео медленно поднялся на ноги, вынул из внутреннего кармана пиджака конверт и передал Анджеле. Она открыла его, достала листок бумаги, взглянула на него и побледнела. Потом закрыла глаза, убрала листок обратно в конверт и протянула его Тео.

— Нет, не надо, — холодно произнес он, — оставь это себе.

Ему не хотелось снова видеть искусный карандашный рисунок, на котором была изображена спящая Карла. Дэниел изобразил ее обнаженной, лежащей на боку с откинутым одеялом, а выражение лица во сне у нее было странно восторженным.

— Я получил это по почте сегодня утром, — ска-

зал он, — поэтому не уверен, что ваша небольшая беседа была плодотворной.

Анджела наклонилась вперед, подперла голову руками и что-то пробормотала себе под нос.

— Что ты сказала? — рявкнул Тео. — Я не расслышал!

— Это чудовищно, — ответила она, глядя на него снизу вверх, и ее глаза наполнились слезами. — Я сказала, что это чудовищно. — Она закусила губу и отвернулась. — Ты думаешь… — слова застряли у нее в горле, — ты и в самом деле думаешь, что они…

— *Они* ничего не сделали! — рявкнул Тео, яростно кроша сигарету в пепельнице. — Это не *они*, а он! Это все он со своей извращенной фантазией. И знаешь что? — Он теперь возвышался над ней, такой маленькой, такой хрупкой, похожей на ребенка у его ног. — Я даже не могу его винить. Я имею в виду, ты не можешь, не так ли? Посмотри на его жизнь! Посмотри, где он вырос! Посмотри, в каком состоянии его мать!

— Тео, пожалуйста.

Она умоляющее смотрела на него огромными глазами, и он поднял руку, чтобы ударить ее и стереть с ее лица выражение жалости к себе.

Он в ужасе увидел, как она съежилась, и отсту-

пил, потрясенный тем, на что Анджела едва его не спровоцировала.

— Мне его жаль, — сказал он. — Действительно жаль. Посмотри на жизнь, которую ты ему уготовила. Он понятия не имеет, что такое любовь, материнская любовь. Откуда ему знать?!

— Я пыталась, — рыдала она, — пыталась…

— Ты пыталась! — прорычал он. — Твоя лень, твоя безответственность стоили моему ребенку жизни. А потом ты лишила внимания и своего собственного сына, выгнала его, потому что он мешал тебе пить. Стоит ли удивляться, что он стал социопатом?

— Он не превратился в…

— Нет, Анджела, превратился. И стал таким. Алчным и расчетливым манипулятором. Вот что ты с ним сделала.

Помолчав несколько секунд, Анджела неуверенно поднялась. Потом дрожащими руками взяла экземпляр книги Тео и, сунув в него конверт, убрала на полку. Затем снова повернулась к нему и сделала глубокий вдох, словно собираясь с силами для выполнения какой-то сложной задачи.

— Мне надо… — начала она, сложив руки перед собой, — я хочу тебе кое-что сказать.

Тео развел руками, приподняв брови.

— Я слушаю.

Анджела тяжело сглотнула, казалось, в ней происходила внутренняя борьба.

— Ну?! — он не собирался тратить время на ее дешевую театральщину.

— Думаю, будет лучше, если я покажу, — тихо произнесла она. — Давай… поднимемся наверх?

23

Лора обнаружила, что зацикливается на всем, что сделала неправильно, но не обязательно на чем-то очевидном и само собой разумеющемся. Она не просыпалась в холодном поту при мысли о мертвом Дэниеле Сазерленде на его барже и не вспоминала парня с торчащей в руке вилкой. Нет, ей не давал покоя и выбивал из колеи, заставлял съеживаться и краснеть от стыда инцидент в автобусе, когда она накричала на женщину и обозвала ее тупой жирной коровой. Она не могла забыть выражение лица той женщины, ее обиду и смущение. Каждый раз при воспоминании об этом на глаза у нее наворачивались слезы.

Она думала вернуться и проехать тем же маршрутом, надеясь, что встретит ту женщину, чтобы извиниться и объяснить ей причину своего поведения. Сказать, что из-за стресса, усталости и раздражения говорит совсем не то, что думает (это, конечно, неправда: проблема заключалась в том, что она говорила *именно то*, что думала, но знать это той женщине не обязательно). Однако вспомнить, какой это был автобус, она так и не

смогла.

Вместе с тем размышления о женщине в автобусе заставили ее подумать о Мириам, о выражении ее лица, о том, какой потрясенной и обиженной она выглядела, когда Лора над ней насмехалась и говорила колкости. Мириам была неприятной и со странностями, и Лора переживала за свое поведение не так сильно, как в случае с женщиной в автобусе. Во всяком случае, до слез дело не доходило, но все же. Это было чертовски неуместно. Не было никакой нужды проявлять бессердечие, да она и не хотела этого, ее просто понесло. Она не могла извиниться перед женщиной, хотя искренне того хотела, но перед Мириам она извиниться точно может. По крайней мере, она знает, где та живет.

Она нашла «Лоррейн» пришвартованной именно там, где сказала Мириам, — всего в нескольких ярдах от места, где раньше находилась баржа Дэниела. Сейчас ее уже не было, а на ее месте стоял другой плавучий дом, ухоженный и аккуратный, с дорогим на вид велосипедом, закрепленным на крыше. Оказавшись здесь снова, Лора испытала странное чувство — как будто кто-то стер из жизни все следы Дэниела. Но это ощущение было странным в хорошем смысле,

словно случившееся никогда не происходило и просто приснилось ей: смотри, здесь нет никакой грязной голубой баржи! А как же быть с тем, что, по-твоему, случилось? А ничего не было. Это был страшный сон. Теперь ты можешь проснуться.

«Лоррейн» была совсем не похожа на грязную голубую баржу, в которой жил Дэниел. Длинная, с обтекаемыми формами, она была покрашена зеленой краской с красной окантовкой, на крыше стояли ухоженные растения в горшках, на одной стороне имелись даже солнечные батареи. Это плавучее жилище выглядело опрятным, чистым и обитаемым. Похожим на настоящий дом.

Лора в нерешительности стояла на тропинке и гадала, каким образом гости оповещали хозяев о своем приходе. Стучали в окно каюты? Но это смахивало на вторжение. Неожиданно дверь отворилась, и на задней палубе показалась Мириам. Ее вьющиеся волосы были распущены и свободно лежали на плечах, повторяя форму напоминавшего палатку льняного платья. Мириам вышла босиком, и ее ступни и лодыжки поражали белизной, как будто давно не видели солнца. Ногти на ногах были длинными и желтоватыми. Лора невольно поморщилась и чуть отступила. Мириам уловила ее движение.

— Какого черта *тебе* здесь надо? — прорычала она.

— Ваш дом действительно очень красивый, — сказала Лора, тупо глядя на баржу. — Честно.

Мириам промолчала. Она сердито глядела на Лору из-под длинных волос, скрестив руки на груди. Лора покусала ноготь.

— Я пришла извиниться за свою грубость. Я хотела объяснить…

— Меня это не интересует, — оборвала ее Мириам, но не двинулась с места и не отвернулась. Она осталась стоять на задней палубе и смотрела Лоре прямо в глаза.

— Я часто несу ахинею. Очень часто, и это даже не… в смысле, это, конечно, *моя* вина, но я не всегда могу себя контролировать.

Мириам склонила голову набок. Она слушала.

— Это такое расстройство. Оно называется расторможенностью. Это все из-за аварии. Вы же помните, я рассказывала вам об аварии, в которую попала в детстве? Пожалуйста, — сказала Лора и, опустив голову, сделала шаг к барже. — Я только хотела сказать, что мне ужасно стыдно за свое поведение, я вела себя ужасно, а вы лишь хотели мне помочь, теперь я это понимаю. Мне действительно очень жаль.

Какое-то время Мириам продолжала изучающе ее разглядывать, а потом отвернулась, словно собираясь вернуться в каюту. Но вдруг снова повернулась к Лоре и смягчилась.

— Тогда пошли, — бросила она. — Нечего тут стоять.

— Тут так мило, — Лора обошла каюту. — Все так… *по-домашнему*, правда? Я не думала, что плавучий дом может быть таким уютным.

Мириам кивнула, поджав губы, но по румянцу на ее щеках и выражению глаз Лора видела, что ей было приятно это услышать. Мириам предложила гостье чаю, поставила чайник греться и достала из буфета кружки. Лора продолжала осматривать каюту, провела пальцами по корешкам книг и взяла в руки фотографию в рамке, на которой была изображена Мириам с родителями.

— Это вы! Вас сразу можно узнать! Вы не так уж сильно изменились, — сказала она, думая, что уже тогда Мириам была противной вонючкой. — А ваши мама и папа похожи на хороших людей.

— Они такими и были, — согласилась Мириам. Она устроилась на скамейке напротив того места, где стояла Лора.

— Ой, — Лора повернулась к ней. — Их больше

нет? Простите. А мои родители — отрезанный ломоть. Я же вам об этом говорила, верно? Отец — он доброжелательный, а вот мама — настоящий кошмар. Проблема в том, что, каким бы дерьмом она ни была, в конечном итоге я всегда ее прощаю, сама не знаю почему. Ничего не могу с собой поделать.

Чайник засвистел, и Мириам сняла его с плиты. Снова скрестив руки на груди, задумчиво посмотрела на Лору.

— Ты изранена, вот почему, — наконец произнесла она. — Я говорю это не в осуждение, это просто наблюдение. В детстве тебе пришлось столкнуться с такими вещами, которые оставили шрамы и внутри, и снаружи. Разве не так?

Лора кивнула и, чуть подавшись назад, уперлась спиной в книжную полку.

— Когда я была у тебя дома и ты смеялась и издевались надо мной — нет, нет, ничего не говори, просто послушай, — когда это произошло, я сказала тебе, что мы похожи, а ты сказала, что нет, но ты ошибалась. Я понимаю, какую ужасную травму нанесли твоей душе те события, потому что в свое время тоже пережила трагедию. Когда я была девочкой, со мной тоже случилось нечто, поставившее на мне клеймо.

Лора бочком прошла в заднюю часть каюты к скамейке у стены, забралась на нее с ногами, скрестила их и подалась вперед, сгорая от любопытства.

— Что вы имеете в виду? — спросила она. — Что произошло?

Мириам подняла чайник, потом, снова поставив его на плиту, повернулась к Лоре.

— Когда мне было пятнадцать лет, — тихо произнесла она с самым серьезным видом, — я стала жертвой похищения.

Лора была так поражена, что чуть не рассмеялась, успев вовремя прикрыть рот рукой.

— Вас… вас *похитили*?! Вы не шутите?!

Мириам кивнула.

— Я была с подругой. Однажды мы сбежали с уроков и отправились в город автостопом. Нас подобрал парень и… отвез в один дом. Деревенский. Там он запер меня в комнате, — она снова отвернулась и уперлась толстыми мизинцами в край стойки. — Он запер меня, но мне удалось разбить окно и сбежать.

— *Господи!* Это просто невероятно! — Лора произнесла это слово в буквальном смысле — она не знала, можно ли верить Мириам. — Это действительно ужасно. Вы пострадали?

Мириам кивнула.

— Вот черт! Дорогая, мне правда очень жаль… это действительно жутко. А ваша подруга тоже пострадала?

Мириам ничего не ответила. Она не двигалась, но Лора видела, как побелели костяшки ее пальцев.

— Мириам?

— Я не могла ей помочь, — тихо произнесла Мириам. — Я убежала.

— О боже! Боже мой! — На этот раз Лора потеряла дар речи. Прикрыв рот рукой, она покачала головой — в ее глазах стояли слезы. — А потом?…

Мириам коротко кивнула.

— О боже! — снова повторила Лора. — Когда это было? То есть если вам было пятнадцать, тогда это произошло… в семидесятых?

— В восьмидесятых, — поправила Мириам.

— И… что случилось? Потом? Господи! Я даже представить себе не могу. Не могу представить, как вы все это пережили.

Мириам долго стояла и смотрела на нее, затем, не говоря ни слова, отвернулась и протиснулась сквозь дверь каюты в заднюю часть баржи, где, как решила Лора, находилась ее спальня. Вскоре она вернулась с бумажной пачкой в руках.

— Если тебе действительно интересно, — сказала она, — можешь об этом прочитать. Это книга, которую я написала об этом. О том, что произошло, и как это на меня повлияло. — Мириам протянула Лоре увесистую переплетенную рукопись. — Ты можешь… — Мириам раскраснелась, глаза ее сверкали. — Полагаю, ты можешь ее прочитать, если захочешь.

Лора, не подумав, покачала головой.

— Вообще-то я не любительница читать, — сказала она и увидела, как Мириам прижала рукопись к груди, тепло из ее глаз улетучилось, уголки рта опустились, а выражение лица стало кислым. — В смысле… мне бы правда хотелось ее прочитать, — продолжила Лора, протягивая руку, но Мириам отстранилась. — Только быстро у меня не получится, потому что я и правда читаю очень медленно. Дело не в том, что я плохо соображаю, хотя кое-кто так считает. Когда я была маленькой, меня даже называли одаренной, и тогда я читала не переставая. Но потом, после аварии, мне стало трудно сосредоточиться на чем-то одном, и я как бы отвыкла. Понимаете, о чем я? — Лора прикусила губу. — Мне бы очень хотелось это прочитать. Похоже… — А на что это похоже? На что-то ужасное и разрушительное. —

Похоже, это очень интересная история.

Мириам осторожно передала ей рукопись.

— Можешь не торопиться. Но, пожалуйста, обращайся с ней аккуратно, — сказала она.

Лора энергично закивала.

— Я с нее глаз не спущу, — пообещала она и сунула рукопись в рюкзак.

В воздухе вновь повисло неловкое молчание. Лора с надеждой посмотрела на чайник.

— Полиция с тобой больше не связывалась? — поинтересовалась Мириам.

Лора покачала головой.

— Хорошо. Это ведь хорошо, правда?

Лора прикусила губу.

— Наверное. Я правда не знаю. Я слежу за новостями, чтобы узнать, есть ли… прогресс, но, похоже, его нет.

— Похоже, что нет, — согласилась Мириам.

И снова наступила тишина.

— Я бы с удовольствием выпила чашку чая, — сказала Лора.

— Ну, конечно! — Мириам с облегчением вздохнула, обрадовавшись, что ей нашлось занятие. Она снова занялась чаем и, увидев, что сахар кончился (Лора положила себе две с половиной ложки), сказала, что сходит в ближайшее кафе и

там одолжит немного.

Лора соскользнула со скамейки и принялась уже основательнее осматривать жилище Мириам. Оно оказалось намного уютнее, чем ей представлялось. Опять же, *чего* она ожидала? Чего-то безрадостного, грязного и унылого, как дом Дэниела? Здесь все было не так, здесь было намного лучше, чем в ее квартире. Тут имелись растения, картины и поваренные книги, а аккуратно сложенные в углу покрывала, пусть не новые и потертые, сохранили яркость красок. В каюте приятно пахло древесным дымом и лимоном. Нигде не было ни пылинки.

На книжном шкафу рядом с дровяной печью стояли небольшие дорожные часы с золотой отделкой. Лора взяла их в руки и почувствовала приятную тяжесть. На полке над книжным шкафом стояла деревянная шкатулка. Лора попробовала поднять крышку и с удивлением обнаружила, что шкатулка не заперта. Она взяла ее с полки и поставила перед собой на скамейку. Внутри оказалась пара золотых сережек-колец, которые никак не соответствовали вкусу Мириам. Лора сунула их в карман и продолжила изучать содержимое шкатулки. Там оказались серебряный крестик с крохотным распятием, же-

тон, гладкая серая галька, письмо, адресованное Мириам, и брелок с ключом.

Лора так удивилась, увидев его, что сначала даже не узнала. Это был *не просто* ключ, а *ее* ключ! Ключ от ее входной двери на деревянном брелоке с изображением птицы. Она взяла его и поднесла к свету, чтобы рассмотреть получше. Позади послышался скрип, и пол каюты слегка качнулся. Краем глаза она заметила какое-то движение, и раздался голос:

— Ты что это делаешь?!

От неожиданности Лора вздрогнула так сильно, что чуть не упала со скамейки.

В дверном проеме стояла Мириам с лицом, искаженным от ярости, и с банкой сахара в руке.

— Какого черта ты копаешься в моих вещах?!

— *Ваших* вещах? — Лора быстро пришла в себя и перешла в наступление: — Это *мое*! — заявила она. — Какого черта делает у вас ключ от моей входной двери?!

Мириам шагнула вперед и поставила банку с сахаром на стойку.

— Я его нашла, — ответила она, недовольно поджав губы, словно вопрос Лоры ее обидел. — Я собиралась вернуть его тебе, просто забыла. Я…

— Вы *забыли?!* Вы были у меня дома и даже

не удосужились сказать, что мой ключ у вас?! И где вы его нашли? Где… это что — кровь?! — Она отбросила ключ, словно он раскалился докрасна, и вытерла пальцы о джинсы. — Зачем вы его взяли? — спросила она Мириам, округлив глаза и ничего не понимая. — Вы были там, вы сами сказали, что были там после моего ухода, но зачем… зачем вы его взяли?!

Лоре стало не по себе, у нее появилось плохое предчувствие, очень плохое. Тем более что плотная и приземистая Мириам никак его не развеивала: она загораживала выход из каюты, стоя в дверях и скрестив руки на груди. И лишь молча трясла головой, будто пыталась сообразить, что сказать в свое оправдание. У Лоры внутри все опустилось. Тогда, раньше, она сказала *в шутку*, что, возможно, Дэниела убила как раз Мириам, но теперь ей казалось, что это вполне может оказаться правдой, ей многое теперь стало казаться возможным. У этой женщины точно не все дома, она сама была жертвой. Чертова *психопатка*!

— Я его увидела, — наконец заговорила Мириам. Ее лицо было бесстрастным, а голос ровным — гнев ушел. — Я увидела ключ — он лежал рядом с ним. А он был бледный и выглядел… ох! — она тяжело вздохнула — так, словно это

был последний вздох в ее жизни. — Он выглядел жутко. — Она закрыла глаза и снова качнула головой. — Я увидела ключ и подняла его… — Рассказывая это с закрытыми глазами, она будто переживала все заново, и даже невольно повторяла свои движения — как нагибалась, как потянулась за ключом. — Я защищала тебя, Лора. Я все время тебя защищала, и у меня на это могут быть свои причины, но дела это не меняет.

Чертова *психопатка*.

— Я не нуждаюсь в вашей защите! — Услышав в своем голосе страх, Лора запаниковала. — Мне от вас ничего не нужно! Мне нужно просто убраться отсюда… — Она схватила рюкзак и попыталась прорваться к двери сквозь узкий проход, оставленный грузным телом Мириам, но та ей этого не позволила. — Дайте мне пройти!

Но Мириам не двинулась с места и оттолкнула Лору, отчего та невольно покачнулась.

— Не смейте ко мне прикасаться! Не трогайте меня!

Лоре было необходимо выбраться наружу, уйти отсюда, ей казалось, что она задыхается, не может дышать. Она вновь погрузилась в кошмар из прошлого, когда оказалась на убогой, грязной барже Дэниела и он смеялся над ней. Снова по-

чувствовала во рту вкус его плоти. Теперь она плевалась и кричала:

— *Пусти меня, пусти меня, пусти меня!*

Она с кем-то дралась, с каким-то другим телом, хватала пряди сальных волос и тянула за них, повторяя:

— *Пусти меня, пусти меня!* — Она чувствовала запах пота и зловонное дыхание. — *Пожалуйста*! — молила она.

Мириам тоже плакала:

— *Не трогай меня, не трогай меня, не трогай меня!*

Сумевшая спастись

Взявшись за руки и слегка покачиваясь, девушка и ее подруга по обочине дороги возвращаются домой из жуткого паба в центре города. Из-за выпитого джина настроение у девушки приподнятое, а локоть тонкой руки подруги, то и дело задевающий ее далеко не стройную талию, наполняет каким-то теплом.

Приближается машина, и подруга небрежно голосует, подняв большой палец. Проезжающий мимо потрепанный желтый «Гольф» с отслаивающейся наклейкой в виде гоночной полосы притормаживает. Девушки переглядываются, смеются и бегут к машине. Когда дверца распахивается, девушка слышит музыку и мужской голос, хриплый и низкий. Она видит шею водителя в расчесанных до крови угрях.

— Нет, — говорит она подруге. — Не надо.

Но подруга уже садится в машину рядом с водителем и спрашивает:

— Так куда мы едем?

24

Его могила была окружена солнечно-желтыми одуванчиками и нежно-кремовыми маргаритками, а высокая густая трава, в которой они росли, производила впечатление пышности, а не запущенности. Карле хотелось лечь на траву, лечь прямо здесь и уснуть, чтобы больше не просыпаться. Она расстелила принесенное с собой красное кашемировое покрывало, но вместо того чтобы лечь, встала на колени и склонилась, словно в молитве. Дотронувшись кончиками пальцев до верхней части черного гранитного надгробия, которое все еще выглядело неестественно новым среди серых, покрытых мхом могил, сказала:

— С днем рождения, родной.

Карла чуть откинулась назад и, опустившись на корточки, позволила себе немного поплакать с тихими, икающими всхлипываниями. Потом вытерла глаза, высморкалась, уселась, скрестив ноги и выпрямив спину, и стала ждать. Как она и рассчитывала, вскоре на тропинке показался Тео. Заметив ее, он в знак приветствия поднял руку. Она почувствовала, как в основании горла тихо

пульсирует кровь.

В нескольких шагах от нее Тео остановился.

— Знаешь, я волновался, — сказал он, но по тону его голоса и выражению лица она видела, что он на нее не сердится. У него был виноватый вид, такой же, как в тот день, когда она узнала о журналистке. Значит, он понял. Понял, что ей известно об Анджеле и их встрече.

— Я потеряла святого Христофора Бена, — сказала Карла и чуть подвинулась, чтобы освободить для него место на одеяле. Он тяжело опустился рядом, наклонился, чтобы ее поцеловать, но она отстранилась.

— Нет.

Тео, нахмурившись, посмотрел на нее.

— Где ты его потеряла? Зачем ты его брала?

— Я… я не знаю. Если бы я знала, где его потеряла, то, наверное, он бы нашелся. А взяла его, потому что… просто потому, что хотела на него посмотреть. Я везде его искала.

Тео кивнул и окинул ее внимательным взглядом.

— Ты ужасно выглядишь, Карла, — сказал он.

— Да, спасибо. Последние пара недель были не лучшими в моей жизни, — сказала она и начала смеяться, сначала просто хихикнув, а потом все

громче и громче. Она смеялась, пока по ее лицу не потекли слезы. Тео поднял руку, чтобы их вытереть, но она снова отстранилась.

— Не прикасайся ко мне! — сказала она. — Не прикасайся, пока я не услышу от тебя правду. Я не хочу, чтобы ты прикасался ко мне, пока не скажешь, что сделал.

Ей хотелось убежать от него и в то же время услышать, что ничего этого не было.

Тео потер макушку указательным пальцем и уперся подбородком в колени.

— Я видел Анджелу. Я пошел к ней, потому что ко мне приходил Дэниел и просил денег. Я дал ему немного, но потом он захотел еще. Вот и все. Рассказывать больше нечего.

Карла впилась пальцами в траву, выдернула пучок и затолкала его обратно в землю.

— Почему ты не сказал мне, Тео? Почему не сказал, что из всех людей Дэниел обратился именно к тебе?

Тео всплеснул руками.

— Я не знаю. Не знаю! Я не знал, в чем дело, и, честно говоря, — он посмотрел ей прямо в глаза, — не был уверен, что хочу это знать.

Карла почувствовала, как покраснела от основания шеи до скул.

— Итак, ты с ней встречался… один раз? Только один раз, тогда, Тео?

— Дважды, — тихо признался он. — Она попросила меня увидеться во второй раз, и я пошел. Я не мог тебе сказать, Си… Это было, — он тяжело выдохнул, — незадолго до ее смерти. Я пошел к ней, и примерно через неделю ее нашли у подножия лестницы. Получилось нехорошо.

— «Получилось нехорошо», — повторила Карла. — И так было? — мягко спросила она. — Нехорошо?

— Си… — Он взял ее за руку, и она ее не отдернула. — Я не хочу говорить об этом здесь, а ты? Сегодня день рождения Бена. Восемнадцатый. Я даже думать о ней сегодня не хочу.

— А зачем она хотела встретиться? — не сдавалась Карла.

Тео не ответил. Он наклонился к ней и поцеловал в губы, и она опять не отстранилась.

— Я скучал по тебе, — сказал он. — Мне не нравится, когда ты исчезаешь.

Некоторое время они сидели молча, взявшись за руки. Тео принес коньяк во фляжке, и они по очереди потягивали из нее, передавая друг другу. Чувствуя, как от алкоголя в груди разливается тепло, Карла спросила:

— Что бы ты сделал по-другому? Если бы мог? Ты все равно бы на мне женился, если бы знал, что будет дальше?

— Конечно, женился бы. Я…

— А я не думаю, что вышла бы за тебя замуж, — сказала она.

Тео скривился. Она сжала его руку и тут же отпустила ее.

— Не хочу, чтобы это прозвучало жестоко, но, если бы я знала, думаю, не смогла бы. Только, наверное, за кого бы я ни вышла замуж, вряд ли бы что-то изменилось, согласен? Это могло произойти в любом случае.

— Что ты имеешь в виду? — Тео взял ее за запястье, обхватив двумя пальцами тонкую кость, другой рукой коснулся ее подбородка. Он попытался повернуть Карлу лицом к себе, но она отстранилась.

— Беда, — сказала она. — Ее источник — это я, *моя* семья.

— Ты не твоя сестра, — возразил Тео.

Наконец она встретилась с ним взглядом.

— Ты должен простить ее, Тео.

Тео пытался уговорить Карлу пойти с ним домой, но она настояла на том, чтобы немного побыть одной. Он хотел остаться с ней, однако

она заставила его уйти. Но прежде он передал ей флешку с черновиком своего последнего романа.

— Тео, но как? Понимаешь, у меня сейчас голова занята другим, так много всего произошло. Я даже не… — Ее голос сорвался. — Я даже не успела еще заняться похоронами. Похоронами Дэниела. Мне надо дождаться окончания следствия, а потом…

— Я могу этим заняться, — не сдавался Тео, вкладывая флешку в ее руку. — Я могу все организовать, поговорю с полицией и узнаю, на какой стадии находится расследование, но… Си! Ты всегда была моим первым читателем. Ты просто не можешь перестать им быть. Так не пойдет.

Карла смотрела, как он пробирался между надгробиями к выходу. Из-за коньяка он двигался уже не так уверенно, и время от времени на него падали пятна солнечного света, пробивавшегося сквозь листву деревьев. Немного подождав, чтобы удостовериться, что Тео точно ушел, а не вернулся назад и наблюдает за ней, Карла вынула из кармана горсть пепла и высыпала его в траву, росшую на могиле Бена.

Она пыталась вызвать в воображении медлительную речь сестры и ее гортанный смех.

— Ты помнишь тот дом в коммуне Вожин, Си? — спросила ее Анджела много лет назад.

Они сидели на диване в гостиной Анджелы в доме на Хейвордс-плейс, и солнце сквозь полузакрытые шторы освещало комнату слабым грязно-желтым светом. Анджела съежилась, поджав под себя ноги, курила и занималась ногтями. Руки у нее не дрожали — верный признак того, что она уже выпила.

— Помнишь то место у оливковой рощи со странными скульптурами на стенах, с головами животных? А мы с Дэниелом остались в домике у бассейна? Бен был еще младенцем, таким *крошечным*. — Анджела вытянула руки, показывая размер. — Теплым и идеальным, как ломоть хлеба.

— Конечно, помню, — ответила Карла. — Это был первый отпуск, в который мы его взяли. Мы с Тео проводили все время на шезлонгах под деревьями, и он засыпал, лежа между нами. — Она закрыла глаза. — Что это были за деревья? Как думаешь, дубы? А может, платаны…

— А те потрясающие закаты, — сказала Анджела. — Помнишь их? Все было окрашено розовым.

— И ты не могла вытащить Дэниела из бассейна ни за какие коврижки. Помнишь, как он рассердился, когда хотел научить Бена плавать, а мы ему сказали, что Бен еще слишком маленький?

Анджела покачала головой.

— Правда? — спросила она, наклоняясь, чтобы потушить сигарету в пепельнице на ковре. — Даже не верится. Представить это сейчас вот здесь, — она обвела рукой неуютную комнату, в которой они находились, — что все мы были так счастливы. Это кажется невероятным. Все то счастье разбилось на мелкие кусочки.

Карла поднялась и смотрела на сестру, оплакивая утерянную ими радость от жизни. Все ее тело, руки и ноги дрожали.

— Невероятным, — прохрипела она. — Правда? Стоило стать беспечной всего на пару минут, ослабить внимание на пару часов — и дверь осталась открытой. И вот результат.

Она вспомнила, как на нее тогда посмотрела сестра: взгляд остекленевший, губы шевелятся, но не произносят ни звука.

Карла достала еще одну горсть пепла, поднесла к губам, а потом высыпала на землю.

Сумевшая спастись

Они прогуляли уроки и проскользнули сквозь ворота школы незамеченными. Автобус в город и обратно ходит раз в час. Надо спешить, чтобы успеть! Ее подруга приподнимает юбку и бежит вперед, отчаянно размахивая руками, чтобы их заметил водитель. Девушка трусит следом, школьный рюкзак с книгами неловко перекинут через плечо, большие груди подпрыгивают. Они забираются в автобус, проходят мимо ухмыляющегося водителя и пассажиров, сидящих с кислыми минами.

Когда они выходят из автобуса, девушка начинает жалеть, что поехала. На улице жарко, тротуары заполнены покупателями. Здесь нечего делать и некуда идти. Они вяло переходят из магазина в магазин, разглядывают одежду, которая им не по карману, покупают в магазине на углу дешевые крепкие сигареты. Курят одну за другой, пока не начинают чувствовать тошноту.

Потом они заходят в паб, но бармен отказывается их обслуживать. Они сидят за столиком на улице, приподняв юбки. Загорают. Взрослые

мужчины за соседним столиком бросают на них косые взгляды. Подходит молодой парень, смотрит на них, потом только на ее подругу и улыбается. Он некрасив: глаза посажены слишком близко, шея в расчесанных до крови угрях. Ее подруга закатывает глаза, давая понять, что ему точно ничего не светит, и смеется.

Откуда-то доносится музыка — то ли по радио, то ли из музыкального автомата. Девушка уже слышала эту песню раньше — она медленная, а исполняет ее мягкий, хриплый мужской голос под акустическую гитару. Несмотря на жаркое полуденное солнце, девушке холодно. Ощущение такое, будто кто-то облил ее с ног до головы бензином. И все же на затылке, в том месте, где волосы собраны в конский хвост, пульсирует горячее зловещее предчувствие.

Должно случиться что-то плохое.

25

Погрузив руки в теплую мыльную воду в наполненной почти до краев раковине, Мириам вдруг оказалась во власти настолько ярких и мучительных воспоминаний, что невольно пошатнулась. Это были не явственные воспоминания, а скорее ощущение: внезапный толчок горячей артериальной крови, поднимающейся по пальцам, и сразу после него — шок разочарования. Скорби. *Невозможности отыграть все назад*. Она стояла у раковины в крохотной ванной, опустив руки в воду, и не могла пошевелиться целую минуту, а может, даже две. Правая рука, будто в спазме, намертво вцепилась в щетку для ногтей, а левая — в ножницы.

Затем напряжение спало, руки расслабились, и она пришла в себя. Вытащив пробку слива, она посмотрела, как убегает мыльная вода, и положила щетку и ножницы на маленькую полочку под зеркалом. Потом тщательно вытерла руки и, смочив ватный диск антисептическим лосьоном, аккуратно обработала царапины на шее и руках. Отрезав от рулона несколько полосок лейкопла-

стыря, заклеила ими самые глубокие царапины на левом предплечье.

Закончив, Мириам перешла в каюту и занялась уборкой. Она вернула на место упавшие с полок книги и деревянную шкатулку; с помощью щетки и совка собрала с пола осколки и рассыпавшуюся землю: один из горшков с растениями упал с подоконника и разбился. Само растение, небольшой стебелек эстрагона, пришлось выбросить. Несмотря на то что спина ныла, а стоять на полу на коленях было очень больно, она продолжала действовать упорно и методично, изо всех сил стараясь стереть все следы стычки со злобной девчонкой. Ее душила ярость, но ей удавалось ее сдерживать, пока под столом не нашлась слегка погнутая золотая сережка Лоррейн. Вот тогда Мириам разрыдалась.

Почему людям обязательно надо брать то, что им не принадлежит? Почему им надо взять и испортить то, что принадлежит ей?

Самым ярким воспоминанием Мириам о том, что произошло сразу после похищения, была вовсе не больница. И не мать, которая рыдала так сильно, что буквально висела на руках отца, когда они приехали ее навестить в самый первый раз. Не многочасовые беседы с полицией и не

разбившие у их дома лагерь многочисленные журналисты с телекамерами. Больше всего ей запомнилась невероятная доброта родителей Лоррейн. Отец Лоррейн, войдя в ее больничную палату, сжал ей руку и заплакал, бормоча:

— Слава богу, слава богу, что с тобой все в порядке.

Мириам не поверила, что он говорил искренне. Наверняка он думал: *Почему не ты? Почему это была не ты?*

После похорон Лоррейн в доме ее родителей устроили поминки. Мириам спросила, может ли она подняться наверх в комнату Лоррейн и немного побыть в ней, и мать Лоррейн, эта маленькая сломленная горем женщина, сумела ей улыбнуться.

— Конечно, можно, — сказала она. — Тебе здесь всегда рады. Приходи в любое время, когда захочешь.

Наверху, сидя за туалетным столиком Лоррейн, Мириам разглядывала яркие резинки для волос своей подруги, ее губную помаду темно-розового и красного цвета, тени для век — пурпурные, голубые и белые. Перед зеркалом стояла шкатулка для драгоценностей, которая, когда ее открывали,

играла мелодию «Зеленые рукава» [2]. Мириам восхищалась ею с самого детства. Внутри лежали ожерелья и браслеты, кольцо, слишком маленькое для пальцев Мириам, и миниатюрные золотые серьги-конго, которые она сунула в карман куртки.

С поминок она ушла, не попрощавшись.

Через три дня машину Джереми обнаружили на автостоянке у скалы в районе, который иронически называли «живописной местностью». Это было одно из мест, куда люди приезжали, чтобы свести счеты с жизнью. Еще через три дня береговая охрана прекратила поиски из-за непогоды. А через три недели двое маленьких детей, играя на пляже неподалеку от Гастингса, наткнулись на отрубленную человеческую ступню, чей размер и цвет были такими же, как у Джереми. Совпадала и группа крови. Он ушел в мир иной, и не важно, разбился ли он о скалы или был зарезан винтом проходящего судна. От него осталась только записка, найденная в бардачке брошенной им машины, с одним-единственным словом: *Простите*.

Простите.

---

[2] Примечания: 2

Английская народная песня, известная с XVI в. и упоминавшаяся в произведениях У. Шекспира. — Примеч. ред.

В школе Мириам все жалели. Всем было ее жаль, но никому не хотелось иметь с ней дело. Все на нее смотрели, но никто не встречался с ней взглядом. Ее имя было у всех на устах, но никто с ней не разговаривал ни на переменах, ни во время обеда. Когда она проходила мимо, все, даже учителя, ласково улыбались ей, но при этом глядели не на нее, а куда-то поверх ее головы. На ней словно было клеймо. Родители, психолог, полицейские — все говорили ей, что в случившемся с Лоррейн нет ее вины.

— Никто и не думает, что ты должна была поступить иначе, Мириам.

Но то, что они сочли необходимым это сказать, говорило само за себя. Тот факт, что они говорили это, означал, что на самом деле они думали об этом и считали: *Ты могла поступить иначе. Никто не ждал от тебя этого. Но ты могла.*

Никто никогда не произнес это вслух. Пока не появился Тео Майерсон.

Сумевшая спастись

Она знает, что он с ней сделает, когда поймает. Эта девушка прошла полный круг. Лежа в грязи, она вспоминает, какой была в то утро, как сидела за туалетным столиком, расчесывала волосы, собрала их в конский хвост и крепко стянула лентой на затылке.

Тогда она еще была невинна.

Разве не могла она это остановить? Могла. Когда подруга предложила прогулять школу, надо было просто покачать головой и пойти на занятия по математике. А в городе она могла отказаться от паба и предложить вместо него парк. Она могла сказать: «Я не сяду в эту машину». Она могла настоять на этом.

Но даже после того как все закрутилось, она могла поступить иначе.

Ей не нужно было бежать. Вместо того чтобы бежать, она могла выбрать осколок стекла из тех, что валялись на пожухлой траве под окном, которое она разбила. Она могла засунуть этот осколок в карман джинсов и прокрасться обратно в дом, туда, откуда раздавались всхлипывания подруги.

Могла проскользнуть в комнату, где он держал ее, прижав к грязному полу. Босиком, затаив дыхание, она могла бы двигаться достаточно быстро. Она могла бы схватить его за волосы, потянуть назад и воткнуть кусок стекла ему в горло.

Но теперь уже слишком поздно.

26

Айрин, дремавшую в кресле у окна с романом Пэт Баркер «Взорви свой дом» на коленях, разбудил дождь. Ливень обрушился внезапно и с такой силой, что капли дождя забарабанили по каменным плитам на улице, словно град, заглушая все остальные звуки. Айрин чудом расслышала чей-то плач за окном.

Сначала она решила, что ей показалось, затем, поднявшись на ноги, с замиранием сердца подумала, что это могла быть Карла. Отчаявшаяся и полная боли, она могла снова вернуться в соседнюю квартиру. Но потом Айрин услышала стук в дверь, такой тихий и неуверенный, словно за дверью был ребенок. И едва слышный голос:

— Айрин! Вы дома?

На пороге стояла Лора, промокшая насквозь, в ужасном состоянии: куртка порвана, на левой стороне лица синяк размером с теннисный мяч. Она вся дрожала и плакала, словно маленькая девочка.

— Лора, боже мой! Заходи скорее в дом. — Айрин потянулась к ней, но Лора отшатнулась.

— Не надо, — всхлипнула она. — Не надо. Я не заслуживаю вашей доброты.

— О чем ты вообще говоришь? Лора, ради бога! — Она ухватилась за промокшую куртку девушки. — Входи же, там дождь!

Когда дверь закрылась и Лора оказалась в полутемном коридоре, она отряхнулась, как собака.

— Вы должны меня прогнать, — сказала она горестно. — Вы должны послать меня к чертовой матери, но вы никогда этого не сделаете, потому что слишком добрая и вежливая.

— Довольно! — сердито произнесла Айрин. — Перестань нести чепуху. Снимай мокрую куртку и положи ее на батарею. На улице, наверное, похолодало? Я включу отопление. А теперь давай не топчись на месте и не разводи слякоть. Ступай в гостиную. Я сейчас включу отопление, а потом мы выпьем чаю. И ты мне все расскажешь. А начать можешь с самого начала.

Когда Айрин вернулась с чаем, Лора сидела на полу посреди гостиной, скрестив ноги и подперев голову руками. Айрин протянула ей кружку.

— Ну что же. Давай поговорим. Что случилось?

Когда Айрин устроилась в кресле, Лора начала свой рассказ. Она сказала, что взяла деньги из кошелька Айрин, о чем та, конечно, знала, по-

тому что была забывчивой, но не глупой. Лора сообщила, что прихватила кое-что и из соседней квартиры: увидела открытую дверь и стащила сумку из коридора. Об этом Айрин не знала.

— То, что ты взяла, все еще у тебя? — строго спросила она, и девушка кивнула. — Тогда надо вернуть. Деньги — это одно, Лора, и я понимаю, что ты оказалась в трудном положении. Но нельзя брать вещи, которые для кого-то многое значат. Что бы ты почувствовала, — выговаривала она Лоре, — если бы кто-нибудь забрал у меня часы Уильяма? Что бы ты сама подумала об этом человеке?

Лора съежилась от стыда. С несчастным лицом она вытрясла содержимое рюкзака на пол в гостиной, взяла две маленькие шкатулки для драгоценностей и передала их Айрин.

— Но это еще не самое страшное, — произнесла она почти шепотом.

У Айрин сжалось сердце. Она боялась того, что Лора собиралась ей сказать. Что может быть хуже? Что может быть хуже воровства у скорбящей женщины?

— Что ты еще сделала, Лора? — У нее перехватило дыхание, она едва могла говорить. — Ты не… ты никого не поранила?

Лора подняла на нее горящие глаза.

— Не думаю. Если не считать парня с вилкой, но вы, наверное, не об этом.

Айрин в замешательстве покачала головой.

— Это касается Дэниела, — сказала Лора, и Айрин приложила руку ко рту.

— О, нет, Лора! — Айрин казалось, что сердце у нее сейчас остановится.

— Я не убивала его! — закричала Лора. Она опустилась на колени у ног Айрин. — Не убивала, клянусь! Но я была там… как раз перед этим. Я была там с ним. И я не сказала вам, потому что вы сами говорили, что связаться с ним — значит нажить себе проблемы, вы…

— Я говорила не так, Лора. Я сказала, что он был *проблемным*, неблагополучным. Думаю, я просила тебя быть с ним поосторожнее, потому что он был проблемным мальчиком, разве не так? У него в семье было не все гладко, я тебе говорила, я…

— А я не послушалась. Пошла с ним и осталась на ночь… — Лора замолчала.

Дождь за окном немного утих, но небо темнело, словно готовясь ко второму штурму.

— Ты осталась с ним на ночь? — переспросила Айрин, и Лора опустила взгляд. — О, ради бога! — воскликнула Айрин. — Чего ты жеманничаешь?!

Я старуха, а не ребенок.

Лора кивнула, но взгляд так и не подняла.

— Итак, вы переспали. А потом, полагаю, ты ушла, даже не позавтракав. Но с ним все было в порядке, когда ты уходила?

Лора снова кивнула.

— И ты не знаешь, что с ним случилось?

На этот раз девушка покачала головой.

— Лора! Ты действительно думала, что в свете всего этого воровать у его семьи — хорошая идея? Ради бога! Представь, как бы это выглядело, узнай кто-нибудь, что…

— Кто-то *уже* узнал, — тихо сказала Лора. — Вы.

Айрин закатила глаза, не на шутку рассердившись.

— Не говори ерунды! Я же не собираюсь звонить в полицию. Но все это не объясняет твоего вида! — Айрин махнула рукой в сторону Лоры. — Ты посмотри, в каком ты состоянии!

— Ну что ж, — Лора снова села скрестив ноги. — Понимаете, есть одна женщина, которая живет в плавучем доме на канале, и я ее немного знаю, потому что иногда она ходит в прачечную. Ее зовут Мириам, и она чуть странная, да и выглядит странно. Будто на ней всегда слишком много

одежды. Понимаете, о чем я? В любом случае, именно она нашла Дэниела — в смысле, нашла его тело, — именно она вызвала полицию, а на днях появилась у прачечной, а я была в таком состоянии, ничего особенного, просто… ну, вы понимаете…

Айрин ничего не понимала, она понятия не имела, о чем говорила Лора.

— Как бы то ни было, я пошла к ней домой, на ее баржу, понимаете, потому что должна была извиниться. Это длинная история, рассказывать ее необязательно, но дело в том, что у нее на барже я узнала, что у нее есть ключ от моей квартиры.

— У нее был твой ключ?

— Вот именно! Помните, я говорила, что потеряла его? Так вот — он был у нее.

— И она его тебе вернула? — Айрин не могла взять в толк, к чему вся эта история.

— Нет-нет, она мне его не давала. Она от меня это скрыла. Я нашла ключ в каюте. Понимаете, я копалась в ее вещах…

— Ты искала, что украсть! — перебила Айрин.

— Да, признаю, так и было, но дело не в этом. Дело в том, что у нее был мой ключ. И когда я его нашла, у нас произошла… ну…

— Ссора?

— Она самая.

— И она ударила тебя? Эта женщина тебя ударила? И поставила синяк?

Лора покачала головой:

— Нет, мы просто немного потолкались, и я, пытаясь выбраться оттуда, споткнулась и упала.

— Как ты думаешь, Лора, может, нам следует позвонить в полицию? Я хочу сказать, что если у этой женщины есть твой ключ, то…

— Нет, ключ теперь у меня. — Лора покопалась в кармане джинсов и вытащила его вместе с одной золотой серьгой, на которую посмотрела, а потом сунула обратно в карман. — У меня есть ключ и еще вот что. — Из груды вещей, вытряхнутых из рюкзака, она взяла переплетенную рукопись и протянула Айрин. — Это она сама мне дала. До того как у нас случилась… как вы это назвали… ссора. Ее «мемуары», — пояснила Лора, нарисовав в воздухе пальцами кавычки. — Предложила прочесть. Чего я точно никогда не сделаю. А вам, возможно, это понравится. Там про преступление! По ее словам, ее в детстве похитил сумасшедший. Во всяком случае, что-то в этом роде.

— Боже праведный! — воскликнула Айрин, хватая рукопись обеими руками. — Поразительно!

Внезапно сверкнула яркая молния, сопровождаемая особенно яростным раскатом грома, отчего обе непроизвольно пригнули головы.

— Ни хрена себе! — воскликнула Лора.

— Действительно, — согласилась Айрин. — Знаешь что? Я думаю, тебе надо подняться наверх, снять мокрые вещи и повесить их сушиться, а самой принять хорошую горячую ванну. Я думаю, тебе стоит задержаться у меня. Ты не против?

Лора улыбнулась, и из ее глаз опять покатились слезы.

— Я — с удовольствием.

Сквозь шум душа до Айрин доносилось пение Лоры, и она поразилась, каким чистым и нежным оказался голос девушки. Лора не торопилась и спустилась вниз почти через час, закутавшись в розовый махровый халат. Этот халат лежал свернутым в сушилке и не использовался уже несколько лет. При виде хрупкой молодой женщины в ее старом халате Айрин вдруг почувствовала удивительный прилив нежности, которая, как ей показалось, была сродни материнской.

Лоре она об этом ничего говорить не стала, посчитав, что такое признание может ее сильно смутить. Вместо этого она сказала, показывая на

принесенную Лорой рукопись:

— Ты знаешь, а книга-то необычная. Эти мемуары. Я почитала их и…

— Но у вас же не было времени прочитать всю книгу, — удивилась Лора, растягиваясь на диване и поправляя подушки под головой.

— Ну, я просто бегло ее просмотрела. На самом деле написано очень неплохо, хотя местами язык тяжеловат. Однако странно то, что какие-то моменты в книге кажутся ужасно знакомыми, хотя понятно, что идея бегства от серийного убийцы далеко не оригинальна. Разве что… — Она замолчала и, нахмурившись, посмотрела поверх очков на свои книжные полки. — Что-то меня беспокоит, а что именно — никак не пойму.

Лора закрыла глаза, устроилась на диване поудобнее и прикрыла колени халатом Айрин.

— Ой, — пробормотала она, — совсем как в раю. Я вообще без сил, так бы и лежала здесь вечно.

— Что ж, я не против. Если хочешь, можешь даже переночевать, — предложила Айрин. — Я могу постелить тебе на свободной кровати.

Оставив предложение без ответа, Лора с улыбкой сказала:

— У вас я всегда чувствую себя в безопасности. Знаю, что никто здесь не будет меня доставать.

— Никто не собирается тебя доставать, Лора, — заверила Айрин. — С чего ты вообще это взяла?

— О, они точно будут, — отозвалась Лора, натягивая халат до подбородка. — Будут наверняка. Они всегда так делают.

Пока Лора спала, Айрин читала. Отдельные сцены в рукописи были до боли знакомыми: две девушки путешествуют автостопом в жаркий летний день; случайная встреча на дороге, внезапное столкновение с насилием на удаленной ферме, порезанные о разбитое окно нежные руки и ноги — все это было, как она решила, стандартным набором фильмов-ужасов. Но какой-то момент продолжал не давать ей покоя, пока она наконец не сообразила: пение. Ей был знаком припев, который звучал по радио и который напевала одна из героинь (можно ли называть ее героиней, если о ней говорится в мемуарах?). Этот припев она уже где-то встречала.

На диване зашевелилась Лора. Она повернулась лицом к Айрин и начала очень трогательно посапывать. Айрин снова почувствовала прилив нежности и всплеск эмоций, которые сочла материнскими, но откуда ей было знать? Она не могла сказать, что это было, но испытывала огромное желание защитить девушку — как в свое время

бедную Анджелу.

Она еще раз окинула взглядом книги Энджи, которые не успела разобрать. Ей действительно пора этим заняться, потому что они лежали у нее уже несколько недель. Наверное, стоит попросить Лору отнести первую стопку в благотворительный магазин Оксфам на Аппер-стрит.

А потом она увидела. Самой верхней в стопке, приготовленной для отправки в магазин, была книга «Сумевшая спастись» Кэролайн Макфарлейн. Криминальный роман Тео Майерсона! И он смотрел прямо на нее. Айрин поднялась со стула и взяла книгу — она была в переплете и выглядела очень солидно. На обороте обложки — строки, набранные жирным кроваво-красным шрифтом:

По дороге домой девушку с подругой похищают.
Девушка добралась до дома.
Подруга — нет.
Эта девушка — жертва.
Эта девушка скорбит.
Эта девушка травмирована.
Это девушка жаждет мести.
Эта девушка виновна?
Эта девушка — сумевшая спастись.

Айрин закатила глаза: когда она впервые прочитала эти слова, она решила, что это чушь, и ее мнение не изменилось. Вернувшись в кресло, она открыла книгу и стала перелистывать страницы в поисках отрывка, где — она не сомневалась, что ее догадка верна, — говорилось о песне. Она здесь точно упоминалась, но найти это место в романе, действие которого постоянно менялось во времени, а видение событий излагалось с позиции то жертвы, то преступника, было непростой задачей. Это очень сбивало с толку и, по мнению Айрин, раздражало. Она вспомнила, как в какой-то передаче по радио Майерсон, когда открылось его авторство, защищал свою точку зрения, говоря что-то об игре с восприятием вины и ответственности, о необходимости подогревать интерес читателя, — нес всякую чепуху. Глупости! Экспериментировать ради самой идеи — какой в этом смысл? В конце концов, чем плох традиционный детективный роман, в котором добро побеждает зло? И что с того, если в реальной жизни так бывает не всегда?

От чтения Айрин отвлек странный жужжащий звук. Она подняла взгляд и увидела, что экран на телефоне Лоры то и дело загорается. Потом он погас, а через мгновение снова засветился. Лора

зашевелилась.

— О, это меня, — простонала она, перекатываясь на диване и сваливаясь на пол. — Вот черт! — пробормотала она, ползая по ковру в поисках телефона. — Я напрочь отключилась. — Лора покосилась на экран. — Да? — ответила она на вызов. — Кто? О да, извините. В смысле? Нет, дома меня сейчас нет, я у подруги. Я могу… но я… но… Что — *прямо сейчас*?! — Она на мгновение закрыла глаза. — А я обязана?

Закончив разговор, Лора глубоко вздохнула и посмотрела на Айрин заспанными глазами.

— Я же говорила, — сказала она, пытаясь улыбнуться, но голос ее предательски дрогнул. — Я же говорила, что меня везде достанут. — Она устало поднялась. — Мне нужно идти. Звонили из полиции.

Лора быстро собралась, стараясь не обращать внимания на тревогу Айрин.

— Все путем, подруга, — сказала она, бегом взбираясь наверх за своей одеждой. — Все путем, — повторила она, спустившись вниз.

— Это по поводу Дэниела? — спросила Айрин, и Лора скривилась.

— Ну конечно! Конечно, по поводу Дэниела, я ведь больше ни с кем не спала, кто потом сыграл

в ящик, верно? Я свидетель, вот и все. Я была последней, кто видел его *живым*. Так что беспокоиться не о чем.

Айрин проводила ее до входной двери. Помогая Лоре надеть еще влажную куртку, она спросила, есть ли у нее адвокат. Лора засмеялась и пошла по дорожке, хромая сильнее обычного, а потом повернулась с улыбкой на лице, на котором от слез не осталось и следа.

— А папа римский какает в лесу?

Положив в тостер пару ломтиков хлеба, Айрин подумала, что Уильяму Лора наверняка бы понравилась. Она бы точно его рассмешила. Он не слишком жаловал Анджелу — никогда не проявлял к ней неприязни или чего-то такого, но старался ее избегать.

«Она на грани чего-то, — сказал он. — И когда ее переступит, то лучше тебе не быть рядом. Она тебя схватит и утащит с собой».

Уильям так и не узнал Анджелу по-настоящему, так и не увидел, насколько она была добра.

Намазав тосты маслом, Айрин устроилась за кухонным столом. Перед ней лежала раскрытая рукопись мемуаров, а рядом — роман Тео. Для сравнения.

— Ищем про пение, — повторяла она, листая

страницы. — Ищем про… *Ой!*

В конце романа Тео она нашла конверт, адресованный Тео Майерсону. Он был засунут за клапан обложки. Странно, потому что книга принадлежала Анджеле. Внутри конверта находился лист формата А4, судя по всему, грубо вырванный из блокнота. На нем — карандашный рисунок спящей женщины. Простыни откинуты, женщина обнажена. Внизу страницы небрежным почерком было нацарапано: *Привет, старик, делал кое-какие наброски, подумал, ты захочешь увидеть*. Подпись отсутствовала, но по манере исполнения в рисунке узнавалась рука Дэниела. А изображенной на рисунке женщиной, несомненно, была Карла Майерсон.

27

На кровати Карлы лежал раскрытый чемодан, уже наполовину заполненный. Шкаф тоже был открыт, а одежда разбросана по покрывалу. Она не могла решить, что с собой взять: понятия не имела, как долго ее не будет и что ей может понадобиться. Здесь похолодало, но разве южнее не должно быть тепло? Она не глядя хватала вещи с полок — футболки и джемперы, платье, которое не носила годами. Где-то в доме зазвонил телефон, но телефон звонил всегда. Никогда не замолкал.

Она знала, что в какой-то момент ей придется поговорить с Тео и попросить его пересылать ей почту туда, где она окажется, чтобы разобраться с адвокатами, недвижимостью, продажей дома Анджелы. Наверняка с ним придется объясняться, поэтому она размышляла, не стоит ли пойти по пути наименьшего сопротивления и позвонить ему уже из-за границы. Но она не была уверена, что сможет с ним так поступить и уехать, не повидав еще раз. Она не была уверена, что сможет так поступить с собой.

Ей нужно сказать ему, что она прочла его последний роман и он ей не понравился. Все эти бесконечные перескакивания с одного на другое, все эти скачки во времени. Как и в ужасном последнем романе о преступлении. Ради всего святого, начни с самого начала. Почему сейчас перестали рассказывать историю прямо, от начала и до конца?

Как-то в воскресенье около восьми вечера, за год до смерти Анджелы, Дэниел появился на пороге дома Карлы. Он был расстроен и взволнован, на скуле царапина, губа разбита. Рассказал какую-то длинную и невразумительную историю о ссоре с девушкой, и вдобавок его ограбили. Карла не совсем понимала, что происходит, но он сказал, что ему некуда идти. Он не хотел звонить в полицию и, конечно же, не хотел идти к матери.

— Она не хочет меня видеть в своем доме, — признался он Карле. — Она никогда не хотела, чтобы я там появлялся.

Карла сказала, что он может остаться. Открыла бутылку вина, которую они выпили, как ей показалось, очень быстро, потом другую. Когда и от нее осталась половина, она поняла, что ей хватит.

Она поднялась наверх, приняла душ и, поша-

тываясь, прямо из душа направилась в постель, так и оставшись завернутой в полотенце. Она проснулась от испуга, как у нее часто случалось после спиртного. Она лежала неподвижно, сердце колотилось в груди, и она не сразу поняла, что во сне сбросила и одеяло, и полотенце. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела, что в комнате есть еще кто-то. Что он сидит на полу рядом с дверью и смотрит на нее с альбомом на коленях.

— Дэниел, — прошептала она, резко натягивая одеяло, — ты меня испугал!

В сумраке она не могла разобрать выражение его лица, только блеснули белые зубы.

— Я не мог устоять, — ответил он.

Утром она застала его сидящим за стойкой на кухне с чашкой кофе в руках.

— Доброе утро! — приветствовал он ее без тени смущения. — Я тут подумал, — сказал он, пока она наливала воду в чайник и ставила вчерашние бокалы в посудомоечную машину, — не могли бы вы приютить меня на несколько дней?

Карла повернулась к нему. Он улыбался ей, красивый и бесхитростный.

— Мне очень жаль, Дэниел, — сказала она.

Его улыбка на мгновение померкла.

— Я бы с удовольствием, просто… Тео… Он

не… — Карла отвернулась.

— Все в порядке, — сказал Дэниел. — Я понимаю. Все в порядке.

Когда через месяц после смерти Анджелы Дэниел пришел в ее дом, чтобы забрать свои вещи, он выглядел усталым и несчастным. Он не хотел заходить — и они чуть не поругались из-за этого.

— Ты должен сам посмотреть, что там, Дэниел. Я не могу разбирать вещи за тебя. Ты должен сделать это сам.

— Мне нужны только *мои* вещи — мои альбомы и шмотки. От нее мне ничего не нужно.

В конце концов он прошел в дом и направился по лестнице сразу в свою спальню. Там он забрал коробку, в которую Карла сложила все его блокноты и альбомы.

— Вы ведь не смотрели их? Потому что… — он скривился, — там нечем хвастаться.

Карла покачала головой:

— Нет, ты всегда четко давал понять, что это — личное.

Он улыбнулся.

— Спасибо, тетя Карла.

Ее всегда трогало, когда он к ней так обращался. И напоминало о том, каким он был в детстве — с огромными глазами на печальном лице, на-

стороженным и уязвимым. Бедным маленьким дикарем. Она шагнула вперед, чтобы поцеловать его в щеку, но в последнюю секунду он повернул голову, коснувшись ее губ своими.

— Я арендовал плавучий дом на канале, — сообщил он ей перед уходом, — прямо возле Уитмор-бридж. Он принадлежит другу моего друга, поэтому плата чисто символическая. Баржа, конечно, отстой, но сейчас это все, что я могу себе позволить. Вы ведь заглянете как-нибудь в гости, да?

Карла смотрела, как он выходит из комнаты с коробкой в руках и проводит подошвой кроссовки по коврику на лестнице.

Он повернулся к ней и улыбнулся.

— Вы поосторожнее тут, ладно?

Через два или три дня Карла пришла в дом Анджелы, чтобы проверить, все ли готово к приходу уборщиков, и неожиданно для себя обнаружила пачку писем на дне гардероба Дэниела. Три из них, отправленные ее сестрой отцу Дэниела Маркусу, лежали в конвертах с пометкой «Возврат отправителю». Было видно, что письма часто перечитывали — возможно, это делала сама Анджела, но раз она их писала, то изучал их, скорее всего, Дэниел.

И когда она представила, как он их читает, перед ее глазами возник маленький мальчик с аккуратной головкой на покрытой синяками шее. Дэниел, читающий слова матери, представлялся ей именно таким, а не тем чужаком, каким стал, и мысль об этом ранила ей сердце.

Ей было больно думать о том, что он прочел все обидные слова, которые мать написала отцу, отказавшемуся от него. Больно было читать, как Анджела умоляла о помощи со своим «невозможным» сыном, мальчиком, которого всегда считала лишь проблемой, требующей решения. *Я схожу с ума,* писала она. *Находиться рядом с ним выше моих сил. Ты должен мне помочь, Маркус, мне не к кому больше обратиться.*

По дороге к плавучему дому Дэниела Карла купила бутылку вина. Она старалась не думать о том, почему не хотела разговаривать с ним без выпивки; старалась не думать о вечере похорон, о том, как он провел кроссовкой по коврику — ведь это ничего не значило, правда? Она спустилась к каналу и рядом с мостом увидела две баржи. Одна — красивая, свежевыкрашенная в зеленый цвет с темно-красной окантовкой, другая — потрепанная развалюха в бело-голубых тонах. Она постучала в окна, прошла на заднюю палубу и

постучала в дверь каюты. Та оказалась не заперта и распахнулась.

— Дэниел? — позвала она. — Дэниел, ты дома?

Его не было, а она явно оказалась там где надо: на стойке стояла коробка с альбомами, которую он забрал из дома Анджелы. Часть ее содержимого он уже переложил на скамейку в другой части каюты. Само жилище было в жутком состоянии: раковина и плита покрыты грязью, в каюте воняло гнилью, а крошечная спальная зона в задней части баржи была пропитана запахом пота и спермы. Дэниел явно проводил здесь время не в одиночестве, и от этой мысли Карле стало не по себе, но потом она устыдилась своей реакции. Дэниел был взрослым мужчиной двадцати трех лет, и не было никаких причин, по которым мысль о его связях с кем-то должна вызывать у нее дискомфорт. Она вообще не должна вызывать у нее никаких чувств.

Выйдя из спальни, она взяла со скамейки один из блокнотов и, чувствуя неловкость, быстро пролистала страницы. Он был заполнен карандашными набросками незнакомых лиц и конечностей без тел. Положив блокнот на скамейку, она взяла другой. В нем уже были сложные и законченные рисунки, сделанные пером и

тушью, — полный графический роман, судя по всему, с самим Дэниелом в роли главного героя. На первой странице она увидела заголовок «Происхождение Ареса», и ее взор затуманили слезы. Воинственный бог войны Арес, самый ненавистный из всех богов, хуже даже его родителей.

О, Дэниел.

Она перелистала страницы, и ее снова затошнило, когда на рисунках она увидела себя, изображенную молодой и соблазнительной, более красивой и сладострастной, чем когда-либо в реальной жизни. Чувствуя, как ее кожа горит от стыда, она закрыла блокнот, положила его обратно на скамейку, а затем, почти не задумываясь, снова взяла. Когда Карла покидала баржу, блокнот все еще был у нее в руках, и она неожиданно встретилась взглядом с женщиной, пристально наблюдавшей за ней с кормы красивой красно-зеленой баржи, пришвартованной на расстоянии нескольких ярдов.

Застегнув молнию на чемодане, Карла отнесла его вниз и оставила в коридоре. В гостиной она прослушала сообщения на автоответчике. Одно было от детектива Баркера с просьбой позвонить при первой возможности, а другое — от Тео, с приглашением на ужин.

— Твои любимые отбивные из баранины. Не знаю, в курсе ли ты, но есть хорошие новости, Си. Наконец-то! Хорошие новости.

28

Тео стоял у раковины на кухне, подставив левую руку под струю горячей воды, и смотрел, как вода окрашивается в розовый цвет. По неосторожности он срезал миллиметр, а может, два, кожи на самом кончике указательного пальца левой руки, но кровь текла на удивление сильно. Виной этому стал недавно заточенный нож сантоку, который сейчас, с окровавленным лезвием, лежал на столе рядом с розоватым зубчиком чеснока. Сантоку вряд ли подходил для измельчения чеснока, но маленький разделочный нож с магнитного держателя на стене куда-то запропастился. Наверняка затерялся в одном из ящиков для столовых приборов, и теперь его ни за что не найти.

Но все это пустяки! Потому что есть хорошие новости. Наконец-то хорошие новости!

Несмотря на внезапное и резкое похолодание, Тео утром отправился на прогулку и случайно наткнулся на молодого полицейского с раздражением от бритья на коже. Тот стоял в очереди за кофе возле кафе на набережной. Попытка

Тео проскользнуть незамеченным не увенчалась успехом: молодой человек его увидел и остановил, придав лицу выражение крайней озабоченности.

— Мистер Майерсон, — произнес он глухим голосом, — я надеялся, что встречу вас. Есть хорошие новости.

— В самом деле?

Молодой человек кивнул.

— Это еще не официально, и пока не сделано никаких заявлений или чего-то в этом роде, но, полагаю, вы скоро о них услышите. — Он глубоко вздохнул, наслаждаясь моментом. — Был произведен арест.

Тео притворно ахнул.

— Вот это да! — произнес он, чувствуя выброс адреналина, — это *отличные* новости. Кто… хм… а вы можете сказать, кого арестовали?

— Лору Килбрайд, — сказал полицейский. Для конспирации он старался говорить одной стороной рта. — Девушку, которую вы видели. Я о ней уже рассказывал. Говорил, что у нее есть преступное прошлое, связанное с насилием.

— И ей уже предъявлено обвинение? — поинтересовался Тео.

— Будет. Это всего лишь вопрос времени. Зато

удалось найти нож, — ответил полицейский.

— Удалось… что? Вы имеете в виду орудие преступления? — Сердце Тео забилось так сильно, что он боялся потерять сознание.

Молодой человек довольно ухмыльнулся.

— Она попалась, мистер Майерсон. С поличным.

По пути домой, а это было совсем рядом, Тео чувствовал себя как альпинист, только что покоривший высокую горную вершину и едва державшийся на ногах. Уклоняясь от бегунов, он два раза чуть не упал. И в то же время душа его пела, и ему хотелось пуститься в пляс! Наконец-то все позади! Ее арестовали. Все *позади*! И сердце у него билось чаще не только потому, что закончилась вся эта затянувшаяся нервотрепка, вся эта ужасная и жестокая история с Дэниелом, но и *вообще все*! Дэниела больше нет, и Анджелы тоже. Карла будет страдать, скорбеть, чувствовать все, что полагается в таких случаях, но после этого начнет приходить в себя, и никто не будет тянуть ее назад. Все разрушительное влияние Сазерлендов, весь тот яд, который они впрыснули в его семью и его брак, теперь канул в Лету.

Тео знал, что они никогда не станут такими, как прежде, — он не был глуп, — но смотрел в бу-

дущее с оптимизмом. Он полагал, что они смогут шагнуть в новую жизнь и обрести внутренний покой, что они будут стремиться к этому вместе, когда ничто и никто больше не будет стоять между ними.

Остановив наконец кровь, Тео перевязал палец, вымыл нож, выбросил испачканный зубчик чеснока и вернулся к рецепту. Оставив отбивные мариноваться в масле, чесноке и мяте, он накинул пальто и вышел на заднее крыльцо выкурить сигарету. Поднеся сигарету ко рту, он заметил, что под ногтями осталась кровь. И вдруг вспомнил то утро, когда увидел на улице девушку — ту самую Лору, которую арестовали. Тогда он вернулся в пустую постель и заснул. А когда проснулся, Карла была в душе. Она вышла, и он позвал ее к себе, протянул руку и попытался увлечь ее обратно в постель, но она уклонилась. Он поцеловал кончики ее пальцев и заметил, что они были розового цвета, словно их долго скребли.

Тео вернулся на кухню, чтобы налить себе бокал красного вина, когда раздался звонок в дверь. Должно быть, Карла забыла свой ключ. Подняв с коврика у входной двери стопку почты, Тео положил ее на столик в холле и открыл дверь с улыбкой на лице и волнением, как в старые

добрые времена.

— А-а… — протянул он разочарованно. — Это вы.

29

Что-то осталось прежним, а что-то изменилось. Лора села и, наклонившись, опустила голову на скрещенные руки. В прошлый раз была поздняя ночь, на этот раз — раннее утро, хотя кто знает? Естественного света в комнате не было, так что время могло быть любым. Комната тоже другая, но во всех отношениях могла бы быть точно такой же. В прошлый раз было слишком тепло, на этот раз — чертовски холодно, но свет такой же яркий, а мебель такая же дешевая. Мерзкий серый ковер, вроде того, что лежит в коридоре у нее дома. (*Не думай о доме. Не думай о доме, иначе начнешь плакать.*) Как и в прошлый раз, напротив нее сидели Лысый и Бровастая с серьезными лицами. Суровее, чем в прошлый раз, подумала она. Каждый раз, когда она ловила взгляд Лысого, он отворачивался, и это ее пугало.

Она была измотана. Казалось, что после вчерашнего телефонного разговора в доме Айрин прошли дни и даже недели. По просьбе полицейских она отправилась домой, чтобы встретиться с ними там. На глазах у всех соседей Лору аресто-

вали на автостоянке и препроводили на седьмой этаж. На площадке ее этажа уже поджидали люди в белых защитных комбинезонах, каких показывают по телевизору.

— Что происходит? — спросила Лора. — Вы ведь тут уже все осмотрели. Зачем вам понадобилось проводить новый обыск?

Кто-то пояснил, что обнаружились новые улики и им надо осмотреть все более тщательно. Пришлось немного подождать, а потом ее привезли в полицейский участок. К тому времени было уже поздно. Ее поместили в камеру и предложили немного отдохнуть. Она не сомкнула глаз.

— Лора? — Бровастая поставила перед ней стакан с водой. — Дежурный адвокат скоро будет, так что мы начнем через минуту-другую.

— Да, хорошо, — ответила Лора. — Ваше здоровье.

Все то же самое — их вежливое, лицемерное дружелюбие. Они всегда так делали, об этом свидетельствовал весь ее предыдущий опыт общения с полицией. Однако она думала, что на этот раз все будет по-другому, потому что этот раз *был другим*. Это не было вторжением в частное владение или хулиганством, не было пьянством в общественном месте или мелкой кражей. На

этот раз речь шла об убийстве.

Убийство! Лора почувствовала, как в груди поднимается волна смеха. Она резко выпрямилась и закусила губу, однако все ее старания оказались тщетными, и у нее вырвался смешок. Лысый удивленно оторвался от своих записей. Лора снова засмеялась. Это не было смешно, ни хрена не было! Она смеялась все громче и уже не могла остановиться, а по ее щекам текли слезы.

— С вами все в порядке, Лора? — спросил ее Лысый.

Она наклонилась вперед, уперлась лбом в стол и прикусила изнутри щеку. *Перестань смеяться, перестань смеяться, перестань смеяться, перестань, твою мать, смеяться.*

Дверь открылась, и Лора перестала смеяться. Она подняла взгляд. Невысокий стройный мужчина с рыжими волосами и очень бледной кожей протянул ей для рукопожатия вялую руку. Дежурный адвокат — не тот, что приходил в прошлый раз. Он назвал ей свое имя, которое она тут же забыла, и нервно улыбнулся. *Ему-то* что нервничать? Это точно не внушало оптимизм, верно?

Лысый для протокола перечислил всех присутствующих. Лора выслушала все имена и тут же (опять) их забыла: Лысый, Бровастая, Нервный

Парень. Лора Килбрайд. Начали задавать те же вопросы, что и в прошлый раз. Где она встретила Дэниела, когда, во сколько они пришли на баржу, чем занимались, оказавшись на ней? Все то же самое, что и раньше — сначала на квартире, а затем в полицейском участке.

— Вы не можете сменить, к чертовой матери, эту пластинку? — наконец не выдержала Лора. — Мы уже это проходили, или не так? Пропели эту арию дуэтом. Или квартетом? — Она посмотрела на Нервного Парня. — Это будет квартет? Что-то вы не особо стараетесь, а? Обеспечиваете бэк-вокал?

Лысый, скривившись, поджал губы.

— Вы думаете, это смешно, Лора? — поинтересовалась Бровастая. — Вы считаете это шуткой?

— Это *и есть* идиотская шутка! Потому что я уже рассказывала вам о Дэниеле Сазерленде, уже говорила, что мы поссорились, немного потолкали друг друга, и все! Я не ударяла его ножом! Мы все это уже проходили, и у вас на меня ничего нет — вы облажались, верно? Просто больше никого не нашли и притащили меня сюда, а теперь изводите. — Она повернулась к Нервному Парню: — Они должны либо закрыть меня, либо заткнуться, верно?

Он опустил взгляд в свой блокнот с чистыми страницами. Черт возьми, толку от него никакого.

— Вы должны либо предъявить мне обвинение, либо отпустить.

Лысый откинулся на спинку стула, посмотрел ей в глаза и спокойно объяснил, что, помимо свидетеля, который видел, как она, вся в крови, покидала место преступления примерно во время смерти Дэниела Сазерленда, у них есть факт нахождения ее ДНК на его теле, а его — на ее. Она украла у него часы — вот еще один факт. Более того, он сообщил, что анализ крови на ее футболке показал, что кровь там была не только ее, но и Дэниела Сазерленда.

— Вы можете объяснить это, Лора? — спросил он. — Если, как вы утверждаете, Дэниел был еще жив и здоров, когда вы уходили, то как вы объясните наличие *его* крови на *вашей* одежде?

«*Оказывается*, — сказал Дэниел на рассвете, когда кончил во второй раз, — *трахаться с калекой мне не нравится. Это точно не мое*». Ни с того ни с сего. Она не была готова к такой бессмысленной жестокости. Она знала, что Дэниел не был *хорошим парнем*, она бы и не пошла с ним, если бы он был, — она не любила хороших парней, пото-

му что хорошие парни на поверку оказывались самыми плохими, но такого она никак не ожидала. Она не ожидала, что он оттолкнет ее и будет смеяться, увидев, как она споткнулась и упала. И смех этот был не деланым, а настоящим, как будто он искренне считал, что это смешно. Когда она поднялась, ее глаза застилал туман ярости. Она набросилась на него с таким проворством, что застала врасплох и увидела выражение его лица. На мгновение, всего на долю секунды, он испугался.

— Лора? — На этот раз уже Бровастая наклонилась над столом. — Ну что? Можете объяснить наличие крови Сазерленда на своей футболке?

— Я его укусила, — ответила Лора.

— Укусила? — повторила Бровастая без тени улыбки, и как бы Лора ни пыталась скопировать ее серьезность, у нее ничего не вышло. Она снова начала смеяться, потому что как тут удержаться от смеха? Дело было серьезное, настолько серьезное, что оторопь брала, и она, посмотрев через стол на детективов, снова засмеялась и никак не могла остановиться. Лысый при этом выглядел несчастным, а Бровастая — самодовольной.

Рядом с ней дернулся Нервный Парень. Он поднял ладони, раздвинул пальцы и посмотрел на

нее, как бы говоря: *Какого хрена?*

— Я его сильно укусила. — Лора указала на место у себя на шее над ключицей. — Прокусила до крови. У меня была кровь во рту и на губах, и я ее вытерла. Должно быть, она и осталась на футболке.

Бровастая ухмыльнулась и покачала головой.

— Вот, значит, как? — спросила она. — Такое ваше объяснение?

— Да, такое. Спросите у своих криминалистов, — сказала Лора. — Спросите, есть ли у него укус на шее.

— Учитывая расположение его колотых ран, — тихо заметил Лысый, — возможно, нам не удастся это установить.

— Ха! — воскликнула Лора, откинувшись на спинку стула с победной улыбкой.

— Но я не думаю, что кровь, которую мы нашли, может быть от укуса, если, конечно, он не был очень глубоким. Или был? — спросил Лысый.

Лора нервно сглотнула.

— Нет, конечно. Я же не гребаный вампир? Была небольшая драка. Что-то разбилось, может, тарелка или стакан, не знаю. Стакан. Там на полу валялись осколки? Уверена, что да. Кажется, у него в крови была рука… и, думаю, он толкнул

меня — да, точно, он толкнул меня в лицо, потому что я помню, как дома увидела у себя на лице кровь. Он толкнул меня в лицо и, может, еще и в грудь, когда проходил мимо.

Рядом с ней Нервный Парень что-то яростно строчил в своем блокноте.

— Вы раньше ничего об этом не говорили, Лора, — заметил Лысый. — Почему вы об этом умолчали?

— Это было не важно, — ответила Лора.

— Напротив, это было *еще как важно!* Скрывать информацию от полиции совсем не ерунда, — властно произнес Лысый. — Почему вы нам об этом не рассказали? Зачем нужно было лгать?

— А *как* мне было не солгать?! — огрызнулась Лора. — У меня уже были проблемы, у меня всегда эти чертовы проблемы, я просто не хотела усугублять ситуацию. Да, я солгала, ясно? — Она перешла на крик. — Тогда я солгала, но теперь говорю правду!

Лора не поняла, каким образом — может, у полицейских где-то под столом был припрятан мешок с фокусами — в руках у Бровастой вдруг оказался прозрачный пластиковый пакет, который она положила на стол между ними. Лора непонимающе уставилась на него.

— Что вы нам можете об этом рассказать, Лора? — спросила Бровастая.

Лора открыла рот и снова закрыла.

— Что я могу… — Ее снова разобрал смех, и она сильно прикусила нижнюю губу. — Что я могу вам рассказать? Судя по всему, это нож. Он маленький… небольшой. У него черная ручка. Похоже, деревянная. На лезвии что-то есть. Понятия не имею, что это, но могу предположить…

— Не надо ничего предполагать! — неожиданно вмешался Нервный Парень.

— Ага. Ну да. Это верно. Что я могу вам сказать? Могу сказать, что это похоже на нож, который я вижу первый раз в жизни.

Лысый кивнул.

— Хорошо. А вас не удивит, что этот нож мы нашли в вашей квартире?

Лора покачала головой:

— Нет… в смысле *да*! Да, конечно, это бы меня чертовски удивило, я ведь только что вам сказала, что никогда его раньше не видела! Это не мое. — Она вскочила на ноги. — Не мое!

— Пожалуйста, сядьте, Лора, — мягко попросил Лысый.

Она села.

— Зачем мне?… — Она запнулась и начала за-

ново: — Нет, ладно, чисто теоретически…

— Мисс Килбрайд, я… — снова проснулся Нервный Парень.

— Нет, все в порядке, все в порядке. Чисто теоретически, допустим, что это находилось в моей квартире. Зачем мне это там оставлять? Вы считаете, что я выжила из ума? Что мне совсем мозги отшибло? Зачем мне его оставлять? Чтобы вы его нашли?

— Но вы же оставили часы Дэниела, — заметила Бровастая.

— Часами же людей не убивают, черт побери!

— А ножами вы убиваете?

Лора закатила глаза.

— Видите? — сказала она, обращаясь к адвокату. — Видите? Пытаются вложить мне в рот слова, пытаются запутать и провоцируют. Типичная полицейская провокация. Этот нож не мой! Не знаю, откуда он там взялся, но он не мой!

— Итак… что? — поинтересовалась Бровастая. — Что вы скажете? Я *не хочу вкладывать вам в рот слова*, поэтому скажите, что, по-вашему, произошло.

Лора открыла рот и снова закрыла, точь-в-точь как рыба. Потом всплеснула руками.

— Откуда мне, мать вашу, знать?! Кто-то его

туда подбросил. Может, даже кто-то из ваших. Чтобы подставить меня. Потому что прошло две недели с тех пор, как его убили, а вы так ни хрена и не нарыли.

— «Кто-то его туда подбросил», — очень медленно повторила Бровастая. — Вы считаете, что кто-то подбросил нож в вашу квартиру? У кого-нибудь еще есть доступ к вашей квартире, Лора? У кого-нибудь еще есть ключ?

— Что, кроме дворецкого? — огрызнулась Лора. — Кроме моей уборщицы, личного тренера и… Ой, подождите. *Мириам!* — Она внезапно о ней вспомнила. — У Мириам был мой ключ!

Детективы обменялись быстрыми взглядами.

— Должно быть… черт побери! Послушайте, насчет дворецкого я пошутила, но есть женщина, ее зовут Мириам, она живет на… О, вы ее знаете, вы с ней разговаривали, она сказала, что нашла его, верно? Так вот, у нее был мой ключ.

Детективы вновь обменялись взглядами, и Бровастая наклонилась вперед и уточнила:

— Вы хотите сказать, что у Мириам Льюис был ваш ключ?

— Я не знаю ее фамилии — она живет на барже и сказала, что нашла его. Сколько там может быть Мириам?

— Только одна, и это определенно Мириам Льюис, — ответил Лысый. Он выглядел искренне сбитым с толку. — А почему вы считаете, что Мириам Льюис подбросила нож в вашу квартиру?

Дыхание Лоры участилось и стало поверхностным. Теперь она все видела не так, как раньше, появился лучик света, и она почувствовала — что за странное ощущение? — как забрезжила *надежда*.

— Мой ключ, — сказала она. — Вы помните, я говорила, что потеряла его? И тогда поранила руку?

Лысый кивнул.

— Так вот, оказывается, он был у нее. Она сказала, что нашла ключ на его барже, но не сказала, зачем его взяла… Выходит, она могла войти в мою квартиру в любой момент после его смерти! И к тому же… — Теперь ей все стало ясно. — И к тому же она имеет зуб на Майерсонов. Вы об этом знали? Она ненавидит их и считает злом. Я не очень понимаю, почему, но она сказала мне, да, точно сказала, что считает убийцей Дэниела Карлу — это ведь тетка Дэниела, верно? Она сказала, что, по ее мнению, Дэниела убила именно Карла, и тогда мне это показалось очень странным. Но теперь я думаю, она просто пыталась перевести

стрелки с себя на кого-то другого. В смысле, она говорит, что нашла труп, но откуда вы вообще знаете, что это правда? Может, она нашла его, потому что знала, что он там? Ведь часто говорят, что убийцей оказывается человек, нашедший тело. Я понимаю, это может выглядеть неправдоподобно, потому что она пожилая женщина…

— Ей пятьдесят три года, — уточнил Лысый.

— И я про то, но, если она старая, это не означает, что она не могла его убить. А вы в курсе, что у нее проблемы с головой? Я знаю, знаю, вы думаете, *кто бы говорил*, но свой своего точно разглядит. Вы знали, что ее, по ее же словам, похитил серийный убийца? Что она написала об этом книгу? Она… — Лора покрутила пальцем у виска, — больная на всю голову.

Детективы откинулись на спинки своих стульев и скрестили руки на груди. Казалось, что Лоре удалось перехватить инициативу. Бровастая оправилась первой:

— Этот ключ, который, по вашим словам, находится у нее, она…

— Находился, сейчас нет. Я забрала его у нее.

— Вы забрали его у нее? Вчера? Когда пришли к ней на баржу и напали на нее?

— Когда я *что?!* Нет, я не нападала на нее, я

не…

— Мисс Льюис подала на вас жалобу, Лора, — сообщила Бровастая, — она…

— Да это чушь! Полный бред! Я на нее не нападала! Это она меня толкнула! Видите?! — Лора указала на синяк на лице. — Она толкнула меня, и я упала, но… разве дело в этом? — Она повернулась к Нервному Парню: — Разве вы не должны что-то делать? Что-то говорить? — Она ткнула пальцем в пластиковый пакет с ножом. — Там есть мои отпечатки пальцев? Их ведь там нет, правда?

— Результаты экспертизы еще не готовы.

— «Экспертизы»? Отпечатков пальцев? — Она насмешливо засмеялась. — Вы так ни хрена и не нарыли? Послушайте, вы собираетесь предъявлять мне обвинение или нет? Потому что, если нет…

— Мы собираемся предъявить вам обвинение, Лора.

Надежды рухнули.

— Но… ключ, — пролепетала Лора. — Разве вам это ни о чем не говорит?

— У вас был мотив, возможность и средства преступления, — решительно заявила Бровастая, загибая пальцы. — Вы солгали нам о серьезности

своей ссоры с Дэниелом. На вашей одежде нашли его кровь. Среди ваших вещей было найдено орудие убийства.

— Оно не мое! — заплакала Лора. — Ключ, это наверняка… *пожалуйста!*

Она посмотрела на Лысого, который, казалось, сам едва сдерживал слезы. Чтобы не встретиться с ней взглядом, он посмотрел сначала на стол, а потом на Нервного Парня.

— Сейчас мы отведем ее вниз, где предъявим официальное обвинение, — сказал он.

— Пожалуйста, не надо, — снова попросила Лора. Протянув руки к Лысому, она хотела умолять его, броситься к его ногам, предложить ему себя, но в комнате уже были полицейские в форме, и кто-то помогал ей встать со стула.

Они обращались с ней вежливо, но от их обходительности стало только хуже. Она начала их отталкивать и отбиваться.

— Лора, — слышала она взволнованный голос Лысого, в котором звучал упрек. — Лора, перестаньте, не делайте этого…

Но она хотела этого, хотела драться, хотела, чтобы ее схватили, бросили на землю и вырубили. Хотела забыться.

30

Карла дважды переоделась, три раза начала и бросила писать письмо Тео и на четвертом черновике приняла наконец решение, которое сочла правильным. Она решила, что, вместо того чтобы сбежать, она все-таки придет к нему на ужин и, как обычно, останется на ночь, а утром ускользнет, оставив на столе письмо.

Она заказала такси до вокзала Кингс-Кросс на одиннадцать тридцать утра, так что у нее будет достаточно времени, чтобы заехать на Хейвордс-плейс и забрать вещи, которые она по глупости туда отнесла. Собачий поводок, письма и блокнот Дэниела. Она не могла допустить, чтобы Тео их нашел. Она не хотела, чтобы он столкнулся с той реальностью, в которой оказалась она, у него не было ее твердости духа. Достаточно и того, что эта реальность в конце концов сделала с ней.

Как жаль, что Дэниел не нашел лучшего применения своим талантам! Вот о чем думала Карла в тот день, когда забрала блокнот с баржи и потом листала его, сидя на диване у себя дома. Он так потрясающе рисовал, так тонко передавал выра-

жение лица, улавливая движения и нюансы. На бумаге он проявлял сопереживание и чуткость, которых, казалось, был напрочь лишен в реальной жизни.

Она чувствовала себя виноватой из-за этих мыслей, из-за того, что вообще стала смотреть его блокноты и альбомы: Дэниел всегда подчеркивал, что они не для чужих глаз, что он рисовал для себя. Раньше Карла считала, что причиной являлась его неуверенность в своем мастерстве, но теперь она не была так уверена. Ей становилось не по себе, когда она смотрела на листы со своим изображением, потому что теперь она убедилась в том, что раньше только подозревала: в любви Дэниела к ней было что-то неправильное. Хуже того, она боялась, что и ее любовь к нему была такой же. Чувствуя и вину, и неловкость, и страх, она все же не могла перестать листать страницы, потому что его рисунки были прекрасны.

В них все было идеализировано. Дом на Лонсдейл-сквер, где выросли они с Анджелой, а Дэниел провел раннее детство, больше походил на замок, чем на викторианский особняк. Вокруг него был разбит скорее целый парк, нежели обычный лондонский сад. Молодой Дэниел был изображен шире в плечах и мускулистее, а когда

она увидела Бена, у нее перехватило дыхание. Настоящий херувим с ямочками на щеках и наивным взглядом олененка: Дэниел прекрасно уловил щедрость его улыбки, мягкий завиток волос на затылке. Сердце у нее едва не разорвалось.

Она отложила альбом.

Когда Карла снова взяла его в руки и стала разглядывать страницы, пытаясь уловить смысл нарисованной истории, она поняла, что идеализации подверглось *далеко не все*. Изображения Анджелы, например, были безжалостными: костлявая, полураздетая, опустившаяся пьяница. Но Дэниел не пожалел и себя. Хотя в образе Ареса он представал внешне красивым, душа его была черной. Он был злым, издевался над младшими ребятами в школе, за что сам не раз подвергался побоям. Соблазнял и бросал юных девушек, которых считал либо наивными, либо идиотками. Третировал и унижал свою мать. Карла подумала, как же это странно, как чудовищно и одновременно трогательно видеть Дэниела злодеем, зная, что таким он изобразил себя сам. Почему, вместо того чтобы сделать себя героем своей истории, он превратил себя в негодяя? Это причиняло ей невыносимую боль. Но по мере того как она

переворачивала страницы, этот кровоточащий комок боли прямо под грудью начал потихоньку рассасываться, и на смену ему пришли страх и подсознательная уверенность в том, что лучше отложить альбом, закрыть его и никогда больше не открывать. Но где-то на середине она снова увидела себя изображенной с Беном на руках в тот солнечный полдень, когда приехала на Лонсдейл-сквер. Что это за день, она поняла сразу и отвести взгляд уже не могла.

Дэниел изобразил Карлу одетой в платье, ее длинные волнистые волосы ниспадают на голые плечи, а Бен — потрясающий, чудесный Бен — улыбается и смеется, сидя у нее на бедре. На балконе стоит Дэниел — его хмурое лицо наполовину скрыто в полумраке — и наблюдает, как Карла передает Бена Анджеле. Перегнувшись через перила и оказавшись под лучами солнца, Дэниел кричит и машет тете, но та уже отвернулась, не заметив его. Его маленькое личико вытягивается от разочарования и обиды.

На следующем рисунке уже вечер. В игровой комнате Дэниел в одиночестве смотрит телевизор. Он встает и идет наверх, в спальню матери, чтобы пожелать ей спокойной ночи, но ее там нет. Тогда он возвращается в свою комнату и

видит, что его маленький кузен проснулся, слез с матраса, на котором спал, и теперь лежит на полу. Он рисует и пишет что-то в альбоме, а вокруг разбросаны другие альбомы, страницы которых испещрены его уродливыми каракулями. На лице Дэниела тщательно прорисовано страдание: Бен испортил все его рисунки, все так старательно и любовно нарисованные комиксы! Вне себя от горя он зовет мать, но никто не приходит. Он ищет ее, заглядывает во все комнаты, пока наконец не добирается до кабинета. Дверь закрыта, но он слышит внутри какой-то шум. Осторожно толкает дверь, и вот она — сидит верхом на мужчине, на каком-то незнакомце, на человеке, которого он никогда раньше не видел. Голова ее запрокинута, рот широко открыт. Она поворачивается, замечает испуганного сына и начинает смеяться. Дэниел со всех ног бросается прочь.

Следующая сцена показывает Дэниела, лежащего в постели. Его мысли изображены в виде облака над головой, в котором разыгрываются различные сцены. В одной он представляет, как бьет любовника матери по голове бутылкой из-под шампанского; в другой — дает пьяной Анджеле пощечину. Затем это облако воображения рассеивается. Дэниел приподнимается на локте и

смотрит через комнату на маленького мальчика, который теперь спит на боку: его длинные ресницы касаются скул, а голова окружена ореолом кудряшек.

Утром Дэниел поднимается наверх в комнату матери. Она спит одна. Он уходит, закрыв за собой дверь. Затем возвращается в свою спальню, где осторожно будит маленького мальчика. Ребенок радуется старшему брату, на его лице широкая глупая улыбка. Дэниел помогает ему встать с постели, берет за руку, ведет к кабинету и открывает дверь. Держась за руки, они пересекают комнату, пробираясь мимо следов вчерашнего кутежа: разбросанной одежды, переполненной пепельницы, лежащей на полу пустой бутылки из-под шампанского. Дэниел ведет ребенка к балконной двери, открывает ее и достает из-за спины игрушку — ярко-красный грузовик. Ребенок радостно смеется и протягивает руки, чтобы схватить его, и тогда Дэниел выкатывает грузовик на балкон, к сломанным перилам. И смотрит, как ребенок бежит за ним.

На последнем рисунке Дэниел снова один. Он сидит на краю балкона, свесив ноги, и на его лице улыбка.

31

Айрин сидела на неудобном жестком стуле в гостиной Тео Майерсона. Она сразу поняла, что ей на нем будет неудобно, но все равно выбрала его, потому что он казался относительно высоким и она решила, что сможет встать с него без посторонней помощи, а это было важно. Она не имела никакого желания хоть в чем-то зависеть от Майерсона. Держа стул одной рукой — другой она крепко сжимала сумочку, — Айрин с трудом придвинула его на несколько дюймов ближе к камину. Было ужасно холодно — зима не хотела уходить, не отомстив за изгнание. Утром по радио предупредили, что может пойти снег.

Майерсон на кухне наливал для нее шерри. Она не хотела пить — она всегда мало пила, — но после того как Майерсон неохотно пригласил ее в дом, решила принять его предложение выпить шерри. Сам он пил вино. Один. В разгар дня.

Пока хозяина не было, Айрин любовалась книжными шкафами в его библиотеке. Что ни говори, а книжные шкафы у Тео Майерсона были на загляденье. Дубовые, подумала Айрин, и сделаны

на заказ — от пола до потолка по обе стороны от камина, с изящной передвижной библиотечной лестницей, позволяющей доставать книги с самых верхних полок. С того места, где она сидела, Айрин не могла прочитать имена на корешках, что ее огорчало. Ей очень нравилось судить о людях по тем книгам, которые они читают, хотя сейчас для этого было явно неподходящее время.

— С минуты на минуту должна прийти Карла, — предупредил вернувшийся в комнату Тео, протягивая ей небольшой хрустальный бокал. — Мы ужинаем вместе.

Айрин кивнула, беря бокал.

— Я не знала, где она живет, — объяснила она, вспоминая, что уже говорила ему это. — Но ваш адрес я нашла, как уже сказала, на конверте в книге…

Тео кивнул. Он опустился в кресло, стоявшее на другом конце комнаты, и, сделав большой глоток вина, сердито посмотрел на нее.

— Вам нужно срочно с ней поговорить? Вы можете сказать о чем?

— Думаю, нам лучше подождать Карлу, — ответила Айрин и отпила шерри.

Тео немного посидел, разглядывая потолок, потом снова сердито посмотрел на нее. Он не

отличался тактом. Какое-то время они молчали, а затем Айрин, немного успокоившись, сообщила:

— Мне нужно поговорить с ней о том, что я нашла в доме Анджелы. — Она сделала еще один глоток шерри. — Я нашла блокнот для рисования, принадлежащий Дэниелу. — Она вынула его из сумочки, потом, передумав, сунула обратно.

— А это срочно? — ровным голосом поинтересовался Майерсон.

— Ну, я… Вы его раньше не видели, правда, мистер Майерсон?

Тео покачал головой, к радости Айрин, не проявив никакого интереса. Он раздраженно поерзал в кресле, словно собираясь попросить ее уйти. Она нервно сделала еще глоток.

— Полагаю, это то, что называется графическим романом. Не так давно один даже номинировался на Букеровскую премию. Мне это показалось очень странным. Я имею в виду, как, черт возьми, можно сравнивать комикс с настоящей книгой?

Тео приподнял брови и с бульканьем сделал глоток. Он все прозрачнее давал ей понять, несколько неуместно ее присутствие.

— Ну, я полагаю, о вкусах не спорят, — сказала она и, помолчав, добавила, показывая конверт с его адресом: — Я нашла его в одной из ваших

книг. В криминальном романе.

В последовавшем за этим долгом напряженном молчании Айрин раздумывала, не стоит ли сказать и о прочитанной ею рукописи, которую она получила от Лоры. Но потом решила, что сейчас вряд ли подходящее время для обвинения Майерсона в плагиате. Ей не хотелось отвлекаться от дела, ради которого она пришла. Айрин поднесла бокал с шерри ко рту и с удивлением обнаружила, что в нем осталось чуть больше капли.

— Этот блокнот… — наконец произнес Тео, нахмурившись. — Вы сказали, что нашли его в доме Анджелы. А что вы делали в доме Анджелы?

— Видите ли, дело в том… — Айрин замолчала.

У нее не было вразумительного ответа на этот вопрос. Если коротко, то она просто проявила любопытство. В развернутой версии объяснение сводилось к следующему: услышав по радио, что Лору обвиняют в убийстве, она сразу решила поговорить с Карлой, поскольку не сомневалась, что совершена ошибка. Ни телефона, ни адреса Карлы она не знала, но была уверена, что наверняка найдет их в доме Анджелы. Но, придя туда, она была разочарована, потому что дом оказался совершенно пустым. Она ходила по обшарпанным комнатам, впервые заметив, в каком плачевном

состоянии находилось это место: обои пузырились и отслаивались, вокруг кухонного окна разводы сырости, рамы в спальнях начали гнить. На дне шкафа в дальней спальне — практически единственного оставшегося в доме предмета мебели — Айрин обнаружила стопку бумаг. Три или четыре письма, адресованные Анджеле, и блокнот для рисования. Айрин унесла их с собой. Адреса Карлы она не нашла, но блокнот для рисования натолкнул ее на кое-какие мысли. Нельзя сказать, чтобы она все поняла — вряд ли это было возможно, — однако рисунки могли подсказать, с чего все началось и где было посеяно семя зла.

Тео подался вперед.

— Итак? Что вы делали в доме Анджелы? — Его голос стал хриплым, а выражение лица — угрожающим. — Насколько мне известно, у вас там нет никаких дел, это собственность Карлы.

— Разве? — спросила Айрин. — Дом принадлежит Карле?

Майерсон резко поднялся на ноги.

— О, ради бога! Кто является владельцем дома, не ваше дело. Карла сейчас очень переживает, и ей точно не нужно, чтобы какая-то назойливая женщина беспокоила ее и вмешивалась в ее дела. — Он пересек комнату и протянул ру-

ку. — Дайте мне блокнот, — потребовал он, — и я передам его Карле. Если она захочет обсудить это с вами, она вас найдет. Но я бы не стал на это рассчитывать.

Айрин прижала сумочку к груди.

— Мне бы хотелось передать его Карле самой, если вы не против, — сказала она, но за ее строгим тоном скрывался страх перед этим крупным, нависшим над ней мужчиной — страх при мысли, что он может сделать, если увидит рисунки Дэниела.

— Я как раз против! — рявкнул Тео. — Отдайте мне блокнот, и я вызову вам такси, — сказал он, протягивая руку.

Айрин крепко сжала губы и покачала головой:

— Я прошу вас на это не смотреть. Я не…

— Карла может смотреть на это, а я не могу? — возмутился он. — Почему?

— Я уверена, что Карла это уже видела, — объяснила Айрин. — Так что для нее это не станет шоком.

— Шоком? — повторил он, опуская руку. — Почему это должно меня шокировать? — Он снова поднял взгляд к потолку. — О, ради бога! Дело в Карле, не так ли? Там есть рисунки Карлы? Он был зациклен на ней нездоровым образом. Боюсь, у

этого молодого человека была больная психика.

Айрин промолчала и опустила взгляд на сумку на коленях.

— Я ошибаюсь? — не унимался Майерсон. — Там есть что-то обо мне? Какие-то гадости, верно?

— Дело в том, что… — начала Айрин, но внезапный акт насилия прервал ее на полуслове.

Тео вдруг резко выбросил вперед руку и грубо схватил сумочку с ее колен.

— Нет! — вскричала она. — Постойте, не надо!

— С меня довольно! — прорычал Тео, выхватил из сумочки блокнот и бросил ее обратно Айрин.

Сумочка упала на пол, рассыпав на ковер свое содержимое — запасные очки, пудру и маленький, сшитый из твида кошелек для мелочи.

Айрин очень осторожно опустилась на колени, чтобы собрать свои вещи, а Майерсон так и продолжал возвышаться над ней. Не обращая внимания на пожилую женщину, он открыл блокнот и начал читать.

— «Происхождение Ареса»! — ухмыльнулся он. — Да уж, скромностью он явно не страдал, верно? Арес, бог войны! Этот маленький него… — Он начал быстро листать блокнот, скользя взглядом по страницам, пока вдруг не замер, издав

короткий вздох. Губы его превратились в узкую полоску, лицо стало белым как полотно, а пальцы сжались в кулаки, сминая страницы альбома.

— Мистер Майерсон, — сказала Айрин, чувствуя, как защемило сердце, — вам не следует на это смотреть… — Она медленно поднялась на ноги. — Вам не надо видеть то, что он нарисовал, — добавила она, хотя по ужасу, написанному на лице Тео, поняла, что уже слишком поздно. — Я понимаю, насколько все это тяжело…

Внезапно у Айрин закружилась голова, ковер под ногами накренился и стал раскачиваться, как лодка, а камин и красивые дубовые книжные шкафы погрузились в туман.

— Ой… Я неважно себя чувствую, — сказала она и протянула руку туда, где должен был находиться ее стул, но его там не оказалось. Она споткнулась, потом выпрямилась, крепко зажмурила глаза и снова их открыла. Это все шерри — шерри и тепло от камина. Она чувствовала себя довольно странно, да еще перед ней стоял Майерсон — он смотрел на нее, раскрыв красный рот, лицо его потемнело, руки были сжаты в кулаки. О боже! Она отступила на шаг назад, пошарила рукой, за что бы ухватиться, но ничего не нашла. Какая же она идиотка, что взяла с собой блокнот!

Она думала, что ее приход сюда был проявлением бесстрашия, а на самом деле — глупости, и старой дурой ее считали не зря.

32

Росчерком пера Тео убивал много раз. На тысячах страниц написанной им художественной прозы он убивал ножом, выстрелом, вешая на самодельных виселицах, забивая до смерти острым камнем, который вкладывал в маленькую ладонь. И он допускал, что это далеко не самое плохое, что могло случиться (о, чего он только не представлял!), поскольку все время спрашивал себя, на что мы (он, кто угодно) можем быть способны в экстремальной ситуации.

Блокнота больше не было — он сгорел в камине. Старуха снова встала на ноги, но растерялась и испугалась: она не ожидала, что он отреагирует столь быстро и решительно. Глядя на нее, он подумал, как хрупка жизнь людей в таком возрасте. Она слишком быстро выпила бокал шерри и теперь едва держалась на ногах. Пошатывалась, в глазах были слезы. Она стояла на краю ковра, угол которого загнулся, пока она собирала на полу свои вещи, почти точно посередине между массивным камином с острыми углами и минималистическим журнальным столиком из стекла

и бронзы.

Если бы ему пришлось описывать такую сцену в романе, вариантов было бы предостаточно.

Сумевшая спастись

Перед глазами у него красная пелена.

Проснувшись в то утро, он не думал, что станет героем этой истории. Если бы он вообще об этом думал, то скорее отвел бы себе роль охотника.

Проснувшись в то утро, он не мог себе представить, что это произойдет именно так, что она будет совсем не похожа на ту, какую ему хотелось, совсем не той, которую он желал. Не мог представить, что она будет лгать ему, обманывать его.

Проснувшись в то утро, он никак не думал, что сам станет добычей.

Несправедливость происходящего наполняет горечью все его существо, когда он становится жертвой той, что сумела спастись, девушки с уродливым лицом, с камнем в руке, жестокой и мстительной. Он ничего больше не видит, кроме нее, и она — последнее, что он увидит.

Сумевшая спастись

Еще не видя его, она знает, что он ее нашел. Знает, что за рулем окажется именно он. Она замирает. Мгновение поколебавшись, прыгает в сторону от дороги, в канаву, перелезает через деревянный забор и оказывается на соседнем поле. Она бежит наугад, падает, поднимается и снова бежит, не издавая ни звука. Что толку кричать?

Поймав ее, он наматывает ее волосы на руку и тянет вниз. Она чувствует запах его дыхания. Она знает, что он собирается с ней сделать. Знает, что будет дальше, потому что уже видела, как он это делал, делал с ее подругой, как яростно тыкал ее лицом в грязь, как лапал ее.

Она видела, как упорно сопротивлялась подруга.

Видела, как та проиграла.

Поэтому она не отбивается и позволяет телу расслабиться. Она лежит в грязи мертвым грузом. Пока он шарит руками по ее телу через одежду, она не сводит глаз с его лица.

Но ему нужно не это.

— Закрой глаза, — говорит он ей. — Закрой

глаза.

Она не станет их закрывать.

Он бьет ее по лицу. Она не реагирует, не издает ни звука. Ее бледные конечности наливаются тяжестью, становятся в грязи такими тяжелыми, что она тонет в ней. И увлекает его с собой.

Но ему нужно не это.

Он слезает с ее тела, ударяет кулаком по земле. Его лицо перепачкано кровью, во рту тоже вкус крови. Он обмяк и сломлен.

Но ему нужно не это.

Он начинает плакать.

Пока он плачет, она тихо поднимается с земли.

— Уходи, — говорит он ей. — Просто уходи. Беги.

Но девушка не хочет бежать, она уже достаточно набегалась. Она поднимает с земли камень с зазубринами и острием, похожий на наконечник стрелы. Камень не большой и не маленький — как раз такой, чтобы удобно лечь в ладонь.

Она сжимает теплый камень, и его глаза расширяются от удивления, когда она наносит удар в висок. Услышав хруст костей, в ней вспыхивает радость, и она бьет еще раз, и еще, и еще, пока пот и его кровь не заливают ее всю. Ей показалось, что он умолял ее остановиться, но она не уверена.

С таким же успехом ей могло это померещиться.

Когда приедет полиция, девушка расскажет, что сражалась за свою жизнь. И ей поверят.

33

Мириам перебирала безделушки, которые попали к ней в результате соприкосновения с другими жизнями — жизнями других людей и другими жизнями, которые она могла бы прожить сама. Она с грустью отметила, что ее коллекция поредела — пропал ключ, который она взяла на барже, и одна из сережек Лоррейн, — и это ее ужасно огорчало.

То, что она хранила, было связано с важными для нее событиями, и когда она о них думала — о нескольких моментах на барже наедине с Дэниелом, о своем побеге из фермерского дома, — ей нравилось держать в руках напоминавшие об этих событиях вещи. Они помогали ей вернуться в прошлое, вспомнить, как все было на самом деле и что она тогда чувствовала. Сейчас она сжимала маленький серебряный крестик, подаренный ей отцом в день конфирмации, ее первого причастия. Крепко зажмурившись, она представила себя четырнадцатилетней девушкой, еще до всех ужасов фермерского дома, когда она еще была невинной.

Мириам знала, что привычка собирать предметы, чтобы перенестись в важные события прошлого, характерна для психопатов и серийных убийц. Это ее тревожило, однако она считала, что страшные моменты в жизни бывают у всех, а эти предметы помогали ей оставаться тем, кем она была, — чудовищем, в которого она сама себя превратила.

Иногда, когда она оказывалась в очень темном месте, ее наполняло желание покаяться. Будь у нее духовник, с чего бы она начала? С последнего или первого события? Она полагала, что с первого. Первое было определяющим, именно оно направило ее по этому пути.

Началом стала та ночь, когда она сумела выбраться из фермерского дома, когда стояла перед разбитым окном и молилась, молилась. Когда вылезла из окна и побежала по грунтовой дороге. Когда услышала гром, который оказался не громом, а шумом от машины, ехавшей с фермы. Когда она поняла, что он идет за ней, и снова побежала, перелезла через забор, бросилась в канаву и поползла на животе, пока не оказалась под деревом, хотя бы частично скрывавшим ее. Она лежала там, прислушиваясь к звуку мотора и видя, как свет фар освещает ветку у нее над

головой. Машина поехала дальше.

Какое-то время после этого она продолжала лежать в канаве. Как долго, она не знала. Так и не смогла вспомнить. Она помнила очень много подробностей того дня и последовавшей за ним ночи — и запах дома, и бледную голубизну вечернего неба, и песню в машине, и тот жуткий звук, который издала Лоррейн, когда он ударил ее. Но ей так и не удалось вспомнить, как долго она пролежала в канаве, замерзшая и обессиленная. И только одна мысль постоянно крутилась у нее в голове, возвращаясь снова и снова: *Я не виновата, что он выбрал тебя*.

Не могла она вспомнить и то, как долго стояла, парализованная ужасом, перед разбитым окном в запертой комнате, и сколько ей потребовалось времени, чтобы решить: если она убежит и поднимет тревогу, шансов выжить у нее будет больше, чем если бы она осталась и оказала сопротивление. Она не могла вспомнить, как долго стояла там и молилась, молилась, чтобы он не спустился по лестнице, чтобы не пришел за ней. Чтобы не закончил с Лоррейн слишком быстро.

Она продолжала размышлять об этом и за туалетным столиком в комнате Лоррейн. Положив в карман ее золотые серьги, она окончательно

убедилась в порочности своей натуры и в том, что зря потратила время, желая удостовериться в этом.

Мириам выпало испытание, и она его не прошла. Она поняла, что лишена врожденного стремления к добру и прочных моральных устоев. Она не была хорошей тогда и не стала хорошей после.

На дне деревянной шкатулки под письмом от адвоката лежал собачий жетон. Мириам не нравилось вспоминать тот эпизод с собакой. Она жалела, что потеряла контроль в момент боли. Жетон она сохранила как напоминание о том, что передача ненависти от одного человека к другому не работает. Не имеет смысла. Она думала о Джереми, о том, как ей хотелось воткнуть нож ему в горло. Иногда она думала и о Майерсоне, представляла, как бьет его по затылку, сталкивает в канал и наблюдает, как он захлебывается грязной водой и тонет. Она думала об этом, но претворить этот план в жизнь у нее не хватало смелости. И вот однажды случилось так, что в магазине ей основательно потрепал нервы грубый покупатель, а на тропинке чуть не сбил велосипедист, обозвавший ее тупой толстой коровой. Она вернулась домой, чувствуя, как давит

в груди и в глазах все расплывается. Предвидя приступ панической атаки, она заметила, что на задней палубе баржи какая-то собака роется в пакете с остатками еды, который она забыла утром выбросить в мусорный контейнер. Почти не думая, она схватила собаку, отнесла в каюту, положила в раковину и острым ножом полоснула ей по горлу.

Животное не страдало, убийство было чистым. Не в буквальном смысле, конечно. А в буквальном — все вокруг оказалось залито кровью. Она была повсюду: на ее руках, одежде и на полу; Мириам и не предполагала, что ее может быть так много. Чтобы убрать все это, потребовалась целая вечность. Да и потом ей иногда казалось, что она все еще чувствует запах крови.

Позже той же ночью она положила собаку в мешок, отнесла по тропинке за дом Тео и выбросила там из мешка в воду. Она подумала, что маленькое тельце будет найдено, однако его, должно быть, затянуло в тоннель, а может, по нему прошелся гребной винт чьей-то лодки. Как бы то ни было, Тео никогда не задавался вопросом, кто совершил столь жестокую расправу, он просто не мог понять, куда подевалась собака. Мириам такое положение вещей устраивало даже боль-

ше: она со злорадством наблюдала, как Тео ходит взад-вперед по тропинке, зовет собаку по имени и развешивает свои жалкие объявления.

Сунув жетон в карман, Мириам вышла и направилась к дому Майерсона. Если ей и хотелось в чем-то признаться, так это в том постыдном инциденте с собакой, причем признание, конечно же, должен был выслушать не кто-нибудь, а сам Майерсон. Правда, не исключено, что он заявит о ней в полицию, но она почти не сомневалась, что он этого не сделает. Он не захочет признаваться в том, с чего все началось, вдаваться в подробности. Не сможет переступить через свою гордыню.

Убедив себя в этом, она успокоилась и обрела уверенность в правильности своего решения рассказать ему о собаке, поскольку это, как ей казалось, принесет двойную пользу. Во-первых, она накажет Майерсона, а во-вторых, облегчит свое душевное бремя. Итак, она с решительным видом прошла по тропе до ступенек и, поднявшись по ним, свернула на Ноэль-роуд, где резко остановилась.

Он стоял перед входной дверью и украдкой смотрел по сторонам, словно чтобы удостовериться, не видит ли его кто-нибудь. Встретившись взглядом с Мириам, он не мог скрыть удивления,

а потом в сопровождении двух полицейских в форме проследовал вниз по тропинке в ожидавшую их машину.

Они уехали. Сердце Мириам бешено колотилось, она не верила своим глазам. Она победила? Неужели справедливость наконец восторжествовала?

Мириам была настолько поражена увиденным, что сначала даже не ощутила восторга. Но затем она пришла в себя, и ее смущение сменилось радостью, на лице расплылась улыбка, и она начала смеяться, прикрыв рот руками. Она смеялась и смеялась, и звук этого смеха казался очень странным даже ей самой.

Отсмеявшись, она заметила, что с другой стороны улицы за ней наблюдает какой-то пожилой мужчина с копной седых волос, сидевший в инвалидной коляске. Он скатился с тротуара и посмотрел по сторонам, словно собираясь перебраться через дорогу. Мириам на мгновение подумала, что он хочет с ней поговорить, но тут подъехало большое такси. Водитель вышел и помог мужчине сесть в машину. Потом такси выехало на дорогу и развернулось.

Когда машина проезжала мимо, Мириам встретилась взглядом с сидевшим в ней мужчиной и

почувствовала, как по ее спине побежала холодные мурашки.

34

Все в жизни имеет существенное значение. А комедия — это трагедия плюс время. Разве не так? Сидя в душной комнате перед двумя детективами, Тео с горечью думал, сколько же должно пройти времени, прежде чем случившееся с ним — смерть его ребенка и последовавший распад его брака — станет вызывать улыбку. В конце концов, с тех пор как умер его сын, прошло пятнадцать лет. Разве это не должно быть сейчас хоть немного смешно?

Какая чушь!

Что же до существенного значения всего, то ему было трудно мысленно фиксировать окружающее — все его наблюдения оказывались банальными. Комната была серой, квадратной и пахла офисом, а именно — плохим кофе и новой мебелью. Единственным звуком, который он слышал, был коварный белый шум, на который накладывалось довольно громкое сопение детектива Чалмерс, сидевшей напротив.

На столе между ним, Чалмерс и детективом Баркером лежал нож в прозрачном пластиковом

пакете. Маленький нож с черной деревянной ручкой и темным пятном на лезвии. Маленький разделочный нож. *Его* маленький разделочный нож — выходит, он не потерялся в недрах ящика со столовыми приборами.

Когда нож положили перед ним на стол, сердце у Тео сжалось от осознания того, что это не будет иметь *существенного значения*. Не станет забавной историей, которую он сможет рассказывать. Чтобы все это превратилось в комедию, должно будет пройти очень, очень много времени.

— Вы узнаете это, мистер Майерсон? — спросила у него детектив Чалмерс.

Тео посмотрел на нож. В голове у него роилось множество мыслей, но все они были глупыми. Он услышал, как задумчиво произносит: *Хммм*, — что тоже было глупо. При взгляде на предмет никто не говорит: *Хммм*. А говорят: *Да, узнаю!*, или *Нет, не узнаю*, но в данном случае последним вариантом он воспользоваться не мог. Он прекрасно понимал, что если полицейские показывают ему сейчас этот нож, то у них нет сомнений, что он его узнает.

Быстро думай, быстро думай, быстро думай, вертелось у Тео в голове, и это его сбивало, потому что кроме слова «быстро» он не мог ни о

чем подумать. *Ради бога, подумай о чем-нибудь другом, кроме «быстро»*.

Нож принадлежал ему, и они это знали, не случайно же они связали его с ним. Значит, все кончено. Это конец. Конец того мира, каким он его знал. И, как поется в песне, он чувствовал себя отлично. Странно было то, что он *действительно* чувствовал себя отлично. Что ж, «отлично», может, и не самое подходящее слово, но он чувствовал себя совсем не так плохо, как ожидал. Возможно, выражение «надежда нас убивает» имеет под собой все основания. Теперь, когда надежды больше не было, он почувствовал себя лучше. Он предположил, что это как-то связано с неопределенностью. Неопределенность причиняет нестерпимые мучения, разве не так? Хичкок это понимал. Теперь неопределенность осталась в прошлом, теперь он знал, что должно произойти, ощущал шок и печаль, но также и облегчение.

— Это мой нож, — тихо произнес Тео, все еще глядя на лежащий на столе предмет, а не на детективов. — Он принадлежит мне.

— Хорошо, — сказал Баркер. — А вы можете сказать, когда видели этот нож в последний раз?

Тео глубоко вздохнул. На мгновение он снова

увидел себя в гостиной с Айрин Барнс. Увидел рисунки, которые графически изображали смерть его маленького мальчика, увидел, как рвет страницы блокнота, прежде чем бросить их в огонь. Он медленно выдохнул. Давай!

— Что ж, — произнес он, — это было утром десятого числа.

— Десятого марта? — детектив Баркер мельком взглянул на коллегу и подался в кресле вперед. — Это то самое утро, когда умер Дэниел Сазерленд?

Тео потер голову указательным пальцем.

— Именно так. Я выбросил его. Нож. Э-э… Я собирался бросить его в канал, но потом… я кого-то увидел. Мне показалось, что по тропинке вдоль канала кто-то шел, и я не захотел привлекать к себе внимание. Поэтому просто закинул нож в кусты.

Детективы снова переглянулись. Детектив Баркер склонил голову набок и поджал губы.

— Вы бросили нож в кусты? Утром десятого числа? Другими словами, мистер Майерсон, вы говорите…

— Что в тот день я отправился на баржу Дэниела рано утром, когда моя жена еще спала. Я… заколол его. Конечно, там было очень много крови… я смыл ее там же, на барже. А потом ушел и

выбросил нож в кусты по дороге домой. Дома я принял душ. Карла по-прежнему спала. Я сварил кофе и отнес его ей в постель.

Детектив Баркер на секунду приоткрыл рот.

— Ладно. — Он снова взглянул на коллегу, и Тео показалось, что Чалмерс слегка покачала головой.

— Мистер Майерсон, ранее вы сказали, что для нашей беседы вам не нужен адвокат, поэтому спрашиваю вас еще раз, если вы вдруг передумали. Если вы хотите, чтобы мы кому-то позвонили, мы это сделаем, или, в качестве альтернативы, мы можем вызвать в участок дежурного адвоката.

Тео покачал головой. Меньше всего ему нужен был адвокат, который попытается смягчить последствия и чрезмерно усложнить то, что в конечном итоге является очень простой вещью.

— Благодарю вас, я со всем справлюсь сам.

Затем Баркер предупредил Тео, что его слова могут быть использованы против него, отметив, что Тео сам признался в содеянном и отказался от юридического представительства. В свете данных им показаний потребовалось официальное предупреждение.

— Мистер Майерсон… — Тео видел, что детек-

тив Баркер изо всех сил пытается сохранить ровный тон: как-никак такой момент не может не быть для детектива волнующим. — Просто в качестве уточнения… Вы признаетесь в убийстве Дэниела Сазерленда?

— Да, — подтвердил Тео. — Все верно.

Он сделал глоток воды и снова глубоко вздохнул. Давай же!

— Моя свояченица, — сказал Тео и замолчал. Это была трудная часть, то, о чем ему говорить не хотелось, что было тяжело произнести вслух.

— Ваша свояченица? — подсказала Чалмерс, превратившись вся во внимание. Она была поражена тем, что происходит. — Анджела Сазерленд? Что — Анджела Сазерленд?

— Анджела перед смертью сказала мне, что у моей жены, моей… Карлы… и Дэниела были отношения.

— Отношения? — переспросила Чалмерс.

Тео кивнул, с силой зажмурив глаза.

— Какие отношения?

— Пожалуйста, не надо, — попросил Тео и сам удивился, что заплакал. — Я не хочу это произносить.

— Вы хотите сказать, что между Карлой и Дэниелом были сексуальные отношения? Вы это

имеете в виду? — уточнил Баркер.

Тео кивнул. С кончика его носа слезы капали на джинсы. Он вдруг подумал, что не плакал много лет. Он не плакал, когда сидел у могилы сына в день, когда ему должно было исполниться восемнадцать лет, а теперь он здесь, в полицейском участке, и плачет из-за *этого*.

— Анджела Сазерленд рассказала вам об их отношениях?

Тео кивнул.

— Я приходил к ней за неделю до ее кончины.

— Вы можете рассказать нам об этом, мистер Майерсон? Вы можете рассказать, что случилось, когда вы были у нее?

— Думаю, будет лучше, если я покажу, — тихо произнесла Анджела. — Давай… поднимемся наверх?

Тео последовал за ней в коридор. Наблюдая за тем, как она поднимается по лестнице, он пытался представить, что у нее было там, что она хотела ему показать. По-видимому, вещи Дэниела. Может быть, еще рисунки? Заметки? При этой мысли его затошнило. Тео начал подниматься по лестнице вслед за ней. Он представил себе выражение ее лица, когда она покажет то, что собиралась. Оно будет выражать жалость, но не

только. Еще и намек на торжество, намек на то, что она предупреждала. *Посмотри на свою красавицу жену. Посмотри, что она делает с моим сыном.* В нескольких ступеньках от площадки наверху он остановился. Анджела ждала, глядя на него сверху вниз, и, казалось, ей было страшно. Он вспомнил, как она съежилась перед ним в тот день, когда умер Бен. Вспомнил, как ему хотелось схватить ее, задушить, разбить ее голову о стену.

Теперь он ничего такого не чувствовал. Он повернулся и направился вниз по лестнице. Он слышал, как она плакала, когда он открыл и закрыл за собой дверь, вышел на яркий солнечный полуденный свет и остановился, чтобы выкурить сигарету, после чего направился домой. Он шел по переулку в сторону кладбища Сент-Джеймс, и его вдруг захлестнула волна тоски по тем временам, когда он не испытывал к Анджеле никакой ненависти. Тогда он любил ее, и любил очень сильно. Тогда при виде сестры жены у него поднималось настроение, потому что с ней всегда было так весело, она была чудесным собеседником, ей всегда было что сказать. Но все это было в далеком, далеком прошлом.

— Вы можете рассказать нам об этом, мистер Майерсон? Вы можете рассказать, что случилось,

когда вы были у нее?

Тео вытер глаза тыльной стороной ладони. Он не собирался рассказывать полиции о том, что тогда почувствовал. Разве рассказ о его отношении к ней в прошлом, о его любви к ней как к сестре и другу поможет достижению цели, которую он преследовал сейчас?

— Она сказала мне, что между Дэниелом и моей женой что-то происходит. Мы поругались из-за этого. Нет… Я ее не трогал. Я хотел. Мне хотелось свернуть ее тощую шею, но я этого не сделал. И я не толкал ее с лестницы вниз. Насколько мне известно, смерть Анджелы произошла в результате несчастного случая.

Насколько ему известно. И он не собирался признаваться полиции, что до конца своих дней при мысли об Анджеле будет вспоминать, как она плакала в тот день наверху. И как он называл ее ленивой, безответственной и плохой матерью. И что всегда будет задаваться вопросом, не были ли эти слова последними, которые она слышала в своей жизни? И не они ли звучали у нее в ушах, когда она стояла, шатаясь, на верхней ступеньке лестницы или умирала на полу после падения с нее?

— Итак, вы поругались и ушли… Вы устроили

жене скандал? Спрашивали ее о том, что узнали от Анджелы?

— Нет, — покачал головой Тео. — Есть вопросы, — мягко сказал он, — ответы на которые лучше не знать. Не знать *в принципе*! В любом случае вскоре после нашей встречи Анджела умерла, и я не стал бы обсуждать это со своей женой, пока она оплакивала сестру. Но я подозревал… я был уверен, что Дэниел воспользуется смертью матери, чтобы попытаться сблизиться с Карлой. Я не мог это допустить. Я просто хотел, чтобы его не стало.

Детектив Чалмерс остановила запись, поднялась из-за стола и сказала, что они ненадолго прервутся. Она предложила Тео кофе, но он отказался. Вместо этого он попросил бутылку воды, желательно газированной, если у них есть. Чалмерс пообещала поискать.

Все закончилось. Худшее было позади.

Но потом до него дошло, что это совсем не так. Газеты! О господи, газеты! Обсуждение в Интернете, в социальных сетях. Боже милостивый! Опустив голову, он горько заплакал. Его книги! Никто больше не будет их покупать. Единственным хорошим, чем была отмечена его жизнь — помимо Бена и любви к Карле, — оставалась

его работа, но теперь она навсегда будет запятнана, как и его имя. Его книги снимут с полок, его наследие уничтожат. Да, Норман Мейлер зарезал свою жену перочинным ножом, а Уильям Берроуз застрелил свою из пистолета, но теперь времена изменились, разве не так? Люди стали настолько нетерпимыми, что подобные вещи уже не могут сойти с рук. Один шаг в сторону — и на тебе ставят крест.

К тому времени, когда детективы вернулись в комнату и Чалмерс принесла бутылку воды «Эвиан», которая, конечно же, оказалась негазированной, Тео собрался с духом. Он вытер глаза, высморкался и взял себя в руки. Напомнил себе о том, что действительно важно.

Детективы принесли с собой фотографию молодой женщины.

— Вы видели эту девушку раньше, мистер Майерсон? — спросил детектив Баркер.

Тео кивнул.

— Она та, кого вы обвиняете в убийстве. Килбрайд, кажется? — Он взглянул на них.

— Вы видели ее всего один раз?

Тео задумался.

— Нет-нет. Я не мог бы поклясться в этом на суде, но мне кажется, что это та девушка, которую,

как я вам уже говорил, я видел на тропе в утро смерти Дэниела. Я сказал вам тогда, что видел ее из окна своей спальни. Это неправда. Фактически я… Мне кажется, я ее обогнал. Думаю, по дороге к барже. Она… шаркала ногами, а может, хромала. Я подумал, что она пьяна. Ее одежда была испачкана грязью или кровью. Я решил, что она споткнулась. Я упомянул ее, когда вы впервые спросили, потому что хотел отвести от себя подозрения.

— Отвести от себя подозрения? — переспросил Баркер.

— Ну да! Перевести стрелки на другого.

Детективы снова обменялись загадочными взглядами.

— А вы удивитесь, если мы скажем, — спросил Баркер, — что этот нож — тот самый, что вы опознали как свой и которым, по вашим словам, вы зарезали Дэниела Сазерленда, был найден в квартире девушки с фотографии?

— Я… — Он явно не ожидал такого поворота событий. — В ее квартире? — В голове Тео промелькнула ужасная мысль, что его признание было непростительной ошибкой. — Вы нашли нож в ее квартире? — тупо повторил он. — Она… ну… должно быть, она его подобрала. Должно

быть, она видела, как я его выбрасывал… Возможно, она была тем человеком, которого, как мне казалось, я видел позже, возможно, именно тогда я ее увидел…

— Вы только что сказали, что встретили ее, когда направлялись на баржу, — напомнила Чалмерс.

— Но это могло быть позже. Возможно, это было позже. Я довольно плохо помню то утро. День был очень тяжелый. Полный переживаний. Я был… я был не в себе.

— Вы узнаете это, мистер Майерсон?

У них оказалось что-то еще. Шарф.

Он кивнул.

— Да, это мой. Кашемировый, от «Бёрберри». Очень хороший. — Он взглянул на них. — Я был в нем в то утро. Наверное, уронил.

— А где, по-вашему, вы могли его уронить? — поинтересовалась Чалмерс.

— Понятия не имею. Как я уже говорил, я плохо помню события того дня. Может, на барже? Или где-то по пути? Я не знаю.

— Я полагаю, вы снова удивитесь, узнав, что он также был найден в квартире Лоры Килбрайд?

— Правда? Ну, если я уронил его, когда выбрасывал нож, тогда… — Тео вздохнул, чувствуя

изнеможение. — Какая разница? Я же признался в убийстве, так что еще? Я не знаю, откуда у девушки мой шарф, я…

— Мисс Килбрайд считает, что шарф и нож были подброшены в ее квартиру, чтобы подставить ее, — сказал Баркер.

— Ну… — Тео был сбит с толку. — Вполне может быть, но подбросил-то их не я, верно? Во-первых, я понятия не имею, где она живет, а во-вторых, я только что сказал вам, что они принадлежат мне. Зачем мне их подбрасывать, а потом говорить вам, что они мои? В этом нет никакого смысла, согласны?

Баркер покачал головой. Он выглядит очень несчастным, подумал Тео, совсем не как детектив, только что раскрывший дело.

— В этом нет смысла, мистер Майерсон, действительно нет. И проблема в том, — сказал он, выпрямившись на стуле и положив ладони на стол, — проблема в том, что мы нашли на ноже только один отпечаток пальца, и он ваш. Отпечаток большого пальца, если быть точным. Но поскольку это ваш нож, присутствие на нем вашего отпечатка пальца удивления не вызывает. Тем более что отпечаток, который мы нашли, находится здесь, — Баркер указал место на ручке,

где она переходит в лезвие, — что на самом деле не там, где он должен быть, если вы держите нож, чтобы кого-то им ударить. Скорее, палец находился там, когда вы, к примеру, резали лук.

Тео пожал плечами, качая головой.

— Я не знаю, чего вы от меня хотите. Это сделал я. Я убил Дэниела Сазерленда из-за его отношений с моей бывшей женой Карлой. Если вы дадите мне листок бумаги, я все напишу. А сейчас я подпишу признание. Помимо этого я, с вашего позволения, больше ничего не скажу. Вас это устроит?

Чалмерс резко отодвинула стул от стола. Она была явно раздражена. Баркер огорченно покачал головой. Никто из них мне не поверил, подумал Тео, и эта мысль его разозлила. Почему они ему не верят? Неужели они считают его неспособным на такой поступок? Разве он не похож на человека, который может убить из-за любви, чтобы защитить свою семью? Да кого волнует, верят они ему или нет, подумал Тео, преисполненный сознания своего нравственного превосходства. Он поступил правильно. Он спас ее.

35

Карла всего лишь хотела услышать от него, что ничего этого не было.

В тот пятничный вечер в доме Тео, через пару дней после того, как она увидела рисунки в блокноте Дэниела, она заснула рано, мертвецки пьяная, а через несколько часов проснулась с больной головой и сухостью во рту. Изображенные Дэниелом сцены были похожи на кинохронику на рваном экране ее разума. Рядом с ней тихо похрапывал Тео. Она встала. Лежать просто так не имело смысла — заснуть ей точно не удастся. Она потихоньку оделась, взяла дорожную сумку и спустилась по лестнице вниз. Стоя у раковины, залпом осушила стакан воды, потом еще один. Накануне вечером она выпила больше бутылки вина — столько за один раз она не выпивала много лет, — и боль за глазами ослепляла. В ванной нижнего этажа она нашла парацетамол и приняла сразу три таблетки.

Вернувшись на кухню, она стала искать ручку и бумагу, чтобы оставить записку. *Не могла уснуть, ушла домой* — что-то в этом роде. Ему

будет больно, он не поймет, но ей было не до его чувств, ей было ни до чего. Все ее мысли занимал только Дэниел.

Она не могла найти ручку. Это не имело значения, она позвонит ему позже. Позвонит ему потом. Им нужно будет когда-нибудь об этом поговорить, ей придется придумать какое-нибудь объяснение, почему она так себя чувствовала и вела.

— Ты выглядишь абсолютно разбитой, Си, — сказал он ей, когда она, как обычно, пришла на ужин в пятницу вечером. — Плохо спишь?

Она ответила утвердительно, но он не отставал: когда это началось, что послужило спусковым крючком? Она не хотела об этом говорить.

— Сначала выпьем, — сказала она.

Она выпила два джин-тоника, прежде чем они перешли на вино. Ничего не ела. Неудивительно, что она так себя чувствовала.

Неудивительно.

Сквозь стеклянные двери кухни было видно, что лужайка покрыта инеем. На улице холодно. Она надела перчатки и взяла в коридоре один из старых шарфов Тео, накинула его на плечи. Возвращаясь через кухню, она заметила, что нож, которым Тео нарезал лимоны для ее джин-то-

ника, все еще был там. Лежал на разделочной доске.

Карла всего лишь хотела услышать от него, что ничего этого не было.

Она вышла из кухонной двери, на ходу затягивая на шее шарф. Потом открыла заднюю калитку, вышла на безлюдную тропинку и повернула налево, в сторону дома.

Над водой клубился нежный туман, серебристый от лунного света. Огни узких туристических яхт не горели. Наверное, сейчас около половины пятого? Еще темно. Карла шла медленно, поглубже засунув руки в карманы и уткнувшись носом в шарф. Прошла сто ярдов, потом двести, миновала ступени, по которым обычно поднималась, направляясь домой. Она продолжала идти.

От холода в голове у нее начало проясняться. Теперь она может пойти к нему. Она хочет услышать, как он скажет: *Этого не было, все это неправда и вымысел, это просто…* Просто *что*? Что это могло быть? Фантазия? Кошмар? Почему в какой-то момент он сел и нарисовал эти картины — с ней и с собой? С ее мальчиком. Что означало то, как он все это нарисовал?

Ей нужно было всего лишь объяснение.

Подойдя к барже, она с удивлением услышала

голоса, повышенные и сердитые. Но вместо того чтобы остановиться и постучать в окно, как она собиралась сделать, она ускорила шаг, прошла дальше по тропинке и по ступеням поднялась к мосту. Она стояла там и смотрела на баржу, и ее горячее, учащенное дыхание вырывалось изо рта клубами пара.

Через пару мгновений она увидела, как на задней палубе баржи показался Дэниел. Он был в джинсах и, натянув на голый торс толстовку, перешел на тропу, идущую вдоль канала. Казалось, он что-то говорил, но его слова уносило ветром. Карла видела, как он мотает головой из стороны в сторону и прижимает руку к шее. Он сделал несколько шагов к мосту и остановился, чтобы прикурить. Она затаила дыхание: ей очень хотелось, чтобы он ее увидел. Сделав несколько затяжек, он выбросил сигарету, натянул на голову капюшон и прошел под аркой, на которой она стояла.

Почти сразу после этого из каюты на барже вышла девушка. Молодая — безусловно, слишком молодая для Дэниела — и растрепанная. Она немного постояла спиной к Карле, глядя по сторонам, словно не могла решить, куда пойти. Бросив короткий взгляд на мост, плюнула на землю и,

засмеявшись, двинулась в сторону, противоположную той, куда направился Дэниел.

Начинало светать. Первые, самые фанатичные бегуны уже успели зашнуровать кроссовки и направились к воде; двое из них уже пробежали под мостом Карлы, и скоро их станет больше. Было холодно, и ей не хотелось ждать, хотелось вернуться, но не домой, а обратно в теплую постель Тео, к кофе и комфорту. Для объяснения можно выбрать и другой день.

И когда она подумала об этом, а она подумала именно об этом, из арки под мостом вдруг появился Дэниел — его голова находилась прямо под ней. Она смотрела, как он идет обратно к барже, осторожно держа сигарету между третьим и безымянным пальцами — в манерах он был очень похож на свою мать, — и взбирается на заднюю палубу. Она не сомневалась, что он поднимет взгляд и увидит ее. Однако он просто нырнул в каюту.

На тропе в обоих направлениях никого не было. Карла торопливо вернулась к лестнице, спустилась, перепрыгивая через две ступени, и побежала к барже. Поднявшись на палубу, она быстро скрылась в каюте. На все это у нее ушло меньше полминуты, и теперь она оказалась с ним

один на один. Он стоял к ней спиной и снимал толстовку. Услышав шум, испуганно обернулся и уронил толстовку на пол. На мгновение замер с застывшим лицом, потом улыбнулся.

— Привет, — сказал он. — Вот так сюрприз! — Он широко развел руки в стороны и подошел, чтобы ее обнять.

В этот момент Карла, глубоко засунув руку в сумку, крепко сжала ручку ножа. Молниеносным движением она вытащила нож и вонзила его в Дэниела, вложив в удар всю силу, весь свой вес. Она видела, как его улыбка дрогнула. По радио звучала музыка. Не слишком громкая, она тем не менее заглушила издаваемый им звук — не вопль и не крик, а приглушенное всхлипывание. Карла вытащила нож и ударила еще раз, а потом еще, на этот раз в шею. И полоснула лезвием по горлу, чтобы заставить его замолчать.

Она снова и снова спрашивала, знает ли он, почему она это делает, но ответить ей он не мог. Он так ничего и не опроверг.

После этого она закрыла и заперла двери каюты, разделась, приняла душ, вымыла голову и переоделась в одежду, которая была в ее дорожной сумке. Окровавленные вещи она сложила в пластиковый пакет, который нашла в раковине.

Сунув пакет вместе с ножом, завернутым в шарф Тео, в дорожную сумку, она отперла дверь каюты и вышла, оставив ее открытой, после чего быстрым шагом направилась по тропинке к дому Тео. Белая женщина средних лет, вышедшая на утреннюю прогулку (что может быть естественнее?), совершенно не привлекающая к себе внимания. Она вошла в сад Тео также через заднюю калитку и оставила дорожную сумку на кухне. Потом тихонько поднялась по лестнице и проскользнула через спальню, где спал Тео, в ванную. Там она сняла с себя чистую одежду и снова приняла душ, надолго замерев под струей горячей воды. Она чувствовала полную опустошенность, руки у нее болели, челюсти были стиснуты, а мышцы ног ныли так, словно она пробежала марафон.

Если она хотела всего лишь услышать от него, что ничего этого не было, то почему не дала ему возможность это сказать? Зачем взяла нож? Зачем было возвращаться к Тео, а не домой, если не для того, чтобы обеспечить себе хоть какое-то алиби? Она могла лгать себе сколько угодно, но, ночь за ночью лежа без сна, думая о том, что сделала, она знала правду. С того момента, как она увидела рисунок, на котором Дэниел улыбался на балконе ее ребенку, она знала, что с ним сделает.

Все остальное, абсолютно все, было ложью.

36

Когда охранник сообщил ей, что есть хорошие новости, первое, о чем подумала Лора, было, что ее приехала навестить мать, а второе — что ей хотелось бы перестать каждый раз в первую очередь думать о матери. Конечно, все оказалось не так. Мать не приехала на свидание и даже не просила о нем. А вот отец просил и должен был приехать на следующий день, что, конечно, очень хорошо, но она ничего не могла с собой поделать и хотела видеть маму. Несмотря ни на что, Лора по-прежнему почему-то хотела видеть именно маму в самые трудные моменты своей жизни.

Охранница, которая, судя по всему, была примерно того же возраста, что и ее мать, но относилась к ней с куда большей теплотой и заботой, ласково улыбнулась и сказала:

— Это не посетитель, дорогая. Это гораздо лучше.

— Что? — спросила Лора. — Что тогда?

Охранница не имела права говорить, но вывела Лору из комнаты и провела через несколько дверей сначала по одному коридору, потом по

другому. Все это время Лора, не переставая, спрашивала:

— Что? В чем дело? Ну же, скажите мне!

Оказалось, что ее вели к Нервному Парню.

— Так причина — он? — Лора не скрывала разочарования. — *Он?*

Охранница только рассмеялась. Она жестом пригласила ее сесть и, подмигнув, закрыла за собой дверь.

— Вашу мать! — пробормотала Лора, садясь за стол.

Нервный Парень весело пожелал ей доброго утра.

— Хорошие новости, Лора! — объявил он, садясь напротив нее.

— Да, так мне все говорят.

А потом — кто бы мог подумать! — все оказалось правдой. Обвинения сняты! Лоре хотелось пуститься в пляс. Хотелось обнять Нервного Парня, поцеловать его в губы, сорвать с себя всю одежду и с криком бегать по тюрьме предварительного заключения. С нее сняли все обвинения! Сняли все долбаные обвинения!

Ей удалось взять себя в руки, но она тут же вскочила и заскулила, как щенок:

— Я могу идти? Могу просто взять и уйти?

— Да! — Нервный Парень казался почти таким же счастливым, как и она. — Вернее, нет. То есть не сразу. Сначала надо будет подписать кое-какие бумаги и… Вы хотите, чтобы я кому-нибудь позвонил? Чтобы заехать за вами?

Матери. Нет, не матери. Отцу. Но это будет означать встречу с Дейдрой, которая поломает ей весь кайф на корню. Если подумать, как же все печально! Она никто, просто пустое место.

— Не могли бы вы позвонить моей подруге Айрин? — услышала она свой голос.

— Айрин? — Он достал ручку. — Она ваша родственница? Или подруга?

— Она моя лучшая подруга, — ответила Лора.

Это было похоже на полет.

Нет, это было совсем не похоже на полет, а похоже на то, что внутри у нее бесконечно долго все было в бесчисленных узлах, которые затягивались все туже и туже, а потом вдруг кто-то пришел и их развязал. И тогда все распуталось, ощущение чего-то твердого в животе исчезло, огонь потух, судороги, боль, мучительное и тягостное чувство канули в Лету, и она наконец — наконец! — могла выпрямиться и расправить плечи! Она могла стоять ровно, выпятив грудь, и дышать. Могла дышать во все легкие. Могла петь,

если хочет, ту песню, которую пела ее мать.

И Лора запела:

— Сказал тебе, что люблю тебя, что же к этому можно добавить?

Добрая охранница велела ей пойти в комнату, где ее держали, и собрать свои вещи, а потом сходить в столовую поесть, потому что оформление бумаг может занять немало времени. И она наверняка проголодается, а когда вернется домой, то там вряд ли найдется, чем утолить голод. Так ведь? Узлы начали снова завязываться, но Лора заставила себя выпрямиться и, вытянув руки над головой, ускорила шаг.

— Сказал тебе, что люблю тебя, а ты разбиваешь мне сердце.

Лора шла в свою камеру, от радости подпрыгивая и спотыкаясь, и улыбалась своим мыслям; в голове у нее немного шумело, а кожу покалывало от возбуждения. Вдруг она заметила, что ей навстречу движется здоровенная девица с кольцом в носу, которая три дня назад в столовой ни с того ни с сего обозвала ее грязной похотливой сукой и пообещала порезать ей лицо, если увидит еще раз.

— Сказал тебе, что люблю тебя, что же к этому можно добавить?

Здоровенная девица еще не успела заметить Лору, она разговаривала со своей подругой, поменьше ростом, но коренастой и сильной — от таких следовало держаться подальше.

— *Может, хочешь, чтоб я лег и умер за тебя?*

Лора продолжала напевать, но все время держала голову опущенной, прижав подбородок к груди. *Не поднимай глаз, не встречайся с ней взглядом, делай что хочешь, но не встречайся с ней взглядом*. Высокая девица приближалась, смеясь над чем-то, что говорила ее приземистая подруга, и издавая звук, похожий на слив воды из туалетного бачка. Точь-в-точь кто-то спускает воду! И Лору разобрал смех. Она шла с опущенной головой, но при этом смеялась, не в силах удержаться, потому что звук сливаемой воды, исторгаемый широким уродливым ртом девицы, был забавным, очень забавным, в высшей степени забавным.

Голова Лоры больше не была опущена: она подняла ее и увидела, как улыбка сползла с лица дылды, и она злобно зарычала, а ее подруга возмущенно воскликнула:

— Какого хрена, твою мать?!

А Лора продолжала хохотать как безумная.

Голова Лоры ударилась о линолеум. Она закри-

чала от боли, когда дылда раздробила ей руку каблуком ботинка, вложив в удар всю свою силу. Лора задыхалась, не в силах набрать в легкие воздух под тяжестью здоровячки, упиравшей ей в грудь колено.

А вот и я, вот и я, вот и я.

Вот и все.

37

С тех пор как Айрин в последний раз выходила из дома, прошло три дня. А может, четыре? Она не была уверена, знала только, что ужасно устала. В холодильнике ничего не было, но она не могла заставить себя выйти на улицу и пойти в супермаркет, с его шумом и толпой покупателей. Больше всего ей хотелось спать, но у нее не было сил встать с кресла и подняться наверх. И она продолжала сидеть у окна, теребя пальцами край одеяла, лежавшего у нее на коленях.

Она думала об Уильяме. Не так давно она слышала его голос. Она искала свой кардиган, потому что погода все еще была ужасной, очень холодной, и направилась из гостиной в кухню посмотреть, не оставила ли его, как иногда бывало, висеть на спинке стула. И тут услышала ясно, как Божий день: *Как насчет чашечки чая, Рини?*

Айрин ушла от Тео Майерсона, испытав настоящее потрясение. Это было несколько дней назад, но она до сих пор так и не пришла в себя окончательно. В какой-то момент — короткий, но страшный, — увидев, как Тео приближается

к ней с вытянутыми руками, она по-настоящему испугалась. Она почти почувствовала его руки на своей шее, съежилась и не сомневалась, что он заметил ее ужас.

Однако Тео нежно, как мать, обнял ее, поднял и помог добраться до дивана. Все это время его била дрожь. Не произнеся ни слова и не глядя на нее, он отвернулся, и она смотрела, как он, опустившись на колени перед камином, со злостью вырывал страницы из блокнота Дэниела и бросал их в огонь одну за другой.

Немного погодя она уехала на такси, которое он для нее вызвал. Ей было даже стыдно за ту боль, которую она ему причинила. Она подумала, что если бы он и поднял на нее руку, то только потому, что она это заслужила.

Но, каким бы ужасным ни был тот день, худшее было впереди. Через пару дней после встречи с Майерсоном Айрин позвонил адвокат и, сообщив, что Лору Килбрайд отпускают из тюрьмы предварительного заключения, спросил, сможет ли Айрин приехать в Восточный Лондон и забрать ее. Айрин ужасно обрадовалась и в приподнятом настроении вызвала такси, чтобы ехать за Лорой. Но адвокат позвонил снова и сказал, что забрать ее все-таки не получится. Она подверглась напа-

дению, получила серьезные травмы, и ее сразу же отправили в больницу. Айрин была так расстроена, что не спросила ни имени адвоката, ни названия больницы, а когда позвонила в изолятор временного содержания, чтобы получить информацию, там ничего толком не сказали ни о том, насколько серьезны травмы, ни как Лора их получила, ни где она сейчас находится, — ведь Айрин не была ее родственницей.

С тех пор Айрин не находила себе места и не могла ни есть, ни спать. Она была вне себя в буквальном смысле слова, потому что ей казалось, будто она парит в пространстве и переживает события, которые не были реальными, словно она узнает о них из книги или смотрит, как они разворачиваются на экране телевизора. Эти события казались одновременно далекими и все же странно близкими. Айрин чувствовала, что приближается к какой-то грани. Она испытала ощущение, наступавшее перед тем, как ее сознание соскальзывало в состояние, когда реальный мир исчезал и она оказывалась в каком-то другом месте. Это место было пугающим, сбивающим с толку и опасным, но зато там она могла снова увидеть Уильяма.

Веки Айрин налились тяжестью, подбородок

начал опускаться к груди, но, уловив за окном какое-то движение, она резко очнулась. В переулке стояла Карла и рылась в сумочке. Подавшись вперед, Айрин постучала в окно. Карла вздрогнула, подняла взгляд, увидела Айрин и кивнула, даже не потрудившись улыбнуться. Айрин жестом попросила ее подождать, но Карла уже отвернулась. Она нашла в сумочке то, что искала — судя по всему, ключ от входной двери, — и исчезла.

Айрин откинулась на спинку стула. В глубине души она отчаянно хотела *оставить все как есть* и навсегда забыть об этом: в конце концов, Лору больше не подозревали в убийстве Дэниела. Бедной девушке и так досталось. У полиции появился новый подозреваемый — Тео Майерсон. Об этом писали все газеты. Обвинение ему предъявлено не было, поэтому полиция не называла его имя, но это уже перестало быть тайной. Какой-то ушлый фотограф снял Майерсона выходящим из полицейской машины возле участка, и это — вкупе с сообщением о том, что «52-летний мужчина из Ислингтона помогает полиции в расследовании» и что обвинения против Лоры Килбрайд сняты, — не оставляло места для сомнений.

Бедный Тео. Айрин закрыла глаза. На мгновение перед ней возникло его перекошенное лицо,

когда он увидел рисунки в блокноте, и она почувствовала резкий укол вины. Пока ее глаза были закрыты, Айрин увидела и себя. Она представила, что смотрит на себя с улицы, как Карла Майерсон несколько секунд назад. Что могла увидеть Карла? Маленькую старушку, напуганную и одинокую, которая уставилась в пустое пространство и вспоминала прошлое, если вообще о чем-то думала. В этом было все, чего Айрин так боялась, — превратиться в олицетворение старости, в человека без воли, без надежды, без будущего, который сидит в одиночестве в удобном кресле, накрыв одеялом колени, и ждет смерти.

Да пошли они к черту, такие мысли, сказала бы Лора.

Айрин с трудом поднялась с кресла и, пошатываясь, направилась на кухню, где заставила себя выпить стакан воды и съесть два с половиной засохших шоколадных печенья. Потом заварила себе чашку чая, положила в нее две полные чайные ложки сахара и выпила и ее тоже. Подождав несколько минут, пока сахар и углеводы придадут ей сил, она взяла сумочку и ключи от соседнего дома.

Айрин вышла на улицу, прошла несколько шагов и постучала во входную дверь Анджелы

так громко, как только позволяли ее маленькие артритные руки. Как она и ожидала, ответа не последовало, поэтому она вставила ключ в замок и открыла дверь.

— Карла? — позвала она, входя в прихожую. — Карла, это Айрин. Мне нужно поговорить с вами…

— Я здесь.

Голос Карлы был громким и пугающе близким, казалось, он исходил из воздуха, из ниоткуда. Айрин в испуге попятилась, чуть не споткнувшись о порог.

— Я здесь, наверху, — сказала Карла, и Айрин медленно двинулась вперед, подняв взгляд к источнику звука.

Карла сидела на верхней площадке лестницы, похожая на ребенка, улизнувшего из постели, и собирала с коврика волокна шерсти.

— Когда вы скажете то, что хотите сказать, оставьте ключ на кухне, — сказала она, не глядя на Айрин. — У вас нет права входить в этот дом, когда вам заблагорассудится.

Айрин откашлялась.

— Да, — согласилась она, — полагаю, что такого права у меня нет. — Айрин подошла к лестнице и, взявшись за перила, наклонилась и положила

ключи на третью ступеньку. — Вот они, возьмите, — сказала она.

— Благодарю вас. — Карла на мгновение перестала собирать волокна и, подняв глаза, встретилась взглядом с Айрин. Выглядела она ужасно: подавленная, с серым лицом и покрасневшими глазами. — У моего дома дежурят журналисты, — сказала она тихим, несчастным голосом, — а в квартире Тео хозяйничает полиция. Вот почему я здесь. Мне больше некуда пойти.

Айрин открыла сумочку и принялась в ней копаться.

— У вас есть для меня что-то еще, Айрин? — спросила Карла хриплым голосом. — Потому что, если нет, то я бы предпочла…

Айрин вытащила из сумочки две маленькие шкатулки для драгоценностей: в одной был медальон святого Христофора, а в другой — кольцо.

— Я подумала, что вы захотите получить их обратно, — тихо сказала она, кладя их на ступеньку рядом с ключом.

— Ой! — У Карлы открылся рот. — Его святой Христофор! — Она вскочила на ноги, чуть не скатилась с лестницы, чтобы поскорее схватить маленькую шкатулку и прижать ее к груди. — Вы нашли это, — сказала она, улыбаясь Айрин сквозь

слезы. — Не могу поверить, что вы его нашли. — Она потянулась к руке Айрин, но та решительно отступила.

— Я его *не находила,* — произнесла Айрин серьезно. — Это мне передала Лора. Лора Килбрайд. Это имя вам о чем-то говорит?

Но Карла уже ее не слушала, она снова сидела — теперь на третьей ступеньке — с открытой шкатулкой на коленях. Взяв из нее маленький золотой медальон, она повернула его и прижала к губам.

Айрин завороженно смотрела на столь своеобразную пантомиму любви, опасаясь, не сошла ли Карла с ума.

— Лора, — снова повторила Айрин. — Та девушка, которую арестовали. Медальон и кольцо были в сумке, которую Лора у вас украла. Карла, вы слышите меня?

Ответа вновь не последовало.

— Вы оставили сумку здесь, прямо в этом коридоре. Дверь была открыта. Лора это увидела и схватила сумку. Потом ей стало стыдно, и она вернула эти вещи через меня, только… Ради бога, Карла! — не выдержав, рявкнула она, и Карла удивленно на нее посмотрела.

— Что?

— Вы действительно собираетесь это сделать? Собираетесь сидеть здесь и изображать провал в памяти? Вы действительно собираетесь позволить ему взять вину на себя?

Карла покачала головой, ее взгляд вернулся к золотому медальону.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — сказала она.

— Тео не убивал того мальчика, — ответила Айрин. — Это сделали вы. Это вы убили Дэниела.

Карла медленно моргнула. Когда она снова взглянула на Айрин, ее глаза были стеклянными и неподвижными, а лицо походило на маску.

— Вы убили Дэниела и собирались позволить возложить вину на нее, не так ли? Вы хотели, чтобы за ваш поступок заплатила невинная девушка. Знаете ли вы, — голос Айрин повысился и задрожал, — что на нее напали в тюрьме, когда она находилась под следствием? Знаете ли вы, что полученные ею травмы настолько тяжелы, что ее пришлось отправить в больницу?

Карла уронила подбородок на грудь.

— Это не имеет ко мне никакого отношения, — сказала она.

— Это имеет к вам *самое прямое отношение*! — воскликнула Айрин, и ее голос разнесся эхом по

пустому дому. — Вы видели, что он нарисовал в своем блокноте. Вы можете отрицать, но это не важно. Я смотрела рисунки. Видела, что он нарисовал… то, что он воображал.

— *Воображал?!* — прошипела Карла, ее глаза сузились, а лицо внезапно стало злым.

Айрин отступила от лестницы на шаг к входной двери. Посреди пустого коридора она не чувствовала себя уверенно: ей отчаянно хотелось сесть, отдохнуть, за что-нибудь подержаться. Собравшись с силами, закусив губу и держа сумочку перед собой, словно щит, она снова приблизилась к Карле.

— Я видела, что он нарисовал, — сказала она. — Вы тоже это видели. И ваш муж видел — перед тем, как бросить страницы в огонь.

При этих словах Карла вздрогнула, и ее устремленные на Айрин глаза сузились.

— *Тео видел*? — спросила она, удивленно подняв брови. — Но блокнот же здесь, он… А-а… — она вздохнула и печально рассмеялась, уронив голову на грудь. — Его здесь нет, верно? Это вы отдали его ему. Вы ему его показали. Зачем? — спросила она. — Бога ради, зачем вы это сделали? Зачем вы лезете не в свое дело, во все суете свой нос? Вы хоть понимаете, что натворили?

— Что же я натворила? — потребовала ответа Айрин. — Ну же, Карла, скажите мне!

Карла закрыла глаза и покачала головой, словно непослушный ребенок.

— *Нет?* Ну, тогда давайте я расскажу, что сделали *вы*! Вы видели те рисунки Дэниела и решили, что он виновен в убийстве вашего ребенка, и поэтому лишили его жизни. Нож, который вы для этого использовали, был в сумке, что украла Лора, и вот так он оказался в ее квартире. А потом ваш муж — ваш бывший муж, который любит вас больше, чем саму жизнь, а почему, я пока не поняла, — решил вмешаться и взял всю вину на себя. А вы! Вы тут сидите и рассказываете, что это не имеет к вам никакого отношения. Неужели вы ничего не чувствуете?! Неужели вам не стыдно?!

Карла склонилась над медальоном и едва слышно произнесла:

— Я ничего не *чувствую*? Бога ради, Айрин. Вы же не думаете, что я мало страдала?

Ну вот, подумала Айрин, теперь все понятно. После всего пережитого Карлой разве могло что-то еще иметь значение?

— Я знаю, что вы ужасно страдали, — сказала она, но Карлу такой ответ не устроил.

— Вы ничего не знаете, — прошипела она. — Вы

не могли иметь детей…

— Не знаю о вашей боли? Возможно, это так, Карла, но неужели вы думаете, что потеря сына столь ужасным и трагическим образом дает вам право…

Карла присела, словно собираясь броситься на Айрин, и ее била дрожь. От горя или ярости. Но Айрин не испугалась и продолжала:

— Неужели вы считаете, что понесенная вами тяжелая утрата дает вам право все разрушать и делать все, что вы захотите?

— Что я *захочу?!* — Держась одной рукой за перила, Карла поднялась. Стоя на третьей ступеньке, она возвышалась над Айрин. — Мой ребенок мертв, — прошипела она. — Моя сестра тоже, и она умерла непрощенной. Мужчина, которого я люблю, сядет в тюрьму. Думаете, мне все это доставляет удовольствие?

Айрин чуть отступила назад.

— Тео не обязательно сидеть в тюрьме, — сказала она. — Вы можете это изменить.

— А что это изменит? — спросила Карла. — Что… А-а… — Она с отвращением отвернулась. — Объяснять вам бесполезно. Как вы вообще можете понять, что значит любить ребенка?

Вот опять. К этому всегда все сводилось. Вы не

можете понять, потому что вы не мать. Вы никогда не испытывали настоящей любви. У вас нет этой способности к безграничной, безусловной любви. И способности к безграничной ненависти тоже.

Айрин сжимала и разжимала кулаки.

— Возможно, я не понимаю такую любовь, — сказала она. — Возможно, вы правы. Но отправлять Тео в тюрьму? Какое отношение к этому имеет любовь?

Карла поджала губы.

— Он понимает, — произнесла она обиженно. — Если Тео действительно видел блокнот Дэниела, как вы сказали, то он наверняка понял, почему я должна была сделать то, что сделала. И вы, стоящая здесь и преисполненная таким праведным возмущением, тоже должны понять, потому что я сделала это не только из-за Бена, но и из-за Анджелы.

Айрин недоверчиво покачала головой.

— Из-за Анджелы? Вы на самом деле хотите сказать, что убили Дэниела из-за *Анджелы*?!

Карла протянула руку и на удивление нежно накрыла ею запястье Айрин. Сомкнув вокруг него пальцы, она притянула Айрин к себе.

— Когда, по-вашему, — прошептала она с

внезапной серьезностью и почти надеждой на лице, — когда она узнала?

— Узнала?

— О *нем*. О том, что он наделал. *Каким* он был.

Айрин выдернула руку и покачала головой. Нет, Анджела не могла знать. Слишком ужасно было подумать, что она жила с этим. Нет. В любом случае и знать-то было нечего, разве не так?

— Это просто сюжет, — сказала Айрин. — Он написал рассказ, возможно, чтобы осмыслить пережитое им в далеком детстве, и по какой-то причине представил себя злодеем. Возможно, он чувствовал свою вину, считал, что должен был присматривать за Беном, а может, это был несчастный случай… или ошибка. — Она понимала, что отчасти пыталась убедить в этом и саму себя. — Ребенок мог ошибиться. Он был таким маленьким, что мог не осознавать последствий.

Карла кивала, слушая ее.

— Я думала об этом. Я обо всем этом думала, Айрин. Правда. Но вот еще что: он был ребенком — да, тогда он был ребенком. А потом? Допустим, вы правы, и это была детская ошибка или несчастный случай, но это никак не объясняет его дальнейшего поведения. Он знал, что я виню в случившемся Анджелу, и позволял мне ее ви-

нить. Он позволил мне наказать ее, позволил Тео ее отвергнуть, он наблюдал, как тяжесть вины медленно уничтожала ее, и ничего не сделал. На самом деле, — Карла быстро покачала головой, — это неправда, что он ничего не сделал. Он сделал так, что все стало еще хуже. Он сказал своему психологу, что в смерти Бена виновата Анджела, и заставил меня поверить, что Анджела с ним плохо обращалась. Все это… все это было… Боже, я даже не знаю, что это было. Может, игра? Он играл со всеми нами и манипулировал нами ради своего удовольствия. Чтобы испытать ощущение своей силы…

Это было чудовищно, немыслимо. Какой невероятно извращенный ум мог придумать такое? Айрин поймала себя на мысли, что, вероятно, искаженным было сознание самой Карлы. Разве ее видение событий не было столь же жутким, что и рисунки в блокноте Дэниела? И все же, если учесть, как Анджела отзывалась о своем сыне и жалела, что вообще его родила, версия событий Карлы выглядела очень правдоподобно. Айрин вспомнила пропущенный рождественский ужин, когда Анджела сказала, что завидует ее бездетности, и как она на следующий день извинялась. Она тогда сказала: *Да пусть весь мир пропадет*

пропадом, лишь бы они были счастливы.

Карла отвернулась от Айрин и начала медленно подниматься по лестнице, а когда достигла верхней ступеньки, повернулась к ней лицом.

— Теперь вы понимаете, что отчасти это было за нее. Звучит ужасно, если произнести вслух, правда? Я убила ее сына за нее. Но в каком-то смысле так и есть. Я сделал это за себя, за моего сына, за Тео, но и за нее тоже. За то, что он разрушил жизнь Анджелы.

Вернувшись в свою квартиру, Айрин размышляла о том, как же иногда бывает полезно, пусть и не всегда приятно, что люди, подобные Карле, считают таких пожилых леди, как она, недалекими, рассеянными, забывчивыми и глупыми и не принимают их всерьез. По крайней мере, сегодня был именно такой случай. Карла решила, что Айрин осталось совсем недолго и она уже не успевает за быстрыми переменами в этом сложном мире, за его технологическими разработками, гаджетами, смартфонами и приложениями для записи голоса.

38

Погода снова переменилась, ледяной воздух прошлой недели внезапно был изгнан благословенным дыханием Средиземного моря. Еще два дня назад Мириам ежилась у печи в пальто и шарфе, теперь же стало достаточно тепло, чтобы пить утренний кофе и читать газету, сидя на задней палубе.

То, что было в газете, могло показаться выдумкой писателя: Тео Майерсона освободили из-под стражи, хотя ему по-прежнему предъявлялись обвинения во введении полиции в заблуждение и в воспрепятствовании осуществлению правосудия. А после того как полиция получила от неназванного источника записанное на диктофон драматическое признание, в убийстве обвинялась его жена.

Итак, в конце концов оказалось, что человек, которого Мириам пыталась выставить убийцей Дэниела Сазерленда, оказался его настоящим убийцей. Ну что тут скажешь? Интуиция Мириам оставляла желать много лучшего.

Чем не сюжет для романа?! Мириам не могла

не рассмеяться. Попытается ли Майерсон использовать все это для написания новой книги? А может, стоит попробовать сделать это *самой*? Чтобы из грязи сразу в князи? Мириам возьмет историю его жизни и использует как канву, а потом перевернет ее так, как ей нравится, и лишит его влияния, слов и силы.

Впрочем, имелся более простой — и почти наверняка более прибыльный — способ действий, а именно — своевременный телефонный звонок в «Дейли мейл». Сколько там заплатят за инсайдерскую информацию о Тео Майерсоне? По ее прикидкам, очень даже прилично: Майерсон был как раз из тех людей — богатых, умных, утонченных, придерживавшихся левых взглядов декадентов из столичной элиты, — которых «Дейли мейл» не переносила на дух.

Мириам допила кофе, подошла к кухонному столу, открыла лежавший на нем ноутбук и начала набирать в «Гугле»: «Как продать историю газетам», как вдруг постучали в окно. Она подняла взгляд и чуть не свалилась со стула. Майерсон! Наклонившись, он заглядывал в иллюминатор каюты.

Она осторожно выбралась на заднюю палубу. Тео стоял в нескольких ярдах от нее, засунув руки

в карманы, с мрачным выражением лица. С тех пор как она видела его в последний раз — при задержании полицией, — он сильно сдал. Если раньше он был дородным, румяным и уверенным в себе, то теперь осунулся и выглядел измученным и виноватым. Жалким. Сердце в ее груди затрепетало. Ей следовало бы прыгать от радости — разве не этого она хотела? Чтобы увидеть, как его сломали, как он страдает. Почему же ей вдруг стало его жалко?

— Послушайте, — сказал он, — давайте покончим с этим. Хорошо? Я просто… Я уверен, вы понимаете, через что мне сейчас приходится проходить… — Он пожал плечами. — Я даже не могу выразить словами, что испытываю. Да, я понимаю парадоксальность всего этого. В любом случае мне бы очень не хотелось привлекать полицию. В последний месяц мое общение с ней было более чем достаточным. Хватит на всю оставшуюся жизнь. Однако, если вы продолжите меня преследовать, то просто не оставите мне выбора.

— Прошу прощения? *Преследовать* вас? Я к вам и близко не подходила.

Тео устало вздохнул. Потом вытащил из внутреннего кармана пиджака листок бумаги, мед-

ленно, осторожно его развернул и начал читать ровным голосом, лишенным всякой интонации:

— *«Проблема с такими, как ты, в том, что они считают себя выше всех. Эта история была не твоей, а моей. Ты не имел права ее использовать так, как ты это сделал. Ты должен платить людям за их истории. Должен спрашивать у них разрешения. Да кто ты такой, чтобы использовать мою историю…»* И так далее, и так далее. Таких писем у меня с полдюжины. Ну, не совсем таких — сначала в них был вежливый интерес к моей работе, явно чтобы заставить меня рассказать об источнике сюжета, но потом письма стали намного агрессивнее. В общем, вы поняли. Вы знаете суть. Вы *написали* суть. Ради бога, Мириам, на почтовом штемпеле указан Ислингтон. Я понимаю, что вы хотели скрыть свое авторство, но…

Мириам озадаченно уставилась на него.

— Эти письма писала *не я*. Может, вы украли еще чью-то историю? Может, вы всегда так делаете?

— О, ради бога!

— Это писала *не я*!

Тео сделал шаг назад и судорожно выдохнул.

— Вам нужны деньги? — спросил он. — Тут же

говорится: «*Ты должнен платить людям за их истории*», значит, все дело в этом? Сколько вы хотите? Сколько вам нужно, чтобы оставить меня в покое… — Его голос дрогнул, и Мириам с ужасом почувствовала, что на глаза у нее навернулись слезы, — просто оставить меня в покое?

Быстро вытерев лицо рукавом, Мириам сошла на берег и протянула руку.

— Могу я на них взглянуть? Пожалуйста, — попросила она.

Тео молча передал ей листки.

Бумага была тонкой, плохого качества, почерк аккуратный и похож на детский.

> Майерсон!
>
> Почему ты не отвечаешь на мои письма? Проблема с такими, как ты, в том, что они считают себя выше всех. Эта история была не твоей, а моей. Ты не имел права ее использовать так, как ты это сделал!!! Ты должен платить людям за их истории. Должен спрашивать у них разрешения. Да кто ты такой, чтобы использовать мою историю без спроса? Ты плохо поработал. Убийца в книге слабак. Как слабый человек сделает то, что он сделал? Да и откуда

тебе знать? Ты проявил неуважение.

Мириам покачала головой.

— Это не от меня, — сказала она, переворачивая листок. — Как вы могли подумать на меня — этот человек едва умеет писать.

Она стала читать дальше.

> Тебя забрали в полицию, так что ты ничем не лучше других, верно? Может, мне стоит сообщить, что ты украл мою историю? За это надо было заплатить, но больше всего меня интересует, откуда ты узнал про «Черную реку».

Мириам почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

> Я оставлю тебя в покое и больше не буду писать, если ты скажешь, откуда узнал про «Черную реку».

Земля под ногами у Мириам закачалась. Она вслух прочитала последнюю строчку:

— *…откуда узнал про «Черную реку»*.

— Это название песни, — пояснил Тео. — Речь не о каком-то месте, а…

— Я знаю, что это, — оборвала его Мириам. Мир начал чернеть, тьма сгущалась слишком быстро, и ей не удавалось из нее выбраться. Она открыла рот, но не смогла втянуть воздух: мышцы свело судорогой, диафрагма, руки и ноги ее больше не слушались. Мириам начала бить сильная дрожь, в глазах потемнело. Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание, было испуганное лицо Тео Майерсона.

— Эта песня звучала в машине по радио. Я помню, как он возился с приемником, пытаясь переключить станцию, но Лоррейн попросила ее оставить. И даже подпевала. Она подпевала и спросила: «Разве тебе не нравится? „Черная река“».

Майерсон поставил стакан с водой на прикроватную тумбочку, потом, неловко переминаясь с ноги на ногу, посмотрел на нее сверху вниз. Неловкость была объяснимой: Тео Майерсон помог ей подняться, когда она упала на тропинке в обморок — *сомлела*, как викторианская кисейная барышня в жаркий день, и они вдвоем, шаркая ногами, как пожилые супруги, перебрались на баржу, где он уложил ее в кровать, как ребенка. Как инвалида. Мириам почувствовала бы стыд, если бы была способна чувствовать хоть что-то,

кроме обуявшего ее ужаса. Она лежала на спине, устремив неподвижный взгляд на деревянные планки потолка и пытаясь сосредоточиться на дыхании, только на вдохе и выдохе и ни на чем больше. Но она не могла, когда он был рядом.

— Кому еще вы это показывали? — спросил он. — Свою… эээ, свою *рукопись*. Кто еще ее читал?

— Я никогда и никому ее не показывала, — ответила Мириам. — За исключением Лоры Килбрайд, но это было совсем недавно, и, если верить газетам, она не в состоянии писать кому-либо письма. Я никогда и никому ее не показывала.

— Но этого не может быть. Вы ведь показывали ее адвокату, не так ли? — сказал Тео, нависая над ней и потирая большую лысеющую голову. — Вы наверняка это сделали! Вы же показали ее *моему* адвокату, когда подавали свою… э-э… свою жалобу. — Он переступил с ноги на ногу. — Свою претензию.

Мириам закрыла глаза.

— Я никому не отправляла рукопись целиком. Я выбрала несколько страниц, указала на имевшиеся совпадения. Я никогда не упоминала о песне, хотя она была… даже при том, что она

была, пожалуй, самым ярким подтверждением вашей *кражи*.

Тео поморщился. Он хотел что-то сказать, но передумал.

— Я не хотела упоминать о ее пении, я даже думать не хотела об этом, потому что это был последний раз, когда я слышала ее счастливой и беззаботной. Когда она ничего не боялась.

— Господи, — медленно выдохнул Тео. — Вы не возражаете? — Он указал на кровать, и Мириам сначала даже не поняла, о чем он спрашивает. Он присел на углу койки, с трудом пристроив свой внушительный зад в паре дюймов от ног Мириам. — Этого не может быть, Мириам. Он мертв. Джереми мертв. Вы сами это говорили, и полиция тоже…

— Мне очень этого хотелось, а полиция так решила. Говорили, что его видели в самых разных местах — в Эссексе, Шотландии, Марокко. Полицейские проверяли эти сигналы, или, по крайней мере, меня в этом заверили, но насколько серьезно они к этому отнеслись, я не знаю… Но вам же все это известно, разве не так? Это было в моей рукописи.

Тео поморщился.

— Там было что-то насчет ноги? — наконец

спросил он и покраснел.

Мириам кивнула.

— Через несколько недель после исчезновения Джереми какие-то дети играли на пляже недалеко от Гастингса и нашли человеческую ступню. Она была подходящего размера и цвета, да и группа крови совпадала. Все это было еще до ДНК, поэтому узнать наверняка возможности не было, но предполагалось, что она принадлежит ему. Решили, что он разбился о скалы или его затянуло под гребной винт проходящего судна. В любом случае на этом поставили точку. И искать его перестали.

— Но… — Тео покачал головой. — Подумайте сами. Если ему каким-то образом удалось сбежать, инсценировать свою смерть, сменить личность, то были бы и другие, верно? Другие девушки, в смысле женщины. Человек, способный на то, что он сделал с вами и вашей подругой, не вытворяет такое лишь раз, а потом останавливается. Или я не прав?

— Кто его знает, — ответила Мириам. — Где написано, что *они все* после этого входят во вкус? Может, он попробовал, и ему не понравилось. Может, он испугался. Может, не получил удовлетворения, на которое рассчитывал. А мо-

жет… — Тут баржа качнулась от волны, поднятой проплывавшим мимо катером, и Мириам открыла глаза, чтобы снова сфокусироваться на потолке. — Может, он и не ограничился одним разом. И продолжал это делать снова и снова, а связи никто не заподозрил. В те времена подобным мужчинам было легче жить в разъездах, перебираться с места на место, оставаясь не на виду, и все это длилось годами, разве не так? Он мог уехать за границу, сменить имя, мог… — ее голос задрожал, — оказаться где угодно.

Майерсон подвинулся на кровати и сидел теперь не у нее в ногах, а рядом. Он протянул руку и — она не поверила своим глазам — взял ее ладонь.

— У меня есть адрес его электронной почты, — сказал он. — По нему полиция сможет его выследить. Я могу передать им письма, могу объяснить… *мы* можем объяснить — мы можем объяснить все. — Он посмотрел ей в глаза. — Все.

Мириам отдернула руку. *Все?* Она поняла, что Майерсон таким образом приносит свои извинения. Это его признание. Если они обратятся с этими письмами в полицию, то придется объяснять, каким образом Тео стал их получателем и как они вдвоем пришли к выводу, что знать

об этой песне и ее значимости мог только один человек на свете. И Тео пришлось бы изобличить себя и признать, что при написании романа он использовал факты, почерпнутые из рукописи Мириам. Она получит все, что хотела.

Она медленно моргнула и покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Нет, это не годится. — Вытерев лицо тыльной стороной ладони, она приподнялась на локтях. — Вы не будете обращаться в полицию, а свяжетесь с ним. Ответьте на его вопросы. Во всяком случае, на некоторые. — Она немного помолчала, раздумывая. — Да, свяжитесь с ним, извинитесь за то, что не отвечали на его письма. И договоритесь о встрече.

Тео кивнул, поджал губы и потер голову.

— Я могу это сделать. Я мог бы попросить его встретиться, чтобы обсудить заданные им вопросы. А когда он появится, его уже будет ждать полиция.

— Нет! — твердо заявила Мириам. — Нет, никакая полиция его ждать не будет.

Тео долго смотрел на нее. А потом отвернулся.

— Хорошо, — согласился он.

39

В задней спальне дома Айрин Лора разглядывала аккуратно застеленную односпальную кровать со сложенным на краю ярко-желтым полотенцем. Здесь же были гардероб, книжный шкаф и прикроватная тумбочка, на которую Лора поставила разрисованную фотографию, где была изображена с родителями. Остановив на секунду на ней взгляд, она повернула ее лицом к стене.

Снизу донесся удивительно молодой смех Айрин. Она слушала по радио передачу, в которой люди должны были говорить как можно дольше, не повторяясь и без запинки. Лора этого совсем не понимала, но Айрин это здорово веселило, что само по себе было забавным.

Закончив наконец распаковывать вещи — их у нее было немного, но все приходилось делать одной рукой, — она села на кровать и прислонилась к стене. Лениво перебирая повязку на запястье, край которой уже обтрепался, она прислушивалась к передвижениям людей за стеной, чьи голоса доносились до нее тихим бормотанием. Дом Анджелы выставили на продажу, и его

постоянно приходили смотреть потенциальные покупатели, однако никто из них пока им и не заинтересовался. По крайней мере, по словам риелтора.

— Зеваки, — пожаловался он ей, нервно куря, когда она встретила его в переулке, — собирают материал для своих подкастов о настоящих преступлениях.

Некоторые из них стучались в дверь Айрин, и Лора их выпроваживала. Приезжали и настоящие репортеры, но Айрин ни с кем не хотела говорить. Она уже все рассказала полиции. Все услышала и все записала. Лора безумно, по-дурацки ею гордилась, она гордилась ею больше, чем когда-либо членами своей собственной семьи. Даже попыталась называть ее мисс Марпл, но Айрин решительно и даже с раздражением пресекла эту инициативу. Теперь, в паузах между радиопередачами и чтением книг, помогая Лоре разобраться со всеми юридическими делами, которые ей предстояли, в том числе с иском о компенсации за полученные травмы, предстоящей явкой в суд и всем остальным, она заговаривала о путешествии, в которое они отправятся вдвоем. Ей всегда хотелось побывать в месте под названием Позитано, где снимали фильм о Ганнибале

Лектере. Или что-то типа того.

Лора сказала, что не может позволить себе поехать в отпуск, по крайней мере, пока не получит компенсацию, но Айрин заверила, что это не проблема.

— У нас с Уильямом имелись сбережения, — объяснила она. А когда Лора сказала, что они не могут их тратить, Айрин на нее цыкнула: — Это еще почему?! С собой их забрать все равно нельзя.

Лора чувствовала легкое головокружение. Может, из-за низкого уровня сахара в крови, а может, из-за пьянящих радужных перспектив, которые пришли на смену самым что ни на есть мрачным, так надолго затянувшимся.

Пока они никуда не собирались. Лора еще не до конца оправилась от сотрясения мозга, сломанного ребра и искалеченной левой руки. Та дылда с кольцом в носу раздробила ее своей огромной ногой.

— В руке двадцать семь костей, — объяснял ей врач, указывая на снимок на экране, чтобы показать степень повреждения, — а у вас сломано пятнадцать. Вам очень повезло…

— Мне определенно повезло, — согласилась Лора.

Врач снисходительно улыбнулся.

— Вам повезло, что переломы оказались простыми. При правильной физиотерапии к вам должна вернуться полная свобода движений.

Снова физиотерапия. Совсем как в старые времена.

— Такое ощущение, будто мы пошли по второму кругу, — сказала мать Лоры. Она театрально поплакала у постели Лоры, наверное, всего несколько минут, но они показались вечностью. — Не могу поверить, что мы снова здесь — ты серьезно травмирована, лежишь в больнице…

— Во всяком случае, на этот раз не потому, что твой любовник сбил меня машиной и уехал, правда?

Мать посидела недолго. Отец тоже, потому что на улице его ждала Дейдра — она сидела в машине, припаркованной на двойной красной линии [3].

— Если повезет, ее увезут на эвакуаторе! — сказал он с нервным смешком и оглянулся через плечо, словно опасаясь, что она может услышать. Он сжал здоровую руку Лоры и поцеловал ее в

---

[3] Примечания: 3

Дорожная разметка в виде двойной красной линии в Великобритании означает, что остановка в этом месте запрещена в любое время. — Примеч. ред.

лоб, пообещав вскоре снова навестить.

— Может, когда тебе станет лучше, — сказал он, задержавшись в дверном проеме, — нам удастся проводить больше времени вдвоем. Мы могли бы даже поселиться вместе. Как насчет этого, цыпленок?

Лора покачала головой:

— Нет, пап, мы это уже проходили. Мы с Дейдрой никогда не уживемся…

— О, я знаю, — сказал он, энергично кивая. — Я это знаю. Я знаю, что ты не сможешь жить с ней. Но я имел в виду не сейчас, а в будущем. После того, как я от нее уйду.

Лора ободряюще ему улыбнулась. Рассчитывать на это она не собиралась.

Лысый тоже приходил ее навестить. Его звали детектив Баркер — она наконец-то вдолбила себе это в голову, — но в ее душе он навсегда останется Лысым. Он выразил сожаление, что на нее напали и так сильно избили. И еще сообщил, что Мириам с канала забрала свою жалобу.

— Она призналась, что у нее был ваш ключ, — сказал он. — Нам пришлось поговорить с ней о ряде заявлений, которые она сделала в ходе расследования и которые на поверку оказались не совсем точными.

— Я в шоке, — заявила Лора, улыбаясь. — Правда, в шоке!

Он приподнял бровь.

— У нее была очень складная версия. Она утверждала, что пыталась помочь вам, которую считала виновной, а также изобличить Карлу Майерсон, которую считала невиновной. Но на самом деле убийцей оказалась именно Карла.

— Вы действительно не могли придумать такое дерьмо, — согласилась Лора.

Он улыбнулся ей.

— Мы не прощаемся, Лора, — сказал он, уходя. — Остается дело с украденной сумкой, в которой были нож и ценности.

— И не забудьте про вилку, — напомнила ему Лора.

— Да, само собой. Вилка.

Ночью, лежа в своей узкой кровати, обмотанная старенькой простыней, Лора прижала ладонь здоровой руки к стене, за которой находилась комната Дэниела. Во всем этом была какая-то сверхъестественная закольцованность: все началось с того, что она легла в постель Дэниела, а закончилось тем, что от его спальни ее отделяют всего лишь несколько дюймов викторианского кирпича.

Она часто мысленно возвращалась к той ночи на его барже и к утреннему рассвету. Странность, не дававшая ей покоя, заключалась не во внезапной перемене в его поведении, не в молниеносном переходе от обаяния к жестокости. И даже не в выражении его лица, когда она бросилась на него, оскалив зубы.

Нет, она никак не могла выбросить из головы тот момент, когда сошла с задней палубы баржи на тропинку и бросила взгляд направо. В сером полумраке рассвета она увидела на мосту женщину, которая смотрела на нее сверху вниз. И ее мучило, что она не могла, даже если бы от этого зависела ее жизнь, представить себе выражение лица этой женщины. Она не могла сказать, было ли оно грустным или сердитым, унылым или полным решимости.

Эпилог

В плавучем доме на канале был найден мертвый мужчина.

Остановите меня, если вам показалось, что вы уже слышали это раньше.

За обедом Карла вынуждена была терпеть глупые шутки других женщин. *Небось еще один из твоих дружков? Да уж, времени ты зря не теряла.* В тот день она пошла в библиотеку, но ей не разрешили прочитать об этом в Интернете, зато она сумела убедить одного из охранников (мегафаната Майерсона) распечатать статью на домашнем принтере и принести ей.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В УБИЙСТВЕ НАЙДЕН МЕРТВЫМ

Сильно разложившееся тело 58-летнего Джереми О'Брайена, известного также как Генри Картер и Джеймс Генри Брайант, было найдено на частично затопленной барже на Риджентс-канал. Ранее считалось, что О'Брайен, разыскиваемый в связи с убийством в 1983 году

школьницы Лоррейн Рид, покончил с собой через несколько дней после преступления.

Полиция утверждает, что с 1980-х годов О'Брайен вместе со своим сводным братом жил под именем Джеймса Генри Брайанта в Испании. В 1988 году он попал в автомобильную катастрофу, в результате которой повредил позвоночник и передвигался на инвалидной коляске. По утверждению полиции, он вернулся в Англию в прошлом году после смерти сводного брата и жил в приюте на севере Лондона под именем Генри Картера.

Несмотря на определенное сходство между убийствами О'Брайена и 23-летнего Дэниела Сазерленда шесть месяцев назад — оба тела были обнаружены в плавучих домах на канале, и оба скончались в результате ножевых ранений в грудь и шею, — полиция отрицает наличие какой бы то ни было связи между ними. Карла Майерсон, осужденная за убийство Дэниела Сазерленда, признала себя виновной и с июля отбывает заключение в тюрьме Бронзфилд.

Карле этого было достаточно. Она сложила листок и вернула его охраннику.

— Спасибо, — поблагодарила она его. — Тео сказал, что пришлет вам подписанный экземпляр своей последней книги по почте.

Через несколько дней Карла получила письмо от женщины-криминалиста, в котором та спрашивала, можно ли ей приехать и поговорить о ее деле. У Карлы не было особого желания говорить с кем-то о своем деле, но, соскучившись по образованному собеседнику, она согласилась.

Криминалистом оказалась девушка-студентка — очень юная, со свежим лицом и горящими глазами. Она выбрала дело Карлы для своей дипломной работы и надеялась, что в будущем сможет заинтересовать какое-нибудь издательство книгой, где Карла выступит в качестве главной героини. По этому делу уже было одно ложное признание. Может, и второе тоже являлось ложным? Могла ли Карла стать жертвой судебной ошибки, занимающейся самооговором? Может быть, на мужчин, живущих на Риджентс-канал или рядом с ним, охотился серийный убийца? А может, серийный убийца охотился на других убийц?

Бедняжка относилась к своим догадкам с такой

серьезностью, что Карле было крайне неловко разрушать ее иллюзии.

— Никакой судебной ошибки не было, — спокойно сказала она девушке, — на канале нет серийных убийц. Один случай не имеет ничего общего с другим.

— Но ваш муж, он считает…

— А-а… — понимающе улыбнулась Карла. — Вы говорили с Тео. Боюсь, вам не следует принимать его слова всерьез и всему верить. Он мечтатель, живет в своем собственном мире.

— Так, значит… это сделали вы? — уточнила девушка, и на ее красивом лице было написано разочарование.

Карла кивнула:

— Да, это сделала я.

— Понятно… но почему? Мы можем поговорить о причине?

Карла покачала головой:

— В своем электронном письме я ясно дала понять, что не готова обсуждать предысторию. Мне очень жаль.

— В самом деле? Но вы настолько *нетипичны* — из среднего класса, образованны, не замужем…

— А это имеет какое-то значение? — удивилась Карла. — Я имею в виду мое семейное положе-

ние.

— Ну, женщины-убийцы, как правило, соответствуют определенным стереотипным представлениям — обычно они замужем, имеют детей и тому подобное. Вы действительно не укладываетесь в стандартные модели.

— Когда-то я была замужем, и у меня был ребенок, — грустно возразила Карла.

— Да, но… Хорошо. — Криминалист явно зашла в тупик и, растерявшись, с надеждой окинула взглядом комнату. Так обычно поступают люди на вечеринках, если столкнулись с занудой и хотят найти компанию поинтереснее. — Что ж, — сказала она наконец, — можете ли вы хотя бы сказать, сожалеете вы о содеянном или нет?

Признание, которое Карла сделала в полиции, было далеко не полным и, по сути, могло считаться признанием лишь наполовину. Полицейские получили только голые факты без каких-либо пояснений. Однако, признаваясь в убийстве, Карла напрочь отмела возможность того, что поступок Дэниела был детской ошибкой. Она говорила об истязании и манипулировании, и сомнений у нее не было.

Но теперь, когда она позволила своему разуму свободно блуждать — а что еще ему оставалось

там делать? — он забирался в такие дебри, что ей становилось не по себе.

Это разум задавался вопросом, а могло ли то, что она в приступе ярости приняла за манипулирование, на самом деле оказаться чем-то другим? Что, если это было не расчетливым манипулированием, а своеобразным проявлением любви? Потому что иного он и не знал? Может, история, которую она сочинила, была ничуть не правдивее мифа, созданного для себя Дэниелом?

Эта дорога была темной с самого начала и стала еще темнее, когда Карла поняла, что движение здесь одностороннее: если ступить на нее, обратного пути уже не будет.

Теперь, размышляя о содеянном, Карла видела свои поступки в ином свете. Без анестезии страха и возбуждения (да, в тот момент она ощущала эмоциональный подъем) она ясно осознавала, что совершила. Кровь… Сколько же ее было! Звуки, которые он издавал, тошнотворное бульканье у него в горле, дикая белизна его глаз, запах железа, мочи, агонии и ужаса.

Должно быть, она сошла с ума. Сможет ли она свыкнуться с этой историей? Сможет ли убедить себя, что обезумела от боли, горя, что не понимала, что делала?

Сидя в комнате для посетителей самой большой женской тюрьмы Европы, где она содержалась вместе с растерянными, подавленными, обездоленными узницами, среди которых, конечно же, попадались и самые отвратительные представительницы женского населения Великобритании, она спрашивала себя: действительно ли ее место здесь?

Что, в конце концов, она бы сделала по-другому, если бы сохранила ясность рассудка? Будь она в здравом уме, могла бы она такое совершить? Могла бы спокойно жить дальше, заперев знание о том, что сделал Дэниел, где-то в глубинах сознания? Только как бы она могла так поступить, находясь *в здравом уме*? Как могла выбрать жизнь в том мире, в котором бы продолжал жить Дэниел? В котором она могла бы видеть его, дышать тем же воздухом, что и он? В мире, в котором существовала возможность, что она будет испытывать к нему какие-то добрые чувства — нежности или чего-то сродни любви.

Такую возможность она должна была уничтожить.

— Миссис Майерсон? Вы сожалеете о содеянном?

Примечание автора

Место действия для этой книги выбрано не случайно и навеяно атмосферой улиц и домов на Риджентс-канал, который пересекает Ислингтон и Клеркенвелл в Лондоне. Описание домов и улиц не всегда соответствует действительности: я позволила себе дать волю воображению там, где посчитала это целесообразным.

От автора

Спасибо Саре Адамс и Саре Макграт за их потрясающую редакторскую работу и безграничное терпение.

Спасибо лучшим агентам по обе стороны Атлантики, Лиззи Кремер и Саймону Липскару, за их блестящие советы и неизменную поддержку.

Спасибо Кэролайн Макфарлейн, победительнице благотворительного аукциона CLIC Sargent, за разрешение использовать свое имя.

Спасибо моим первым читателям: Петине Гаппа, Фрэнки Грею и Элисон Фэйрбразер.

А еще спасибо Саймону Дэвису, потому что только Богу известно, какими непростыми были последние три года.